

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2022

Volume 21. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022

Том 21. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2022. Vol. 21. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: “Law as a Key Regulator of Ensuring Sovereign Identity, Unity and Security of the State”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **ReadERA** (Russia), **“CyberLeninka” Scientific Electronic Library** (Russia), **“Socionet” Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, A.A. Lagutina*

Making up: *E.S. Reshetnikova*

Technical editing: *E.S. Reshetnikova, O.N. Yadykina*

Passed for printing Oct. 12, 2022.

Date of publication: Dec. 22, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18,5. Published pages 19,9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31). Order 142. «C» 34.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022. Т. 21. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Право как ключевой регулятор обеспечения суверенной идентичности, единства и безопасности государства»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), ReadERA (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иниакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышианский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварато (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина
Верстка Е.С. Решетниковой
Техническое редактирование Е.С. Решетниковой, О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 12.10.2022 г.

Дата выхода в свет: 22.12.2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,5.
Уч.-изд. л. 19,9 Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).
Заказ 142. «С» 34.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишаква А.О. Концепция юридического равенства государств и социальная сила права в условиях дипломатии двойных стандартов 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Грачев Н.И. Советский Союз как империя: к вопросу о политико-правовой природе территориального устройства СССР 12

Латыпова Н.С. О роли историко-правовых исследований военных конфликтов как истоков трансформации государства и права 26

Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Житенева Н.В. Международный опыт в сфере возвращения культурных ценностей законному владельцу 33

Козыревская Л.А. Договор на эксплуатацию путей необщего пользования в системе договорных обязательств Беларуси и России 39

Конonenko Д.В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства) 48

Шубенкова К.В., Игнатова К.Э. Правовое регулирование межэтнических отношений в Европейском союзе 55

Богданов Е.В. Гражданско-правовые основы формирования и функционирования мобилизационной экономики в Российской Федерации 62

Егоров Г.Г. Правовые формы обеспечения информационной безопасности в сети Интернет 70

Казаченок О.П., Степанова И.А. Правовые последствия влияния экономических санкций на исполнение внешнеэкономических контрактов 77

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Варчук А.А. Иррациональность в государственно-правовой реальности 83

Терехов Е.М. Анализ развития представлений о классификациях интерпретационных актов 88

Бакулина И.П., Кириллов Д.А. Запрет на притворность в административном праве: проблемы обоснованности 95

Петраченко Е.И. Теоретико-правовые аспекты развития института наследования по завещанию в Российской империи 100

Гаврилова Ю.А., Гаврилов Д.А., Калашикова Н.А. Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации 105

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Красильникова Т.К. Корпоративная природа совместных хозяйственных организаций, действующих в СССР 113

Белова О.А. К вопросу о «заключении договора» в проекции восприятия договорных отношений в дореволюционном, советском и современном периодах 120

Котельников Н.В., Садков А.Н., Прудникова Н.И. Порядок продажи имущества должника в делах о банкротстве физических лиц: особенности реализации имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве общей собственности 126

Чукреев В.А. О необходимости правовой охраны интересов «киборг-людей» от причинения вреда юридическими лицами 136

Юсупов Мохаммад-Бастани Р. Ответственность поставщика (подрядчика, исполнителя) в рамках контрактных правоотношений: правовое регулирование и судебная практика 141

Туешова Е.С. Концепция доверия как основа взаимодействия в рамках обращения цифровых валют 151

Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения 159

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО:

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Бурмагин С.В. Процессуальные стандарты доказывания в особых судебно-уголовных производствах 168

Россинский С.Б. О причинах наделения органа дознания непроцессуальными полномочиями полицейского характера 178

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Щелконогова Е.В. Уголовно-правовая система и система уголовного права 185

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Трофимов В.В. Юридическая техника: свежий взгляд и новые методологические подходы (Рец. на кн.: Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку [Текст] : монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.) 192

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. The Concept of Legal Equality of States and the Social Force of Law in the Context of Double Standards Diplomacy 6

MAINSTREAM ISSUE

Grachev N. I. The Soviet Union as an Empire: On the Issue of the Political and Legal Nature of the Territorial Structure of the USSR 12

Latypova N.S. Toward an Understanding of Historical and Legal Studies of Military Conflicts as the Sources of Transforming the State and Law 26

Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Zhiteneva N.V. International Experience in the Field of Returning Cultural Property to Its Rightful Owner 33

Kozyrevskaya L.A. The Agreement for the Operation of Non-Public Tracks in the System of Contractual Obligations in Belarus and Russia 39

Kononenko D.V. GovTech as a New Stage in the Development of E-Government 48

Shubenkova K.V., Ignatova K.E. The Legal Regulation of Interethnic Relations in the European Union 55

Bogdanov E.V. The Civil Foundations for the Developing and Functioning of the Mobilization Economy in the Russian Federation 62

Egorov G.G. Legal Forms of Ensuring Information Security on the Internet 70

Kazachenok O.P., Stepanova I.A. Legal Consequences of the Impact of Economic Sanctions on the Execution of Foreign Economic Contracts 77

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

Varchuk A.A. Irrationality in the State-Legal Reality 83

Terekhov E.M. The Development Analysis of the Ideas About Classifications of Interpretative Acts 88

Bakulina I.P., Kirillov D.A. Ban on Sham in Administrative Law: Problems of Validity 95

Petrachenko E.I. The Theoretical and Legal Aspects of Developing the Institution of Testamentary Succession in the Russian Empire 100

Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation 105

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Krasilnikova T.K. The Corporate Nature of Joint Economic Organizations Operating in the USSR 113

Belova O.A. On the Issue of “Concluding a Contract” in the Projection of the Perception of Contractual Relations in the Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Periods 120

Kotelnikov N.V., Sadkov A.N., Prudnikova N.I. The Procedure for the Sale of a Debtor's Property in Bankruptcy Cases of Individuals: Features of the Sale of Property Belonging to a Debtor Citizen on the Right of Common Ownership 126

Chukreev V.A. On the Need for Legal Protection of “Cyborg People's” Interests from Harm by Legal Entities 136

Yusupov Mohammad-Bastani R. The Responsibility of the Supplier (Contractor) Within the Framework of Contractual Legal Relations: The Legal Regulation and Judicial Practice 141

Tueshova E.S. The Concept of Trust as the Basis of Interaction in the Framework of Digital Currencies 151

Zaynutdinova E.V. Digital Rights and Digital Currency in Russian Law: The Issues of Legal Nature and Relations 159

PROCEDURAL LAW:

THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Burmagin S.V. Procedural Standards of Proof in Special Judicial and Criminal Proceedings 168

Rossinsky S.B. On the Reasons for Granting the Body of Inquiry Non-Procedural Powers of a Police Nature 178

CRIME PREVENTION

AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

Shchelkonogova E.V. The Criminal Legal System and the System of Criminal Law 185

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Trofimov V.V. Legal Technique: A Fresh Look and New Methodological Approaches (Review of the Book: The Theory and Metatheory of Legal Technique: From Legal Consciousness to Law and Order [Text] : monograph / ed. by A. V. Averin, M. L. Davydova. – Vladimir : Vladimirskiy filial RANHiGS, 2022. – 242 p.) 192

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.1>

UDC 342.2

LBC 67.400.51

THE CONCEPT OF LEGAL EQUALITY OF STATES AND THE SOCIAL FORCE OF LAW IN THE CONTEXT OF DOUBLE STANDARDS DIPLOMACY

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to highlighting the key issues of the cover theme of the issue of the journal “Legal Concept” = “Pravovaya paradigma” entitled “Law as a key regulator of ensuring sovereign identity, unity and security of the state”. The main purpose of the paper is the study and analysis of the scientific papers that have made up the heading “The cover theme of the issue” for the guidance of the journal’s reader in a comprehensive collective intersectoral research and the outline of the range of theoretical and legal, and law enforcement issues that determined its concept and title. The author substantiates the relevance of studying the category of state sovereignty both in theoretical and practical aspects, refracted through the prism of objective and subjective factors of modern reality, such as: globalization, the aggravation of issues of geopolitics and national security, the sanctions policy of the West as a conscious long-term strategy of economic and personal restrictive measures against Russia, as well as the need to help forward Industry 4.0 on a growth trajectory and accelerated recovery of industry and import substitution due to the Coronavirus Pandemic in 2020–2021. The reader’s attention is focused on the key elements of the structure of the theoretical and practical concept of national security - technological, natural, humanitarian, social, economic and military-political security, without which it is impossible to ensure state sovereignty and the realization of sovereign rights of the state. Lastly, it is concluded that the state sovereignty should be ensured by the unity of national, regional and international security.

Key words: state sovereignty, sovereign identity, sovereign rights, state security, natural security, economic security, mobilization economy, social security, military-political security, military conflicts, economic sanctions, interethnic relations, supranational regulation, national jurisdiction, territorial scope of law, force of law, social force of law.

Citation. Inshakova A.O. The Concept of Legal Equality of States and the Social Force of Law in the Context of Double Standards Diplomacy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 6-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.1>

УДК 342.2

ББК 67.400.51

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА ГОСУДАРСТВ И СОЦИАЛЬНАЯ СИЛА ПРАВА В УСЛОВИЯХ ДИПЛОМАТИИ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена освещению ключевых вопросов главной темы номера журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» под названием «Право как ключевой регулятор обеспечения суверенной

идентичности, единства и безопасности государства». Основной целью статьи является изучение и аналитика научных статей, составивших рубрику «Главная тема номера», для ориентации читателя журнала в проведенном комплексном коллективном межотраслевом исследовании и обозначения круга теоретико-правовых и правоприменительных вопросов, определивших ее концепцию и название. Автор обосновывает актуальность изучения категории государственного суверенитета как в теоретическом, так и практическом аспектах, преломляющейся через призму объективных и субъективных факторов современной действительности, таких как: глобализация, обострение вопросов геополитики и национальной безопасности, санкционная политика Запада как осознанная долгосрочная стратегия экономических и персональных ограничительных мер в отношении России, а также необходимости продвижения Индустрии 4.0 на траекторию роста и ускоренное восстановление промышленности и импортозамещения вследствие пережитой пандемии коронавируса в 2020–2021 годы. Внимание читателя акцентируется на ключевых элементах структуры теоретического и практического понятия национальной безопасности – технологической, естественной, гуманитарной, социальной, экономической и военно-политической безопасности, без которых невозможно обеспечение государственного суверенитета и реализация суверенных прав государства. В заключении делается вывод о том, что государственный суверенитет должен быть обеспечен единством национальной, региональной и международной безопасности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, суверенная идентичность, суверенные права, государственная безопасность, естественная безопасность, экономическая безопасность, мобилизационная экономика, социальная безопасность, военно-политическая безопасность, военные конфликты, экономические санкции, межэтнические отношения, наднациональное регулирование, национальная юрисдикция, территориальная сфера действия права, сила закона, социальная сила права.

Цитирование. Иншакова А. О. Концепция юридического равенства государств и социальная сила права в условиях дипломатии двойных стандартов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.1>

Главная тема очередного номера юридического журнала «*Legal Concept*» = «Правовая парадигма» посвящена праву как ключевому регулятору обеспечения суверенной идентичности, единства и безопасности государства. Несмотря на существование различных юридических теорий и правовых подходов к пониманию государственного суверенитета, не совпадающих, а иногда и противоречащих друг другу в содержательном смысле [1], концептуально его структура остается все же идентичной, демонстрируя жесткое бинарное разделение на внутреннее / внешнее, национальное / глобальное, метафизическую приверженность к контейнерной теории пространства, тяготение к поиску высшего, (политического, этического, юридического) скептицизма и идеи единообразия суверенного образования (государства, народа, права) [6]. Преимуществом этой концептуальной структуры способствовала тому, что наше политическое, социальное, правовое мышление и воображение веками формировались логикой суверенного мышления. В традиционной правовой доктрине суверенитет является категорией, выражающей содержание и объем полномочий государства во внутренней и

внешней политике. Суверенные права государства естественны, так как возникают по факту возникновения государства, существуют пока существует государство и не зависят от неправовых факторов. Могут ли суверенные права меняться в процессе исторического развития самого государства или мироустройства? И если да, то каковы приемлемые границы и допустимое существо таких изменений?

По сути, суверенные права представляют собой четко определенные, установленные и гарантированные границы свободы государства. Общеизвестно, что эти свободы не нарушаются вследствие добровольного ограничения государствами своих суверенных прав с целью осуществления внешнеэкономического и внешнеполитического межгосударственного взаимодействия. Кроме того, очевидно и неизбежно то обстоятельство, что глобальное общество все чаще осуществляет контроль над рисками посредством международного сотрудничества и транснационального регулирования [3]. Поэтому так важен анализ эволюции значения понятия суверенитета и его современного понимания в условиях глобализации. Современные исследо-

ватели по-разному подходят к его трактовке. Точки зрения принципиально разнятся, одни провозглашают конец суверенитета, другие отрицают сам факт его размывания [2].

Между тем в последние десятилетия эксперты, как ученые, так и практики, проявляют единодушие и констатируют переосмысление подходов к суверенитету [4]. Полагаем, это единодушие связано с возникновением феномена государств с проблемным суверенитетом (бывшая Югославия, СССР и др.). Существовавшая до недавнего времени модель мироустройства, в которой участниками международных отношений признаются только страны – члены ООН, не отражала реальной картины мира. Мировое сообщество столкнулось с радикальными изменениями, связанными с пренебрежением стандартами прав человека, влияющими на трансформацию самой идеи государства, основанного на правовых нормах и правах человека. Следствием дипломатии двойных стандартов и попыток инструментального использования конфликтов для реализации стратегических интересов стал кризис отношений России и Запада, что привело к поспорию понятий территориальной целостности и государственного единства.

Перед общественными институтами, выполняющими функцию регуляторов, остро встает вопрос можно ли, и как сохранить базовые ценности, связанные с идеей суверенной идентичности, единства и безопасности государства? Праву как ключевому регулятору отведена главная роль в их как сохранении, так и возрождении, а также построении нового миропорядка. Утрата суверенитета влечет за собой прекращение существования государства как субъекта международного права. Необходимо также понять пути решения вопросов на внешнем и внутреннем уровнях по самоопределению и по балансу между правом на самоопределение и правом на территориальную целостность в международном праве. Еще одна проблема, на которую следует обратить внимание, это приоритет влияний на субрегиональной основе при определении суверенитета. Так, при изучении данного вопроса учеными были выбраны страны Тихоокеанского региона (США, Канада, Россия), вследствие чего

были сделаны выводы о том, что подходы регионов к решению данного вопроса разнятся из-за отличий в политической идеологии, культуре, религии, истории, экономики, географии, степени интегрированности в глобализационные процессы и других факторов суверенной идентичности государства [2].

К первоочередному перечню мер по устранению пробелов и противоречий в системе международного права следует отнести необходимость закрепления в современной системе международных отношений понятия территориальности как базовой характеристики государства. О теоретических и прикладных аспектах этой непростой правотворческой задачи уже высказывались ученые, отмечая важность разработки соглашения между Западом и Россией о некоторых общих правилах игры, включая более четкие критерии признания новых государств, законность / незаконность отделения, сохранения территориальной целостности, а также возможные процедуры перехода в новый статус [4]. Новые дипломатические подходы разрешения противоречий между принципами территориальной целостности и правом наций на самоопределение необходимо подкрепить новыми правовыми основаниями, которые должны быть разработаны правоведами в ходе объективного анализа современной архитектуры международных отношений. Ключевой задачей национальной юрисдикции как категории, определяющей территориальную сферу действия права и, таким образом, устанавливающей границы государственного суверенитета, становится наделение внутригосударственного права социальной силой. С другой стороны, полагаем, что именно сила закона обеспечивает государственный суверенитет [5]. В этой связи логично, что вопросы политико-правовой природы территориального устройства государства, рассмотренные в статье профессора А.И. Грачева получили освещение в главной теме номера. Исследование проведено на примере СССР. Автор указывает на факт отсутствия необходимого, по его мнению, теоретического анализа советской государственности в специальных исследованиях в рамках современных общественных наук, что недопустимо, потому что современная Российская Федерация является правопреемником

СССР и исторически «выросла» из него. Проблема политико-территориального устройства Советского Союза также не решена на должном доктринальном уровне, так как имеет место быть значительный разброс мнений, часто диаметрально противоположных, по поводу его формы. Исследуется природа территориальной организации советского государства, определяется его государственная форма. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что СССР обладал достаточным набором политико-правовых признаков, позволяющих отнести его к империям. Поэтому, несмотря на кажущийся исторический разрыв по внешним параметрам с Санкт-Петербургской империей, Советское государство, пришедшее ей на смену, с точки зрения логики русской истории и своего политико-правового содержания явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности, представляя собой совершенно закономерную фазу ее развития и имея в своей основе имперскую геополитическую природу, генетически свойственную российской цивилизации.

Историко-правовые исследования в рубрике «Главная тема номера» проведены также и в контексте изучения военных конфликтов как истоков трансформации государства и права. Н.С. Латыповой обосновано, что социальные и политические конфликты нередко приводят к прямым вооруженным столкновениям как внутри государства, так и за его пределами. При этом государственно-правовые последствия, порождаемые военными конфликтами, зачастую коренным образом трансформируют механизм государства, его правовую и политическую системы. Автором статьи анализируются возможные правовые последствия внутрисоветских вооруженных конфликтов и социальные противоречия, выступившие триггером их начала и развития. Определяются роль и значение историко-правовых исследований вооруженных конфликтов в рамках юридической науки.

Международный опыт в сфере возвращения культурных ценностей законному владельцу изучен в научной статье, представленной в главной теме номера учеными из Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина. Исследование проведено

на основании анализа действующего международного законодательства, регулирующего порядок и условия возвращения утраченных культурных ценностей частным лицам. В статье раскрываются юридические возможности реституции как правового института, способствующего защите прав и свобод человека. Реституция в международном праве рассмотрена как форма материального возмещения ущерба в результате неправомерного международного акта путем восстановления состояния, существующего до его совершения. Изучен международный опыт возвращения культурных ценностей законным владельцам. Сделан вывод о том, что исследуемый институт реституции культурных ценностей требует пристального законодательного внимания как сравнительно молодой гражданско-правовой феномен.

В контексте внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов международной интеграции России в рубрике главной темы номера ученым Белорусского государственного экономического университета изучается договорная конструкция эксплуатации путей необщего пользования России и Беларуси. Отмечается, что в системе грузоперевозок между РФ и РБ ведущее место занимает железная дорога. Поэтому вопросу формирования соответствующей инфраструктуры, в том числе, строительству и эксплуатации вспомогательных объектов, в частности путей необщего пользования, необходимо уделять особое внимание в правотворческом процессе. Исследовательский акцент сделан на договоре на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования, который введен актами специального законодательства Беларуси и России. Указывается на дискуссионный характер существа данного договора в юридической науке обоих суверенов. Выявляются различия в правовых характеристиках договора на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования. Исследование носит сравнительно-правовой характер и направлено не только на выявление содержания обязательств, возникающих на основе договора на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования, но и на оценку перспективы и путей развития соответствующего правового регулирования в Бе-

ларуси и России. Уточняется правовая природа договора на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования; место названного соглашения в системе гражданско-правовых договоров; термин «договор на эксплуатацию путей необщего пользования»; предложены рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования; выявлены возможные смешанные типы договоров, включающих в себя элементы содержания исследуемого вида обязательств.

Тенденции и правовые механизмы регулирования межнациональных отношений исследуются в рубрике «Главная тема номера» и на примере многообразных этнических отношений в Европейском союзе. Изучение европейского опыта позволило авторам прийти к выводу о том, что невозможно избежать возникновения межэтнической напряженности, проявления ксенофобии или дискриминации в интегрированной Европе, однако с ними, по мнению авторов, можно эффективно бороться. Выявляются структура системы источников правового регулирования межнациональных отношений Европейского союза, положительные практики и пробелы в вопросах регулирования межнациональных отношений. Установлено, что в вопросах регулирования межнациональных отношений, ЕС полностью опирается на стандарты, разработанные Советом Европы, таким образом, достигается выработка единых подходов к установлению общеевропейских ценностей и устойчивому развитию межнациональных отношений.

Вопросы мобилизационной экономики в Российской Федерации в аспекте гражданско-правового регулирования основы ее формирования и функционирования изучены профессором РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Богдановым. Ученый отмечает, что в связи с резким обострением международной обстановки назрела необходимость существенной корректировки национальной социально-экономической модели. Обоснован вывод о необходимости создания двухсекторной экономики, состоящей из частного и государственного секторов. С этой целью автором обоснованы рекомендации по развитию государственных предприятий на праве хозяйственного ведения. Особый акцент сделан на повышении социального значения предприни-

мательства в современных реалиях, а также на праве на свободу предпринимательской деятельности, которой, по мнению автора, должны обладать лишь добросовестные предприниматели.

Вопросы правового обеспечения информационной безопасности в Интернете рассмотрены с учетом интенсивной динамики развития современных цифровых сетей и введением посредством их использования в оборот данных, обладающих повышенной социальной опасностью, ограниченных к гражданскому использованию в РФ. Необходимость нивелирования негативных последствий этих процессов явилась ключевой предпосылкой проведения научного анализа существующих правовых форм обеспечения информационной доступности и поиска эффективных современных правовых и организационных механизмов обеспечения гражданских интересов в данной сфере. Автором обосновано применение правовых механизмов как правотворческого, так и правореализационного подходов по выявлению нарушений порядка использования электронной информации. Доказана необходимость введения организационно-правовых методик по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики, предложен ряд мер по их устранению.

Проблема влияния экономических санкций на исполнение внешнеэкономических контрактов исследована как следствие применяемых мер воздействия на другие государства в целях решения определенных политических или экономических задач. Авторы отмечают, что вводимые ограничения затрагивают не только экономику страны в целом, но и отражаются на отдельных субъектах хозяйственной деятельности, являющихся сторонами внешнеторговых контрактов. Особый акцент сделан на негативных последствиях влияния международных санкций на исполнимость и действительность внешнеэкономических контрактов и определении способов минимизации убытков. Доказано, что введение санкций делает невозможным исполнение ранее заключенных внешнеторговых контрактов, что приводит к значительному ущербу конкретным субъектам международной торговли, чьи убытки возможно минимизировать через при-

менение института форс-мажора и формирования соответствующей судебной практики.

Общим выводом по итогам проведенного научно-аналитического обзора, полученным в ходе межотраслевого комплексного исследования результатов, может быть заключение о том, что лишь совокупность национальной, региональной и международной безопасности обеспечивает государственный суверенитет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bozzon, M. Political Unity and «Secession» Beyond the State. Remarks on Brexit / M. Bozzon // *Filosofia Politica*. – 2019. – Vol. 10, № 3. – P. 445–464. – DOI: 10.1416/94989
2. Cherny, V. Understanding Modern Sovereignty Within Global Tendencies / V. Cherny, E. Savicheva // *Analele Universitatii Din Craiova – Seria Istorie*. – 2017. – Vol. 31, № 1. – P. 149–158.
3. Kunz, K. Is the Idea of a Sovereign Authority Based on Legal Rules and Human Rights Out Dated? / K. Kunz // *Punishment and Society*. – 2013. – Vol. 15, № 4. – P. 382–396.
4. Markedonov, S. State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty / S. Markedonov, I. Okunev // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Vol. 8, № 4. – P. 1422–1436.

5. Richland, J. B. Jurisdiction: Grounding Law in Language / J. B. Richland // *Annual Review of Anthropology*. – 2013. – Vol. 42. – P. 209–226.

6. Volk, C. The Problem of Sovereignty in Globalized Times / C. Volk // *Law, Culture and the Humanities*. – 2022. – Vol. 18, № 3. – P. 716–738.

REFERENCES

1. Bozzon M. Political Unity and «Secession» Beyond the State. Remarks on Brexit. *Filosofia Politica*, 2019. vol. 10, no. 3. pp. 445-464. DOI: 10.1416/94989
2. Cherny V., Savicheva E. Understanding Modern Sovereignty Within Global. *Analele Universitatii Din Craiova – Seria Istorie*, 2017, vol. 31, no. 1, pp. 149-158.
3. Kunz K. Is the Idea of a Sovereign Authority Based on Legal Rules and Human Rights Out Dated? *Punishment and Society*, 2013, vol. 15, no. 4, pp. 382-396.
4. Markedonov S., Okunev I. State Integrity and Self State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 1422-1436.
5. Richland J. B. Jurisdiction: Grounding Law in Language. *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 209-226.
6. Volk C. The Problem of Sovereignty in Globalized Times. *Law, Culture and the Humanities*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 716-738.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.2>

UDC 342.22
LBC 67.0

Submitted: 31.08.2022
Accepted: 01.10.2022

**THE SOVIET UNION AS AN EMPIRE:
ON THE ISSUE OF THE POLITICAL AND LEGAL NATURE
OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE USSR**

Nicolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the modern Russian Federation is the legal successor of the USSR and historically has grown out of it, the necessary theoretical analysis of the Soviet statehood does not occur in modern social sciences. This also applies to the problem of the political and territorial structure of the Soviet Union, about the form of which there is a significant range of opinions in the literature, often diametrically opposed. The **subject** of the paper is to find the most accurate methods of studying the nature of the territorial organization of the Soviet state, and its **purpose** is to determine on this basis an adequate state form of the USSR. **Methods:** the methodological framework for the work is a set of methods of scientific cognition, among which the dialectical and historical-legal methods and the civilizational approach are of key importance in the systematic analysis of the basic conditions of education and trends in the evolution of the Soviet statehood. The **results** of the study show that when searching for the optimal model of the state form, especially in a revolutionary situation, it is impossible to dogmatically oppose democracy to dictatorship, unitarianism to federalism, centralization to autonomy, etc., which was well demonstrated by the leadership of the Bolshevik Party by creating an updated version of the giant Eurasian (Russian) continental empire of the socialist type. **Conclusions:** the Soviet Union possessed a sufficient set of political and legal features that allow it to be attributed to empires. Therefore, looking in many external parameters as a historical break with the St. Petersburg Empire, the Soviet state that replaced it, from the point of view of the logic of Russian history and its political and legal content, was a necessary link in the evolution of the Russian statehood, representing a completely natural phase of its development and having at its core an imperial geopolitical nature, genetically characteristic of the Russian civilization.

Key words: geopolitics, state, localization, sovereignty, empire, state-forming people, civilization.

Citation. Grachev N.I. The Soviet Union as an Empire: On the Issue of the Political and Legal Nature of the Territorial Structure of the USSR. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 12-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.2>

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ИМПЕРИЯ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СССР

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что современная Российская Федерация является правопреемником СССР и исторически выросла из него, необходимого теоретического анализа советской государственности в современных общественных науках не происходит. Это относится и проблеме политико-территориального устройства Советского Союза, по поводу формы которого в литературе существует значительный разброс мнений, часто диаметрально противоположных. **Предметом** настоящей статьи является нахождение наиболее точных методов исследования природы территориальной организации Советского государства, а ее **целью** – определение на этой основе адекватной государственной формы СССР. **Методологическую основу** работы составила совокупность методов научного познания, среди которых основное место заняли диалектический и историко-правовой методы и цивилизационный подход при системном анализе основных условий образования и тенденций эволюции советской государственности. **Результаты** исследования показывают, что при поиске оптимальной модели государственной формы, особенно в революционной ситуации, нельзя догматично противопоставлять демократию диктатуре, унитаризм – федерализму, централизацию – автономии и т. д., что хорошо продемонстрировало руководство большевистской партии, создав обновленную версию гигантской евразийской (русской) континентальной империи социалистического типа. **Выводы:** Советский Союз обладал достаточным набором политико-правовых признаков, позволяющих отнести его к империям. Поэтому, выходя по многим внешним параметрам историческим разрывом с Санкт-Петербургской империей, Советское государство, пришедшее ей на смену, с точки зрения логики русской истории и своего политико-правового содержания явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности, представляя собой совершенно закономерную фазу ее развития и имея в своей основе имперскую геополитическую природу, генетически свойственную российской цивилизации.

Ключевые слова: геополитика, государство, локализация, суверенитет, империя, государствообразующий народ, цивилизация.

Цитирование. Грачев Н. И. Советский Союз как империя: к вопросу о политико-правовой природе территориального устройства СССР // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 12–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.2>

В декабре 2022 г. исполняется 100 лет со времени образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Современная Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем СССР (ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ) [17]. Исторически она выросла из недр советского государства, но отвергнув советский общественный и государственный строй, погрузилась в длительный и достаточно глубокий кризис, который пока окончательно не преодолен. Это предполагает необходимость глубокого изучения советской государственности, условий ее становления и эволюции, специфических черт и особенностей, факторов и обстоятельств разрушения Советского Союза.

Однако, несмотря на то что до настоящего времени современная Россия и многие другие страны вынуждены исправлять негативные геополитические последствия распада СССР, находясь по сути «в зоне его разложения» [35, с. 221], необходимого теоретического анализа советской государственности в современных общественных науках не происходит. Фактически анализ политической и правовой организации СССР, его социальной и государственной природы находится на периферии научных интересов отечественной юриспруденции.

Все сказанное в полной мере относится к вопросу изучения и определения формы политико-территориального (государственного) ус-

тройства СССР. В соответствии с конституционным законодательством Советский Союз позиционировался как «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (ст. 70 Конституции СССР 1977 г.) [18].

Однако в настоящее время не многие авторы признают федеративную природу СССР, хотя, на наш взгляд, целый ряд их аргументов выглядит достаточно весомо [30, с. 316–317; 41, с. 187–191]. При этом, пожалуй, лишь один из крупных западных ученых, Э. Карр, считал, что Советский Союз был федерацией, созданной «на основе соглашений между формально равными суверенными государствами» [15, с. 322]. Подавляющее большинство зарубежных и отечественных авторов определяют его как «псевдофедерацию» [12, с. 66], настаивая на фактически унитарном строении Советского государства, и в доказательство этого тезиса также приводят немало убедительных аргументов [5, с. 162–168; 36, с. 314–316]. В то же время многие из них указывают, что это было унитарное государство особого рода, с определенными элементами федерализма, или прямо называют его «унитарной федерацией» [11]. Разновидностью этой точки зрения является подход, согласно которому Советский Союз, обладая некоторыми чертами конфедерации, благодаря формальному закреплению в советских конституциях права сессии (свободного выхода) союзных республик из состава СССР, был все же ближе к унитарному государству [3, с. 636; 38, с. 23] и представлял собой тем самым квазиконфедерацию [37, с. 12]. В итоге в качестве некоторого обобщения сложилась концепция, согласно которой в государственном устройстве СССР присутствовали элементы федерализма и конфедерализма при «устойчивой тенденции к унитарной форме» [1, с. 311]. В соответствии с этим, по аналогии со смешанными формами правления, В.А. Рыбаков по результатам собственного анализа территориального устройства Советского государства пришел к выводу, что оно включало в себя черты унитарного государства, федерации, конфедерации и империи и обладало «нетипичной», «смешанной» формой государственного устройства [29, с. 91–103].

Представляется, что в большей или меньшей степени доля истины содержится во всех этих утверждениях. Но их противоречивость, а иногда кажущаяся нелогичность и непоследовательность свидетельствуют о том, что ни один из указанных подходов не объясняет политико-правовой природы государственного устройства СССР, хотя две последние точки зрения ближе всего к ее объяснению. В политико-территориальной организации Советского Союза действительно можно найти элементы унитаризма, федерализма, автономии и конфедерализма, а также достаточно стойкую тенденцию к унитаризму и централизации управления.

Однако наиболее адекватной является точка зрения, высказанная в отечественной и зарубежной исторической и политологической литературе, согласно которой СССР являлся продолжателем и наследником российской имперской традиции и обнаруживал в своей организации явные признаки соответствия идеальному типу империи [16, с. 182–183; 21, с. 448–536; 23; 25, с. 24]. После разрушения Российской империи в 1917 г. большевики попытались «ввести» федерацию и предложили принципиально новые парадигмы организации российского гео- и этно-политического пространства. Но эти парадигмы оказались нежизнеспособными. Поэтому восстановление российской государственности, осуществляемое в новой, превращенной советской форме, неизбежно повлекло за собой возрождение прежних имперских механизмов и установок – иной альтернативы не было [16, с. 186–187]. Изменилась идеология, поменялись термины, внешний облик, политико-правовая оболочка государства. Но суть осталась прежней. Более того, СССР оказался «самым выразительным примером гигантской континентальной империи», интегрирующей «различные континентальные территории, евразийские этносы и культуры» [9, с. 613]. Именно *имперский характер советской государственности обусловил своеобразное сочетание конфедерализма, федерализма и автономии при устойчивой тенденции к унитаризму*, что как раз и свойственно государственному устройству империй, особенно, континентальных [6, с. 22–23; 7, с. 210–220].

СССР возник как результат революции и распада Российской империи, необходимос-

ти преодоления их разрушительных последствий и восстановления российской государственности в обновленной социалистической форме. Образование Советского Союза стало выходом из катастрофы императорской России, основной причиной которой было ее превращение в периферийную страну капиталистической мировой системы (фактически в ее полуколонии) со всеми свойственными ей неразрешимыми внутренними противоречиями, в результате буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. [13, с. 266–331]. Другим важным фактором развала страны являлись провалы во внешней политике царизма. На протяжении конца XIX – начала XX в. Российское государство постепенно слабело геополитически, замыкаясь на своих внутренних проблемах, одновременно проводя авантюрную внешнюю политику, что повлекло поражение в войне с Японией и вступление в Первую мировую войну, приведшую к гибели монархии. В результате в условиях сложившейся в стране революционной ситуации периферийные окраины России начали тяготеть к сепаратизму и отходу от нее.

Однако с распадом Империи имперское сознание основной части российского населения никуда не ушло. Цивилизационная несовместимость России с классическими западными институтами, которые пытались внедрить Временное правительство, проявилось гораздо раньше Октябрьской революции. Невозможность оформления буржуазно-демократической республики во многом стимулировала активность Большевицкой партии, хотя и выступающей с марксистских позиций, но ментально находящейся в ценностно-смысловом поле российской цивилизации и фактически исходящей из необходимости строительства глобальной империи социалистического типа, теоретические основания которой содержались в марксистской теории мировой революции. Отсюда проистекала уверенность В.И. Ленина, что именно «Соединенные Штаты мира являются необходимой государственной формой объединения и свободы наций», которая связывалась им исключительно с социализмом, «пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства» [19, с. 353]. Однако для этого глобального социалистического государства термин

«империя» не мог быть использован, поскольку он в политико-правовом лексиконе социал-демократии имел исключительно негативный оттенок, отождествляясь на практике с капиталистической колониальной экспансией.

Не вызывает сомнений искренность Владимира Ильича в желании установить федеративную форму для Советской России, а затем и для Советского Союза. Не случайно в Декларации об образовании СССР, принятой 30 декабря 1922 г. выражалась надежда, что Союз станет «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [8]. Это логично вытекало из основной программной цели РКП(б) – осуществления мировой революции в качестве необходимой предпосылки построения на всей планете глобального коммунистического общества. Естественно, что при таком подходе федерация рассматривалась как наиболее подходящая конструкция, способствующая добровольному слиянию наций [20, с. 76], а объединение государств, организованных по советскому типу, – как одна из переходных форм на пути к их полному единству [27]. Это предопределило и то предпочтение, которое было отдано при образовании СССР в 1922 г. ленинской концепции договорной (союзной) федерации в противовес сталинскому плану «автономизации», по которому все образованные на тот момент советские республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных образований. При этом И.В. Сталин в целом принял идею договорного объединения советских республик, официально выступил «в качестве отца-основателя нового государства» [14 с. 389] и стал автором Декларации об образовании СССР [31, с. 155]. Лишь несколько позже он создал теорию о возможности построения социализма в одной стране, никогда не отказываясь при этом от идеи строительства коммунизма, под общим руководством Советского Союза и его Коммунистической партии, в мировом масштабе. Об этом определенным образом свидетельствует отказ Сталина исключить из проекта Конституции СССР 1936 г. положение о праве свободного выхода союзных республик из состава СССР [33, с. 161] и его последняя теоретическая работа, где он допустил возмож-

ность построения коммунизма в СССР во враждебном капиталистическом окружении [34, с. 154–223].

Уже в момент образования Советского Союза наиболее проницательным политикам и политическим мыслителям было ясно, что между империей и федерацией существуют глубокие параллели и генетические взаимосвязи, проявляющиеся в наличии ряда общих признаков, потенциально способствующих переходу как от империи к федерации, так и в обратном направлении, либо позволяющим таким признакам сосуществовать в рамках федеративной империи, каковой, например, была Германская империя (1871–1918 гг.), в определенном смысле продолжившая традиции Священной Римской империи германской нации (962–1806 гг.). Поэтому концепция развития СССР как всемирной федерации советских республик, господствующая до середины 20-х гг., ничуть не противоречила имперской природе России, но сама эта природа, не прекращая своего бытия, пребывала в латентной форме, скрывшись подобно граду Китежу под воду. Однако, когда надежды на пролетарские революции в других странах не оправдались, господствующей идеологической установкой в Советском Союзе становится сталинская концепция построения социализма в одной стране [32, с. 358–401], официально закрепленная в качестве программной установки в апреле 1925 г. на XIV конференции РКП(б) [28, с. 306–319]. После этого на первый план во внутренней политике выдвигаются задачи индустриализации промышленности и всеобщей коллективизации сельского хозяйства в целях строительства великой социалистической державы, в связи с чем к началу 30-х гг. происходит переход к традиционным для России ценностям патриотизма, только теперь советского, и возвращение к властно-имперским организационным практикам, предполагающих радикальную централизацию управления и ограничение самостоятельности союзных республик. Что касается внешней политики, то здесь Третий интернационал, представляющий собой сеть коммунистических партий и движений за рубежом, был постепенно переориентирован с пробуждения революции в своих странах на деятельность в интересах оказания помощи и укрепления

международного положения Советской России, став по сути инструментом по расширению зоны ее геополитического влияния в мире.

Таким образом, исторические условия образования СССР наглядно показывают, что при поиске оптимальной модели государственной формы, особенно в условиях революционной ситуации, нельзя догматично противопоставлять демократию диктатуре, унитаризм – федерализму, централизацию – автономии и т. д., что хорошо продемонстрировало руководство большевистской партии. Оно искало оптимальную форму, способную обеспечить государственное единство и победу в Гражданской войне, и нашло ее. Чтобы восстановить разрушенное государство и удержать в своих руках власть, лидеры большевистской партии (прежде всего Ленин и Сталин) решили разделить территорию страны на десятки национальных единиц разного уровня и статуса, от формально суверенных союзных республик до административно автономных областей и округов, сформировать в них новую национальную элиту, развивать национальное самосознание этнических меньшинств, проводить экономическое выравнивание территорий и создавать новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме, культуру. Эти факторы стали определяющими в победе Советской власти и восстановлению Российской империи в новой, превращенной форме союзного социалистического государства (СССР).

СССР по своей политико-территориальной организации представлял собой весьма сложное и оригинальное явление, по конституционной формуле и большинству юридических признаков – *федеративное, но по многим своим качественным политико-правовым характеристикам и конститутивным интенциям – имперское*. Тем самым СССР, как в свое время Германская империя и США в XX в., был ярким представителем одновременно и федеративной, и имперской государственности, классическим образцом федеративной централизованной империи. Весьма показательно в этой связи, что два самых больших по пространственной протяженности, военной мощи и экономическому потенциалу государства XX в. – СССР и США, – которые достаточно часто в научной литературе квалифицируются как империи, являлись одновременно и федерациями. Однако в отличие от организа-

ции верховной власти США, во многом косвенной по отношению своим сателлитам и децентрализованной относительно субъектов федерации и муниципалитетов, в СССР господствовал принцип ее единства, а официальная верховная власть всегда совпадала с реальной, вернее она и была ею, в отличие от тех же США, где несмотря на демократический фасад, власть на протяжении всего времени осуществлялась по сути полуконспиративными структурами, являясь тайной и закулисной, а потому не вполне публичной, чем было вызвано появление в зарубежной публицистике и политологи концепции глубинного государства («deep state») [26, с. 43–60].

Осуществление управления СССР на основе однопартийной системы превратило правящую Коммунистическую партию в политическую структуру, сплачивающую республики Советского Союза в единое государственное целое. Привилегии фактического суверенитета при принятии важнейших общегосударственных решений на протяжении всего существования СССР принадлежали в стране высшим организационным структурам партии: Центральному комитету (ЦК), Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, имплантированными в государственный аппарат или стоявшими над ним и игравшими роль последней решающей инстанции. Это было возможным, поскольку высшие государственные руководители являлись в то же время членами Политбюро и ЦК КПСС и, наоборот, ведущие партийные функционеры выступали депутатами высших представительных органов и занимали министерские кресла. В состав Политбюро всегда входили: Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета министров СССР, министр обороны, министр иностранных дел, а иногда и руководитель службы безопасности. Тем самым верховная власть в Советском Союзе принадлежала высшим партийным органам, представляя собой нечто вроде коллективного самодержавия, которое периодически довольно легко превращалось в индивидуальное: партийный лидер (Генеральный секретарь ЦК), нередко занимающий и высшие государственные должности Председателя Правительства (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев) или Председателя Президиума Верховного Совета (Л.И. Брежнев) де-

факто превращался в единоличного диктатора, «красного монарха». Однако, несмотря на не вполне правовой характер (так как высшим органом государственной власти признавался Верховный Совет СССР), партийное самодержавие имело вполне легальный, почти официальный, характер с попытками узаконить такое положение конституционно. Статус правящей партии закреплялся в ст. 126 Конституции СССР 1936 г., в которой Коммунистическая партия провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций трудящихся, и в ст. 6 Конституции СССР 1977 г., где КПСС признавалась руководящей и направляющей силой всего советского общества. При этом высшие партийные органы не скрывали своего фактического верховенства, не делали из себя криптократию, открыто играя роль последней инстанции при принятии важнейших государственных решений на всех территориальных уровнях осуществления публичной власти и управления. По-видимому, только такое централизованное и во многом квазифедеративное государство и могло обеспечить в послереволюционной ситуации сохранение российской государственности как таковой.

Наиболее ярко имперский характер Советского государства проявился после Второй мировой войны, когда политика СССР приобрела ярко выраженные экспансионистские черты. По ее итогам наряду с США СССР стал супердержавой с собственной зоной политического влияния практически на всех континентах земного шара. Масштабы политического влияния Советского Союза простерлись далеко за его официальные государственные границы. Важнейшим событием общемирового значения в этом аспекте стали народно-демократические революции в ряде стран Европы, Азии и в Центральной Америке, превратившие их в страны социалистического содружества во главе с СССР: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Вьетнам, Китай, Северная Корея в 40-х гг.; еще ранее, в начале 20-х гг. – Монголия; в конце 50-х гг. – Куба; в середине 70-х гг. – Лаос, а в конце 70-х – Никарагуа. В значительной мере их политическая ориентация на СССР и установление социалистического общественного строя произошли благодаря политической

и военной помощи СССР. Выход социалистической модели за рамки одной страны заложил основы для возникновения государственного сообщества, получившего название «*мировая система социализма*» (МСС). В конце 80-х гг. XX в. в ее состав входили 15 государств, занимавших 26,2 % территории земного шара и насчитывающих 32,3 % его населения [24]. Все эти государства формально юридически не являлись составными частями СССР. Но *фактически – были частями советской социалистической империи, выступая ее дальней периферией.*

Для координации их деятельности и в противовес складывающимся международным организациям блока капиталистических государств, где фактическое руководство принадлежало США (НАТО – 1949 г.; Европейское объединение угля и стали – 1951 г., ставшее предшественником Евросоюза и др.), Советским Союзом были созданы конфедеративные объединения экономического и военно-политического характера. В январе 1949 г. с целью укрепления экономических и научно-технических связей стран социалистического лагеря образовался Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). В мае 1955 г. был создан военно-политический союз социалистических стран – Организация Варшавского договора (ОВД). С помощью этих организаций советское руководство контролировало внутреннюю и внешнюю политику восточноевропейских и других социалистических государств.

Кроме того, в зоне политического влияния СССР находились *страны социалистической ориентации.* Этот термин был принят в советской официальной политической риторике и научной литературе для обозначения государств, освободившихся от колониальной зависимости (другой термин – развивающиеся страны) и вступивших на путь строительства социализма, что официально отражалось в документах правящих в них партий и находило определенное практическое воплощение в проводимых там социально-экономических преобразованиях. Такое наименование предполагало, что указанные государства находятся на пути построения социализма, их политический и социальный строй несет в себе его отдельные признаки, но на текущем этапе исторического развития считать их социалисти-

ческими еще преждевременно. В западной печати политические порядки, установившиеся в этих странах, называли не иначе как «про-советскими режимами», и в этом была большая доля истины. Среди них можно выделить две группы. К первой относятся страны «*последовательной*» *социалистической ориентации,* где у власти находились партии, называвшие себя марксистско-ленинскими: Ангола, Афганистан, Никарагуа, Сомали и др. Ко второй – страны, придерживавшиеся не марксистских теорий социализма и получившие название «*страны, идущие по некапиталистическому пути развития*». К ним обычно относятся Алжир, Ливия, Сирия, Чили (при президенте С. Альенде) и др. Все их вполне можно рассматривать как *лимитрофы,* буферные (пограничные) зоны советской империи, которые СССР стремился поставить под свой контроль и сделать плацдармом для дальнейшей политической, идеологической и экономической экспансии.

Таким образом, за время своего существования СССР оброс разнообразными периферийными и лимитрофными зонами, достигнув немыслимых для царской России успехов во внешней экспансии и размеров своего геополитического влияния, превратившись в одну из двух мировых сверхдержав. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что Советское государство обладало достаточным набором политико-правовых признаков, позволяющих отнести его к империям.

Во-первых, *СССР представлял собой особую политико-территориальную форму существования евразийской (российской) цивилизации,* что, по мнению С.Н. Бабурина, характерно именно для имперских организмов [2, с. 120]. Он занимал огромное территориальное пространство, «шестую часть земли», являясь самым большим по территории и чуть ли не самым многообразным по этноконфессиональному составу государством в мире.

Во-вторых, *в этническом и политико-административном пространстве, занимаемым и контролируемым СССР, достаточно четко выделяются: правительственный центр; паттерн,* как неотчуждаемое ядро, центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство (территория Российской Федерации); *ближняя* (союзные

республики) и дальняя (страны социалистического содружества) *периферия и лимитрофы, или фронтир* (страны социалистической ориентации и молодые государства, выбравшие некапиталистический путь развития). Именно такая геополитическая структура во все времена была свойственна большим имперским организмам, она четко прослеживается в политико-территориальной организации СССР. Причем отношения власти и управления между всеми субъектами внутренней и внешней геополитики Союза напоминают строение вертикально-диагональной оси, от центра – к периферии, описанную А. Мотылем [25, с. 33–37]. А «три круга внешней периферии», куда часто относят и страны фронта, придавали советской империи поистине «глобальный масштаб» [39, с. 136].

В-третьих, в *государственно-территориальном устройстве СССР и в зоне его геополитического влияния разные периферийные образования обладали по отношению к его верховной власти различными правовыми статусами*, а их фактическое положение далеко не всегда находило отражение в писаном законодательстве Союза или в его международных пактах. Тем самым, во внутренней структуре СССР сочетались элементы автономии, федерализма и конфедерализма при стойкой тенденции к унитаризму, что является основным государственно-правовым признаком империи [6, с. 22–23; 7, с. 210–219]. Даже с формально-правовой точки зрения номинально суверенные социалистические страны находились под косвенным управлением верховной власти Советского Союза, которая выступала по отношению к ним в качестве гегемона в сфере идеологии, военно-политической и финансово-экономической деятельности. А по отношению к государствам социалистической ориентации и странам идущим по некапиталистическому пути развития СССР представлял собой, по терминологии М. Манна, неформальную империю [22, с. 26–28], контролируя их посредством использования механизмов «мягкой силы», построенных в основном на продвижении своих культурных, идеологических и политических ценностей. Таким образом, в отношениях СССР со своими союзниками, протекторатами и сателлитами можно обнаружить родовой признак им-

перского суверенитета охарактеризованный Ч. Тилли как господство непрямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к подавляющей или значительной части периферии [42, р. 3].

В-четвертых, характер взаимоотношения центральной и периферийной элит в СССР, по крайней мере в годы его наивысшего развития и наибольшего влияния в мире, в целом удовлетворял имперским критериям, хотя и имел свои особенности. Здесь практически была решена основная проблема эффективно-го управления империей – «кооптация представителей локальных элит в состав центральной и удержание их таким образом под контролем» [16, с. 187–188]. Политико-административная и правовая организация Советского Союза опирались в целом на представителей русского народа, который был государствообразующим, стержневым имперским этносом на протяжении всей истории России, и именно его цивилизационно-культурные характеристики (язык, обычаи, традиции, нравы, право и др.) были господствующими, определяли стереотипы поведения и обуславливали структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления во всей социалистической империи. Однако, несмотря на это, здесь существовало юридическое и во многом фактическое равноправие между представителями различных этносов и социальных слоев, поскольку советская образовательная система сумела создать общество, в котором практически была ликвидирована культурная пропасть между различными национальными и социальными группами населения. Не случайно Д. Ливен связывал многие успехи Советского Союза с формированием там новой наднациональной идентичности [21, с. 470], получившей в Преамбуле Конституции СССР 1977 г. наименование «новая историческая общность людей – советский народ».

В-пятых, идеократический характер советского государства, который проявлялся в том, что все сферы общественной жизни Советского Союза и других социалистических стран всецело или в очень значительной степени определялись коммунистической идеологией, которой была придана форма универсальной квазирелигии. Ее фундаменталь-

ные постулаты выступали как высшие социально-нравственные ценности и потому являлись основными регуляторами всех общественных отношений, с которыми должны были соотноситься политика и право. Кроме того, так же как в традиционных империях прошлого, в СССР параллельно с марксистско-ленинской догматикой формировалась и созревала собственная, самостоятельная имперская идентичность, со своей метафизикой и комплексом особых советских святынь. Это способствовало признанию за партийными и государственными лидерами СССР, особенно на первых этапах его существования со стороны населения союзных республик и социалистических стран, включая их элиты, особой *сакральности и трансцендентной силы*, откуда и проистекало восприятие имперской по существу и содержанию власти Советского Союза не как произвола и насилия, а как сверхличностной функции, олицетворяющей идею построения бесклассового коммунистического общества, аналога Царства социальной справедливости, рая на земле для всех трудящихся.

В-шестых, СССР позиционировал себя как носителя особой цивилизационной миссии, которая прямо вытекала из идеократического характера советского государства и социалистической государственности в целом. По своему глубинному содержанию эта миссия была попыткой воплощения, претерпевшей секулярную трансформацию, идеи «Москва – Третий Рим». Только теперь Третий Рим стал столицей Третьего коммунистического интернационала, а средневековая идея религиозного спасения через истинную веру «была заменена на миссию построения коммунизма во всем мире, отправляясь от уникального исторического опыта русского социалистического государства» [9, с. 621]. Эта миссия не претерпела больших изменений и после того, как у советских лидеров рухнули надежды на мировую революцию и на первый план выдвинулась сталинская стратегия построения социализма в одной стране. Сталину в достаточной мере удалось произвести российскую национализацию коммунистического учения, которое стало «русской национальной идеей» [4, с. 118]. Отождествив

Запад с буржуазией и капитализмом, Советская Россия постепенно превратилась в новое издание могущественной евразийской империи, а ее противостояние с капиталистическим миром во главе с США стало, в терминологии К. Шмитта [40, с. 581], «кульминационной стадией “великой войны континентов”, битвы между сухопутным Бегемотом и морским Левиафаном» [10, с. 398].

Господство квазирелигиозного сознания в Советском Союзе, вполне характерное для этапа перехода от традиционного общества к индустриальному, позволило русской цивилизации не только сохранить себя в сложнейших военно-политических условиях XX в., но и эффективно решить задачу модернизации Большой России, без утраты культурной идентичности ее народами. Во многом именно коммунистическая идеология и советский менталитет населения позволили пройти СССР в своем развитии путь от почти полностью разрушенного постреволюционного государства до великой сверхдержавы, одного из центров (наряду с США) биполярного мира, «соучредителя» послевоенной («ялтинской») системы мироустройства. В начале 90-х гг. XX в. советская квазирелигия сошла с исторической сцены, но создала возможности для органичного синтеза традиционализма и модернизма на постсоветском пространстве, что, в свою очередь, создает перспективы для возвращения современной России на то место, которое она последние столетия занимала в мировой геополитике, но утратила за несколько лет после распада СССР.

Поэтому, выходя по многим внешним параметрам историческим разрывом с Санкт-Петербургской империей, Советское государство с точки зрения логики русской истории и своего имперского политико-правового содержания явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности, представляя собой совершенно закономерную фазу ее развития. По сути советский проект имел в своей основе имперскую геополитическую природу. Однако нынешним державникам-патриотам, ратующим за восстановление нового варианта российской империи, необходимо помнить, что СССР был государством системного антикапитализма, альтернативным буржуазной цивилизации имперским проектом,

владевшим на протяжении полувека стратегической инициативой в противостоянии с мировым капитализмом, которое, как считают многие аналитики, вполне могло завершиться победой. А вот попытка совместить в России империю с капиталистической социально-экономической системой была буквально за полвека провалена в конце XIX – начале XX века.

Что касается СССР, то он рухнул в апогее своего военно-экономического могущества, имея вполне конкурентную экономику и развитое общество с высоким уровнем образования и культуры. В последние десятилетия его существования в периферийных зонах окрепли национальные элиты, получили значительную самостоятельность аппараты компартий союзных республик и стран социалистического содружества, которые стали пренебрегать интересами имперского ядра и советской империи в целом. Это дало основание целому ряду авторов утверждать, что основной причиной гибели СССР была его международная и внутренняя национальная политика, которая привела к формированию этнически-наследственных властных кланов в странах народной демократии, союзных и автономных республиках Союза ССР, что стало причиной подъема в них «националистических» настроений и роста центробежных процессов. Все это имело место, так же как и неудачи в идеологическом противостоянии и геополитической конкуренции с Западом, запаздывание с ответами на новые технологические вызовы, перенапряжение в гонке вооружений с США и в помощи многочисленным «союзникам» по социалистическому лагерю и странам социалистической ориентации.

Но основная причина гибели советской империи заключалась в первую очередь в отказе от социалистического пути развития, который позволил СССР построить великую державу и выиграть Великую Отечественную войну. Решающим фактором, предопределившим поражение Советского Союза в холодной войне с коллективным Западом, явилось не его, имперское по сути и политической форме государственно-территориальное устройство, а постепенный переход к олигархической системе власти и управления, и как результат – перерождение прежде всего центральной партийно-правительственной элиты, подпавшей под влия-

ние западных ценностей, утратившей цивилизационную российскую идентичность и изменившей делу строительства социализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеенкова, М. П. Конституционное право Российской Федерации : курс лекций : учеб. пособие / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев. – М. : Полиграф Опт, 2004. – 384 с.
2. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 769 с.
3. Безуглов, А. А. Конституционное право России. В 3 т. Т. 1 / А. А. Безуглов, С. А. Солдатов – М. : Профобразование, 2001. – 799 с.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
5. Глигич-Золотарева, М. Г. Правовые основы федерализма / М. Г. Глигич-Золотарева. – М. : Юристь, 2006. – 422 с.
6. Грачев, Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 18–28.
7. Грачев, Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика : учеб. пособие / Н. И. Грачев. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 524 с.
8. Декларация I Съезда советов СССР об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30.12.1922 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html>. – Загл. с экрана.
9. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М. : АРКТОГЕЯ-Центр, 1999. – С. 579–892.
10. Дугин, А. Г. Геополитика России : учеб. пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2012. – 523 с.
11. Захаров, А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме / А. Захаров. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2008. – 144 с.
12. Ившина, И. Н. Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование / И. Н. Ившина. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 321 с.
13. Кагарлицкий, Б. Ю. История России: миротемный анализ / Б. Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 432 с.
14. Капченко, Н. И. Политическая биография Сталина. В 3 т. Т. 1. (1879–1924) / Н. И. Капченко. – Тверь : Северная корона, 2004. – 736 с.

15. Карр, Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. Большевицкая революция 1917–1923 / Э. Карр. – М. : Прогресс, 1990. – 763 с.
16. Каспэ, С. И. Империя и модернизация : Общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. – 256 с.
17. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Загл. с экрана.
18. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. – М. : Зерцало, 1997. – С. 444–479.
19. Ленин, В. И. О лозунге Соединенных штатов Европы / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 26. – М. : Политиздат, 1969. – С. 351–355.
20. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы // Ленин В. И. // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 36. – М. : Политиздат, 1969. – С. 70–76.
21. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. – М. : Европа, 2007. – 688 с.
22. Манн, М. Источники социальной власти. В 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция. 1890–1945 годы / М. Манн. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 696 с.
23. Мартин, Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 663 с.
24. Мировая система социализма и ее распад. Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad. – Загл. с экрана.
25. Мотыль, А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М. : Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2004. – 248 с.
26. Понкин, И. В. Концепт глубинного государства («deep state») / И. В. Понкин // Право и государство. – 2019. – № 3 (84). – С. 43–60.
27. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) : принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919prog.htm>. – Загл с экрана.
28. Резолюция XIV конференции РКП(б) «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ // Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической Партии (большевиков) (Стенографический отчет). – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. – С. 306–319.
29. Рыбаков, В. А. Форма Советского государства / В. А. Рыбаков. – М. : Инфра-М, 2020. – 191 с.
30. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – М. : Норма, 2010. – 672 с.
31. Сталин, И. В. Об объединении советских республик : Доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 года / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 5. – М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1947. – С. 145–155.
32. Сталин, И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 6. – М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1947. – С. 358–401.
33. Сталин, И. В. О проекте Конституции Союза ССР / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 14. – Тверь : СОЮЗ, 2007. – С. 137–169.
34. Сталин, И. В. Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 16. – М. : Писатель, 1997. – С. 154–223.
35. Фурсов, А. И. Коммунизм как понятие и реальность / А. И. Фурсов // Русский интерес. – М. : Т-во науч. изд. КМК, 2014. – С. 220–255.
36. Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Юрист, 2000. – 344 с.
37. Шамахов, В. А. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья первая / В. А. Шамахов, Н. М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2020. – № 10. – С. 10–17.
38. Шамахов, В. А. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья вторая. Стратегическая ошибка советской федерализации как рефлексия в отношении имперского устройства / В. А. Шамахов, Н. М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2020. – № 12. – С. 10–23.
39. Шишков, В. В. Политика Советского Союза как имперский проект / В. В. Шишков // Полития. – 2013. – № 2 (69). – С. 129–141.
40. Шмитт, К. Земля и море. Рассказ для моей дочери / К. Шмитт // Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – С. 573–639.
41. Чистяков, О. И. Конституция СССР 1924 года : учеб. пособие / О. И. Чистяков. – М. : Зерцало-М, 2004. – 224 с.
42. Tilli, Ch. How Empires End / Ch. Tilli // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building : The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires / ed. by K. Barkey, M. von Hagen. – Boulder ; Oxford : Westview Press, 1997. – P. 3–13.

REFERENCES

1. Avdeenkova M.P., Dmitriev Yu.A. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: kurs lekcij: ucheb. posobie* [Constitutional Law of the

Russian Federation. Textbook]. Moscow, Polygraph Opt Publ., 2004. 384 p.

2. Baburin S.N. *Mir imperij: territorija gosudarstva i mirovoj porjadok* [The World of Empires: The Territory of the State and the World Order]. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2005. 769 p.

3. Bezuglov A.A., Soldatov S.A. *Konstitucionnoe pravo Rossii. V 3 t. T. 1* [Constitutional Law of Russia. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2001. 799 p.

4. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

5. Gligich-Zolotareva, M.G. *Pravovye osnovy federalizma* [Legal Foundations of Federalism]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 422 p.

6. Grachev N.I. Imperija kak forma gosudarstva: ponjatie i priznaki [Empire as a Form of State: Definition and Characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*, 2012, no. 2 (17), pp. 18-28.

7. Grachev N.I. *Formy gosudarstvennogo ustrojstva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitucionno-pravovaja praktika : ucheb. posobie* [Forms of Government in the Modern World: Fundamentals of Theory and Constitutional and Legal Practice. Textbook]. Volgograd, VAMVD Rossii Publ., 2020. 524 p.

8. *Deklaracija I Syezda sovetov SSSR ob obrazovanii Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. 30.12.1922 g.* [Declaration of the First Congress of Soviets of the USSR on the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. December 30, 1922]. URL: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html>

9. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushhee Rossii. Myslit prostranstvom* [Fundamentals of Geopolitics. Geopolitical Future of Russia. To Think in Terms of Space]. Moscow, ARCTOGEYA-Center Publ., 1999, pp. 579-892.

10. Dugin A.G. *Geopolitika Rossii : ucheb. posobie dlja vuzov* [Geopolitics of Russia. Textbook for Higher Education] Moscow, Akademicheskij Proekt: Gaudeamus, 2012. 523 p.

11. Zakharov A. *Unitarnaja federacija. Pjat' jetjudov o rossijskom federalizme* [Unitary Federation. Five Studies on Russian Federalism]. Moscow, Mosk. shk. polit. issled., 2008. 144 p.

12. Ivshina I.N. *Sozdanie federativnogo gosudarstva. Sravnitelno-pravovoe issledovanie* [Creation of a Federal State. Comparative Legal Research]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 321 p.

13. Kagarlitsky B.Yu., Sergeev V.N. *Istorija Rossii: mirosistemnyj analiz* [History of Russia:

WorldSystem Analysis]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 432 p.

14. Kapchenko N.I. *Politicheskaja biografija Stalina. V 3 t. T. 1. (1879–1924)* [Political Biography of Stalin. In 3 Vols. Vol. 1. (1879–1924)]. Tver, Severnaja korona Publ., 2004. 736 p.

15. Carr E. *Istorija Sovetskoj Rossii. Kn. 1. T. 1, 2. Bolshevistskaja revoljucija 1917–1923* [History of Soviet Russia. Book 1. Vols. 1, 2. Bolshevik Revolution of 1917–1923]. Moscow, Progress Publ., 1990. 763 p.

16. Kasje S.I. *Imperija i modernizacija: Obshhaja model i rossijskaja specifika* [Empire and Modernization: General Model and Russian Specifics]. Moscow, Ros. polit. jencikl (ROSSPEN) Publ., 2001, 256 p.

17. *Konstitucija Rossijskoj Federacii (Prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabrja 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda)* [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993, with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 01.07.2020)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

18. *Konstitucija (Osnovnoj zakon) Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik : Prinjata na vneocherednoj sedmoej sessii Verhovnogo Soveta SSSR devjatogo sozyva 7 oktjabrja 1977 goda* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Adopted at the Extraordinary Seventh Session of the Supreme Soviet of the USSR of the Ninth Convocation on October 7, 1977]. *Hrestomatija po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. 1917–1991 gg.* Moscow, Zertsalo Publ., 1997, pp. 444-479.

19. Lenin V.I. *O lozunge Soedinennyh shtatov Evropy* [On the Slogan of the United States of Europe]. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 26* [Complete Collection of Works. In 55 vols. Vol. 26]. Moscow, Politizdat Publ., 1969, pp. 351-355.

20. Lenin V. I. *Chernovoj nabrosok proekta programmy* [Rough Outline of the Draft Programme]. *Polnoe sobranie sochinenij. V 55 t. T. 36* [Complete Collection of Works. In 55 vols. Vol. 36]. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 70-76.

21. Liven D. *Rossijskaja imperija i ee vragi c XVI veka do nashih dnei* [The Russian Empire and Its Enemies From the 16th Century to the Present Day]. Moscow, Europe Publ., 2007. 688 p.

22. Mann M. *Istochniki socialnoj vlasti. V 4 t. T. 3. Globalnye imperii i revoljucija. 1890–1945 gody* [Sources of Social Power. In 4 Vols. Vol. 3. Global Empires and Revolution. 1890–1945]. Moscow, Izd. «Delo» RANKhiGS, 2018. 696 p.

23. Martin T. *Imperija polozhitelnoj dejatel'nosti. Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939*

[Empire of Positive Activity. Nations and Nationalism in the USSR. 1923-1939]. Moscow, Ros. polit. jencikl. (ROSSPEN) Publ., Fond «Prezidentskij centr B.N. Elcina», 2011. 663 p.

24. *Mirovaja sistema socializma i ee raspad* [The World System of Socialism and Its Collapse]. URL: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad

25. Motyl A. *Puti imperij: upadok, krah i vozrozhdenie imperskih gosudarstv* [Ways of Empires: Decline, Collapse and Revival of Imperial States]. Moscow, Izd-vo Mosk. shk. polit. issled., 2004. 248 p.

26. Ponkin I.V. Koncept glubinnogo gosudarstva («deep state») [The Concept of the Deep State]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2019, no. 3 (84), pp. 43-60.

27. *Programma Rossijskoj kommunisticheskoj partii (bolshevikov): prinjata VIII syezdom partii 18-23 marta 1919 goda* [Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Adopted by the 8th Party Congress on March 18–23, 1919]. URL: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm>

28. Rezoljucija XIV konferencii RKP(b) «O zadachah Kominterna i RKP(b) v svjazi s rasshirenym plenomom IKKI [Resolution of the 14th Conference of the Russian Communist Party (bolsheviks) “On the Tasks of the Comintern and the Russian Communist Party (bolsheviks) In Connection With the Expanded Plenum of the ECCI]. *Chetyrnadcataja konferencija Rossijskoj Kommunisticheskoj Partii (bolshevikov) (Stenograficheskij otchet)* [Fourteenth Conference of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (Verbatim Record)]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1925, pp. 306-319.

29. Rybakov V.A. *Forma Sovetskogo gosudarstva* [Form of the Soviet State]. Moscow, Infra-M Publ., 2020. 191 p.

30. Sinyukov V.N. *Rossijskaja pravovaja sistema. Vvedenie v obshhuju teoriju* [Russian Legal System. Introduction to General Theory]. Moscow, Norma Publ., 2010. 672 p.

31. Stalin I.V. Ob obyedenenii sovetskikh respublik: Doklad na X Vserossijskom syezde Sovetov 26 dekabrja 1922 goda [On the Unification of the Soviet Republics. Report at the 10th All-Russian Congress of Soviets on December 26, 1922]. *Sochinenija. T. 5* [Works. Vol. 5]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat Publ., 1947, pp. 145-155.

32. Stalin I.V. Oktjabrskaja revoljucija i taktika russkikh kommunistov [The October Revolution and the Tactics of the Russian Communists]. *Sochinenija. T. 6* [Works. Vol. 6]. Moscow, OGIZ, Gospolitizdat Publ., 1947, pp. 358-401.

33. Stalin V.I. O proekte Konstitucii Sojuza SSR [On the Draft Constitution of the USSR]. *Sochinenija. T. 14* [Works. Vol. 14]. Tver, SOYUZ Publ., 2007, pp. 137-169.

34. Stalin I.V. Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR [Economic Problems of Socialism in the USSR]. *Sochinenija. T. 16* [Works. Vol. 16]. Moscow, Pisatel Publ., 1997, pp. 154-223.

35. Fursov A.I. Kommunizm kak ponjatie i realnost [Communism as a Concept and Reality]. *Russkij interes* [Russian Interest]. Moscow, Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2014, pp. 220-255.

36. Marchenko M.N., ed. *Federalizm: teorija i istorija razvitija (sravnitelno-pravovoj analiz): uceb. posobie* [Federalism: Theory and History of Development (Comparative Legal Analysis). Textbook]. Moscow, Jurist Publ., 2000. 344 p.

37. Shamakhov V.A., Mezhevich N. M. Pochemu prichiny raspada SSSR sleduet iskat do formirovanija SSSR. Statja pervaja [Why the Reasons for the Collapse of the USSR Should Be Sought Before the USSR Formation. First Article]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting], 2020, no. 10, pp. 10-17.

38. Shamakhov V.A., Mezhevich N. M. Pochemu prichiny raspada SSSR sleduet iskat do formirovanija SSSR. Statja vtoraja. Strategicheskaja oshibka sovetskogo federalizacii kak refleksija v otnoshenii imperskogo ustrojstva [Why the Reasons for the Collapse of the USSR Should Be Sought Before the USSR Formation. Second Article. The Strategic Mistake of Soviet Federalization as a Reflection on the Imperial Structure]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting], 2020, no. 12, pp. 10-23.

39. Shishkov V.V. Politika Sovetskogo Sojuza kak imperskij proekt [Politics of the Soviet Union as an Imperial Project]. *Politiya*, 2013, no. 2 (69), pp. 129-141.

40. Schmitt K. Zemlja i more. Rasskaz dlja moej docheri [Land and Sea. A Story for My Daughter]. *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, pp. 573-639.

41. Chistyakov O.I. *Konstitucija SSSR 1924 goda: uceb. posobie* [The Constitution of the USSR of 1924. Textbook]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2004. 224 p.

42. Tilli Ch. How Empires End. *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford, Westview Press, 1997, pp. 3-13.

Information About the Author

Nicolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.3>

UDC 342.1
LBC 67.3

Submitted: 15.09.2022
Accepted: 12.10.2022

TOWARD AN UNDERSTANDING OF HISTORICAL AND LEGAL STUDIES OF MILITARY CONFLICTS AS THE SOURCES OF TRANSFORMING THE STATE AND LAW

Natalia S. Latypova

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Introduction: social and political conflicts often lead to direct armed clashes both inside and outside the state. At the same time, the state-legal consequences generated by military conflicts often radically transform the mechanism of the state, its legal and political systems. In the conditions of constantly emerging armed conflicts in the world (according to Stockholm International Peace Research Institute, there are currently more than 20), their historical research is of particular importance. The subject of the work was the legal consequences of intra-state armed conflicts and social contradictions that had triggered their onset and development. The **purpose** of the work is to determine the role and significance of historical and legal studies of armed conflicts through the example of civil wars and to justify the need for further research of a violent armed conflict within the framework of legal science. **Methods:** the methodological framework for the research was made up of the formal legal, historical, sociological methods, as well as the synthesis and analysis of historical events and their legal consequences. The topic has a novelty in the context of the need to conduct research in the national historical and legal science of the “blind” zone of violent military conflicts, as a rule, ignored by legal history. The **results** of such generalizing studies will make it possible to realize one of the functions of history of state and law as a science – the forecasting of state-legal phenomena of the future and the analysis of current political processes. Finally, the author comes to the **conclusion** about the significant and underestimated role of historical and legal studies of armed conflicts, namely, the fallacy of omission from the research field of its violent course.

Key words: civil war, legal consequences, military conflict, state, social conflict, history of state and law.

Citation. Latypova N.S. Toward an Understanding of Historical and Legal Studies of Military Conflicts as the Sources of Transforming the State and Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 26-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.3>

УДК 342.1
ББК 67.3

Дата поступления статьи: 15.09.2022
Дата принятия статьи: 12.10.2022

О РОЛИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ КАК ИСТОКОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Наталья Сергеевна Латыпова

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Введение: социальные и политические конфликты нередко приводят к прямым вооруженным столкновениям как внутри государства, так и за его пределами. При этом государственно-правовые последствия, порождаемые военными конфликтами, зачастую коренным образом трансформируют механизм государства, его правовую и политическую системы. В условиях постоянно возникающих в мире вооруженных конфликтов (действующих, по подсчетам Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в настоящее время более 20) их исторические исследования приобретают особую значимость. Предметом работы выступили правовые последствия внутригосударственных вооруженных конфликтов и социальные противоречия, ставшие триггером их начала и развития. **Цель работы:** определить роль и значение историко-правовых исследований вооруженных конфликтов на примере гражданских войн и обосновать

необходимость дальнейшего исследования острой фазы вооруженного конфликта в рамках юридической науки. **Методологическую базу** исследования составили формально-юридический, исторический, социологический методы, а также синтез и анализ исторических событий и их правовых последствий. Тематика обладает новизной в контексте необходимости проведения в отечественной историко-правовой науке исследований «слепой» зоны острой фазы военных конфликтов, как правило, обходимой вниманием юридической историей. **Результаты** подобных обобщающих исследований позволят реализовать одну из функций истории государства и права как науки – прогнозирование государственно-правовых явлений будущего и анализ текущих политических процессов. В **заключении** автор приходит к выводу о значимой и недооцененной роли историко-правовых исследований вооруженных конфликтов, а именно, ошибочность упущения из исследовательской области острого периода его протекания.

Ключевые слова: гражданская война, правовые последствия, военный конфликт, государство, социальный конфликт, история государства и права.

Цитирование. Латыпова Н. С. О роли историко-правовых исследований военных конфликтов как истоков трансформации государства и права // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 26–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.3>

Введение

Посещение врачей различного профиля зачастую начинается со сбора анамнеза, одним из важнейших пунктов которого является момент нашего рождения. Выясняется история появления пациента на свет, сложности родов, их срок. В медицине сбор такого анамнеза позволяет поставить предварительный диагноз, предопределить течение болезни или установить логическую взаимосвязь между существующими проблемами со здоровьем и врожденными. Многие современные государства рождены в огне революций, войн или погибли в результате участия в них. Однако юристы в отличие от медицинских работников практически не уделяют внимания процессу появления на свет нового государства или его трансформации в периоды острого политического конфликта, происходящего во время войн и революций, ограничиваясь констатацией из юридических итогов.

Методы

В ходе исследования анализу подвергались периоды гражданских войн и революций, их острые фазы и влияние, которое они оказали на развитие государства и права в последующие периоды. С целью комплексного анализа применялись методы историзма, сравнительно-правовой, методы анализа и синтеза, а также отчасти социологический. Исходя из определения вооруженного конфликта на примере внутригосударственных конфликтов были приведены собственные

суждения о месте и роли историко-правовых исследований военных конфликтов в юридической науке.

Результаты

Таким образом, обозначая рамки предстоящих юридических исследований военных конфликтов, следует отметить неопределимую и недооцененную роль историко-правового анализа периодов конфликтов как внутригосударственных, так и внешних в разрезе государственно-правовых изменений, которые они неизбежно несут за собой. Войны, революции и иные конфликты предопределяют будущие судьбы государства, их территориальное устройство, особенности формы правления и правовой системы. При этом в существующей юридической истории традиционно острая фаза конфликтов государственного значения практически не рассматривается в угоду приоритета юридических последствий кризиса. Однако, на наш взгляд, именно период военного противостояния и противостояния идеологического содержит истоки, определяющие последующие государственно-правовые трансформации, и их исследование может дать ответы на многие вопросы относительно причин возникновения и развития послевоенных социально-правовых явлений, политических взглядов и особенностей правовой традиции.

Выводы

Е.А. Парашевина определяет военный конфликт как «форму разрешения межгосудар-

ственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)» [8]. Следует отметить, что подобные конфликты в истории как межгосударственные, так и внутригосударственные – явления, пожалуй, наиболее часто изучаемые в истории государства и права зарубежных стран. Однако рассматриваются они в контексте последствий, следующих за разрешением конфликта, сам же по себе он не является предметом исследования юристов, часто отдаваясь на откуп всеобщим историкам. Острая фаза войн и революций обходится чаще всего стороной.

Как метко писал М. Т. Цицерон, «когда гремит оружие, законы молчат». Сложно не согласиться с философом, в тоже время именно конфликты, причем в период своего обострения становятся тем самым эволюционным, даже революционным триггером, который дает толчок к возникновению государства (например, США), развитию, его коренной трансформации или гибели (империи после Первой мировой войны). При этом большинством ученых-юристов исследуется в данном контексте лишь послевоенная сторона вопроса. Тем не менее, на наш взгляд, именно то, как разворачивается события в период острого политического или военного конфликта и определяет зачастую правовое будущее государства, и не исследовать указанный период было бы большим упущением. Особенно с учетом такого фактора, как сохраняющиеся «отложенные последствия, сохранение вероятности “исторического бумеранга”, или политического реванша «побежденной стороной» [9].

Определяющее значение указанные периоды имеют потому, что не определив причины и условия формирования тех или иных политических решений, не рассмотрев дискуссии, которые велись относительно будущего государственного устройства или принятия правового акта, невозможно осуществить одну из основных функций исторической науки – прогнозирование государственно-правового развития. Сложно не согласиться, что в современных непростых политических услови-

ях помощь юридической и исторической науки пришлась бы и приходится как нельзя кстати в этом вопросе. Однако отсутствие юридических исследований закономерностей острой фазы военных конфликтов не дает в полной мере использовать этот инструментарий в процессе прогнозирования развития конфликтов сегодняшних.

Следует также заметить, что именно конфликты порождают наиболее значимые государственно-правовые изменения, которые представляют особый научный интерес для ученых-юристов. Стоит лишь бросить беглый взгляд на конфликты XX в.: Первая мировая война, Гражданская война в России, гражданская война в Китае, гражданская война в Германии, Вторая мировая война – все эти конфликты в большинстве случаев стали причиной изменения формы правления, территориального устройства, политического режима и правовой системы государств, вовлеченных в них. При этом обобщающих работ о влиянии конфликтов на развитие государства и права в процессе нашего исследования не было найдено.

Одной из разновидностей вооруженного конфликта являются конфликты немеждународного характера, к которым относится в первую очередь гражданская война. По подсчетам историков, «со времени возникновения цивилизации и до середины XX в., то есть примерно за пять с половиной тысяч лет, зафиксировано 14,5 тыс. больших и малых войн. По меньшей мере, десятую часть из них можно смело отнести к категории гражданских войн» [5]. Под таким конфликтом П. П. Кременев понимает ведение борьбы антиправительственными вооруженными формированиями (незаконные вооруженные группы и формирования) не только против собственно правительственных регулярных вооруженных сил, но и против вооруженных формирований правоохранительных органов или спецподразделений, а также боевые столкновения между самими незаконными вооруженными формированиями» [7]. Между тем законодательно закрепленное понятие в ст. 3 Женевской конвенции 1949 г. дает еще более широкое определение: «...вооруженный конфликт, не носящий международного характера и возникающий на территории одной из Высоких Договаривающих-

ся Сторон» [6]. Представляется, что гражданские войны в мировой истории являются историческими событиями, наиболее ярким примером трансформации государства и права в ходе вооруженного конфликта. При этом именно в период острой фазы конфликта формируются основы идеологии построения будущего государства. Любопытным представляется идея о том, что «гражданская война заканчивается только в самой “горячей” фазе, когда решается вопрос о власти, т. е. “кто кого?”, но продолжается в “холодной” форме и обнаруживает те или иные последствия братоубийства» [9]. Тем не менее именно острая фаза формирует его отдаленные последствия.

Верным отчасти представляются рассуждения, что юридическая история в контексте конфликтов лишь фиксирует их правовые результаты, последствия, как врач-патологоанатом. Однако анализ самого процесса при должном внимании позволил бы предоставить не менее интересные результаты. В частности, исследование Гражданской войны в США стало на редкость уникальным с точки зрения юриста, поскольку за период военного конфликта Конгрессом США было принято больше законодательных актов, чем за всю историю американского права до этого момента. При этом отдельные нормативные акты заложили фундамент многих правовых институтов и даже сфер экономики. Показательным примером явились причины принятия, а также сопровождавшие дебаты Тринадцатой поправки к Конституции США в 1865 г. после окончания войны, закрепившей свободу от рабства в послевоенной Америке. Шаг вполне понятный и разумный с учетом победы в войне Северных штатов – индустриалистов, стремившихся отменить рабовладение как невыгодный и бесперспективный экономический институт. Однако при внимательном рассмотрении именно в период активных боевых действий в 1863 г. Президент США подписал предвестник поправки – Прокламацию об освобождении рабов и основанием для ее создания стало не желание освободить угнетаемую чернокожую часть Америки, а необходимость пополнения рядов Союза, терпящего поражение, новыми солдатами, готовыми за минимальное жалование выступать в военном конфликте на стороне северян. Именно в этом факте можно найти

истинные причины невероятно долгого (до начала XX в.) фактического закрепления прав афроамериканцев, неприятие афроамериканского народа в качестве равных себе белокожей Америкой, которое до сих пор удивляет многих историков и юристов. При рассмотрении военного периода никакой оказии не наблюдается – американское общество, порабовавшее население африканских колоний десятилетиями не могло в одночасье признать их равными себе, как и законодатели и правоприменители в течение долгих лет не могли определить какими именно правами наделять афроамериканцев и как на практике они могут быть реализованы. Выразилось это и в принятии многочисленных «черных кодексов», и в расовой сегрегации, отраженной в законодательных актах штатов и судебных решениях. Для процесса уравнивания прав чернокожего и белокожего населения требовался длительный исторический процесс. При этом рассмотрение именно военного этапа гражданской войны помогает нам понять истинные основания принятия решения об освобождении рабов первоначально закрепленного в Прокламации А. Линкольна, а затем и в Тринадцатой поправке к Конституции, и причины последующего провала его реализации.

Следует констатировать, что в ходе большинства гражданских войн воюющими сторонами создаются фактически новые модели государства, на которые распалось ранее существующее. Ряд из них продолжают сохранять государственный строй предыдущего, как, например, американские Север и Юг, большинство же сторон выступают за создание совершенно новых форм государства и права, как советские большевики и белое движение, китайская коммунистическая партия и Гоминьдан [3]. При этом следует отметить, что именно период военных конфликтов внутригосударственного характера должен представлять особый интерес, поскольку именно в этот период происходит внутренняя борьба двух идеологий, двух будущих возможных моделей государственного устройства – рабовладельческого американского государства с политически независимыми штатами и капиталистических индустриальных федеративных США, коммунистическая модель федеративного российского государства и модель капиталисти-

ческого единого российского государства западного типа, социалистической китайской республики и гоминьданской модели буржуазного Китая.

Победа одной из враждующих сил в результате гражданской войны предопределяет развитие государства, его правовой системы на десятилетия вперед, переводя стрелки рельсов исторического развития в совершенно иную сторону. Именно в острой фазе социального конфликта и борьбе идеологий и моделей юристам и историкам следует искать истинные причины многих государственно-правовых и социальных явлений последующих десятилетий и даже столетий. Стоит упомянуть стоящий на повестке дня вопрос о политической независимости Тайваня, ставшего местом политического убежища гоминьдана в послевоенные годы, непрекращающиеся расовые конфликты в США. Отдельные авторы называют прямым следствием Гражданской войны в России и Большой голод 1932–1933 гг., и Сталинские репрессии, указывая, что «без «закалки» гражданской войной, обесценившей человеческую жизнь, применение подобных методов едва ли было бы возможно» [9].

Правовые последствия принятых в период внутригосударственных военных конфликтов решений также представляют особый исследовательский интерес. Даровавшие практически всем современным государствам социальное законодательство нормативные акты, приняты в периоды еще одного вида внутригосударственных конфликтов – революций. Стоит упомянуть Закон о пенсиях государственным гражданским служащим от 22 августа 1790 г., впервые в мире установивший пенсии в привычном нам понимании и принятый в период Великой французской революции [1]. В 80-е гг. XIX в. О. Бисмарк также в условиях социального конфликта и угрозы революции провел социальные реформы, ввел впервые систему социального страхования, ему «удалось, лавируя и борясь с юнкерской оппозицией, с одной стороны, и пролетарским революционным движением – с другой, реализовать патриархальные представления о помощи неимущим и заложить основу социального маневрирования» [3].

Следует согласиться с утверждением И.Л. Чулюкина, что социальные конфликты

находятся в сложном взаимодействии с конфликтами психологическими. И влияние разногласий, расколовших общество в период гражданской войны, продолжают оказывать влияние на общество многие десятилетия и столетия. Американская Гражданская война продолжает раскалывать американское общество, вызывая социальные конфликты и акции протеста в виде сноса памятников конфедератам. Согласно проведенному журналом «Foreign policy» опросу, вероятность гражданской войны существует до сих пор, в большей степени такие настроения возникают в штатах – бывших мексиканских территориях, такие как Техас [10]. Гражданские войны в России, США, Китае, Испании – как отмечает В.Э. Багдасарян, это «только ряд примеров, воспроизводимых на уровне исторического сознания гражданских войн, который может быть продолжен» [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, А. В. Концептуальные основы французского пенсионного законодательства на первоначальном этапе его формирования (до конца XIX в.) / А. В. Александрова // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 3 (55). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-frantsuzskogo-pensionnogo-zakonodatelstva-na-pervonachalnom-etape-ego-formirovaniya-do-kontsa-xix-v> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.
2. Багдасарян, В. Э. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликта / В. Э. Багдасарян // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-voyny-v-mirovom-istoricheskom-protsesse-factory-voisproizvodstva-konflikta> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.
3. Беспалова, Л. Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка / Л. Н. Беспалова // Известия АлтГУ. – 2011. – № 4–2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.
4. Буранок, С. О. Гражданская война в Китае по материалам журнала «Foreign Affairs» / С. О. Буранок, Д. А. Нестеров // Самарский научный вестник. – 2020. – № 3 (32). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-v-kitae-po-materialam-zhurnala-foreign-affairs>

foreign-affairs (дата обращения: 06.09.2022). – Загл. с экрана.

5. Емцов, Г. Н. О политико-правовой природе гражданских войн / Г. Н. Емцов // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 11 (78). – С. 214–215.

6. Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901070?ysclid=l8zmiv5hhu31586097> (дата обращения: 08.10.2022). – Загл. с экрана.

7. Кремнев, П. П. Формы и правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов / П. П. Кремнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-pravovye-posledstviya-nachala-i-okonchaniya-vooruzhennykh-konfliktov> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.

8. Паращевина, Е. А. Государство и право в период военных конфликтов и в мирное время / Е. А. Паращевина // Инновационная наука. – 2015. – № 4–3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-pravo-v-period-voennykh-konfliktov-i-v-mirnoe-vremya> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.

9. Чемшит, А. А. К вопросу о последствиях гражданской войны: политико-правовые аспекты / А. А. Чемшит, О. С. Стаценко // Образование и право. – 2020. – № 8. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-posledstviyah-grazhdanskoj-voyny-politiko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 08.09.2022). – Загл. с экрана.

10. Ricks, T. E. What a New U.S. Civil War Might Look Like / T. E. Ricks // Foreign Policy. – 2017. – Oct. – Electronic text data. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2017/10/10/what-a-new-u-s-civil-war-might-look-like/> (date of accesse: 08.10.2022). – Title from screen.

REFERENCES

1. Alexandrova A.V. Konceptual'nye osnovy francuzskogo pensionnogo zakonodatel'stva na pervonachal'nom etape ego formirovaniya (do konca XIX v.) [Conceptual Foundations of the French Pension Legislation at the Initial Stage of Its Formation (Until the End of the XIX Century)]. *Izvestiya vuzov. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences], 2020, no. 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-frantsuzskogo-pensionnogo-zakonodatelstva-na-pervonachalnom-etape-ego-formirovaniya-do-kontsa-xix-v> (accessed 8 September 2022).

2. Baghdasaryan V.E. Grazhdanskije vojny v mirovom istoricheskom processe: factory vosproizvodstva konflikta [Civil Wars in the World Historical Process: Factors of Conflict Reproduction]. *Vestnik MGOU* [Bulletin of the Moscow State University. Series: History and Political Sciences], 2018, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskije-voyny-v-mirovom-istoricheskom-protse-ss-factory-vosproizvodstva-konflikta> (accessed 8 September 2022).

3. Bepalova L.N. Social'naya politika Otto fon Bismarka [Otto von Bismarck's Social Policy] // *Izvestiya AltGU* [News of AltSU], 2011, no. 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka> (accessed 8 September 2022).

4. Buranok S.O., Nesterov D.A. Grazhdanskaya vojna v Kitae po materialam zhurnala «Foreign affairs» [The Civil War in China Based on the Materials of the Journal “Foreign Affairs”]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2020, no. 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-v-kitae-po-materialam-zhurnala-foreign-affairs> (accessed 6 September 2022).

5. Emtsov G.N. O politiko-pravovoj prirode grazhdanskih vojn [On the Political and Legal Nature of Civil Wars]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2014, no. 11 (78), pp. 214-215.

7. Kremnev P.P. Formy i pravovye posledstviya nachala i okonchaniya vooruzhennykh konfliktov [Forms and Legal Consequences of the Beginning and End of Armed Conflicts]. *Pravo. ZHurnal Vysshejskoly ekonomiki* [Pravo. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-pravovye-posledstviya-nachala-i-okonchaniya-vooruzhennykh-konfliktov> (accessed 8 September 2022).

8. Parashchevina E.A. Gosudarstvo i pravo v period voennykh konfliktov i v mirnoe vremya [State and Law in the Period of Military Conflicts and in Peacetime]. *Innovacionnaya nauka* [Innovative Science], 2015, no. 4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-pravo-v-period-voennykh-konfliktov-i-v-mirnoe-vremya> (accessed 8 September 2022).

9. Chemshit A.A., Statsenko O.S. K voprosu o posledstviyah grazhdanskoj vojny: politiko-pravovye aspekty [On the Issue of the Consequences of the Civil War: Political and Legal Aspects]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2020, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-posledstviyah-grazhdanskoj-voyny-politiko-pravovye-aspekty> (accessed 8 September 2022).

10. Ricks T.E. What a New U.S. Civil War Might Look Like. *Foreign policy*, October, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/10/10/what-a-new-u-s-civil-war-might-look-like/> (accessd 8 October 2022)

Information About the Author

Natalia S. Latypova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Deputy Director for Science, Institute of Law, Bashkir State University, Dostoevskogo St, 131, 450005 Ufa, Russian Federation, marchrose@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Латыпова, кандидат юридических наук, заместитель директора по науке Института права, Башкирский государственный университет, ул. Достоевского, 131, 450005 г. Уфа, Российская Федерация, marchrose@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4583-3765>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.4>

UDC 341:339.726.5
LBC 67.911.223

Submitted: 04.09.2022
Accepted: 05.10.2022

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE FIELD OF RETURNING CULTURAL PROPERTY TO ITS RIGHTFUL OWNER

Ivan N. Arkhiptsev

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

Natalia V. Zhiteneva

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

Introduction: restitution in international law is a form of material compensation for damage as a result of an unlawful international act by restoring the state that had existed before it was committed. It can be said that restitution is designed to restore lost rights, which means that it is a legal institution that promotes the protection of human rights and freedoms. In this regard, it is necessary to name the **purpose** of the study, which is to analyze the current international legislation regulating the procedure and conditions for the return of lost cultural property to individuals. **Methods:** the research is based on such methods as logical, systematic, the formal legal methods, as well as the methods of analysis, synthesis and other methods of scientific cognition. **Results:** based on the research, it has been revealed that the development of the institution of restitution of cultural property by private individuals in the Russian Federation requires the adoption of effective measures both at the legislative level and at the level of international cooperation. **Conclusions:** the institution of cultural property restitution is a relatively young civil law phenomenon that requires close attention from the legislator. As a result of the research, the authors have comprehensively reviewed the international experience of returning cultural property to its rightful owners, as well as their grounds and subjects.

Key words: international experience, restitution, cultural property, rightful owners, private person.

Citation. Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Zhiteneva N.V. International Experience in the Field of Returning Cultural Property to Its Rightful Owner. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 33-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.4>

УДК 341:339.726.5
ББК 67.911.223

Дата поступления статьи: 04.09.2022
Дата принятия статьи: 05.10.2022

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗАКОННОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Наталья Владимировна Житенева

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: реституция в международном праве – это форма материального возмещения ущерба в результате неправомерного международного акта путем восстановления состояния, существующего до его соверше-

ния. Можно сказать, что реституция призвана вернуть утраченные права, а значит, является правовым институтом, способствующим защите прав и свобод человека. В связи с этим необходимо назвать **цель** работы – проведение анализа действующего международного законодательства, регулирующего порядок и условия возвращения утраченных культурных ценностей частным лицам. **Методы:** в основу исследования легли такие методы, как логический, системный, формально-юридический, анализ, синтез и другие методы научного познания. **Результаты:** на основе производимого нами исследования выявлено, что для развития института реституции культурных ценностей частными лицами в Российской Федерации требуется принятие эффективных мер как на законодательном уровне, так и на уровне международного сотрудничества. **Выводы:** институт реституции культурных ценностей – это сравнительно молодой гражданско-правовой феномен, требующий пристального внимания со стороны законодателя. В результате нашего исследования мы всесторонне рассмотрели международный опыт возвращения культурных ценностей законным владельцам, а также их основания и субъекты.

Ключевые слова: международный опыт, реституция, культурные ценности, законные владельцы, частное лицо.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Житенева Н. В. Международный опыт в сфере возвращения культурных ценностей законному владельцу // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 33–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.4>

Введение

Правовые акты, регулирующие реституцию культурных ценностей частными лицами, существуют не только на национальном [5, с. 100], но и на международном уровне. Это значит, что данный институт получает свое распространение практически во всех государствах мира. В основном споры по поводу возврата объектов культурного наследия физическому лицу подлежат рассмотрению и разрешению в судах англо-саксонских стран. Ходатайства истца в таких случаях практически всегда подлежат удовлетворению. Это связано с тем, что Конвенция УНИДРУА [4] по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям получила практическое применение в странах Европы.

Реституция культурных ценностей

Рассматривая процесс реституции культурных ценностей частным лицам в странах Европы, можно с уверенностью сказать, что европейские суды практически всегда возвращают произведения искусства законным владельцам.

Так, осенью 2021 г. по решению мэра Амстердама один из известных музеев, музей Стеделик, вынужден был вернуть наследникам еврейского промышленника и коллекционера картину «Пейзаж с домами» Василия Кандинского, которая была в последующем оценена в 20 млн евро. Отметим, что данный случай является далеко не единственным. Европейские музеи за последние полгода вер-

нули работы таких известных художников, как Эгон Шиле, Франц Марк и Макс Пехштейн.

На наш взгляд, вопросы сохранения культурного наследия во время военных действий должны получить более четкую регламентацию. Например, в 2018 г. был проведен опрос с целью выявить, что думают жители различных государств о правилах ведения войны, нужно ли что-нибудь запретить во время вооруженных конфликтов? Из 17 000 опрошенных человек 72 % считают, что нельзя нападать на исторические и религиозные памятники с целью ослабить противника. В странах, непосредственно пострадавших от вооруженных конфликтов, 84 % респондентов придерживаются такой точки зрения. Данный опрос позволил понять, что уважение и охрана культурных ценностей в современном мире играют значимую роль, а общественность по-прежнему подчеркивает значимость произведений искусства. Поэтому можно сделать вывод, что стратегия и действия некоторых государств и вооруженных групп не всегда совпадают с общественным мнением.

Подчеркнем, что реституция культурных ценностей частными лицами получила широкое распространение в международном праве. Доказательством этому служит вышеупомянутый пример возврата картины В. Кандинского в Амстердаме. Следует заметить, что данный случай получил большой общественный резонанс. Мэр Амстердама Фемке Халсема и ее заместитель по вопросам культуры неоднократно подчеркивали, что ввиду большой длительности данного процесса и необходимости исправлять ошибки прошлого муниципалитет намерен вер-

нуть работу без дальнейшего вмешательства комитета по реституции [1]. В Нидерландах существуют не только Комитеты по реституции, основной задачей которых является поиск потерянных во время военных действий культурных ценностей, но и юридические корпорации, специализирующиеся именно на поиске изъятых во время холокоста. Один из представителей компании Mondex Джеймс Палмер поднимал проблему того, что возврат культурных ценностей частным лицам в большинстве случаев становится невозможным из-за неоднообразного применения реституционной политики конкретным государством. Так, после возврата картины «Пейзаж с домами» В. Кандинского он дал интервью: «В таких исках искажен ряд факторов: где, когда и как работа была похищена, а также особенности права в конкретной стране. Успех данного дела во многом связан с проведением тщательного расследования: на основе наших доказательств картину должны были вернуть еще в 2018 году. Тогда отказ был вызван некорректным применением голландской реституционной политики. Теперь у нас есть прецедент, который поможет корректировать дальнейшие действия по реституции» [1].

Первый такой прецедент появился более 20 лет назад, когда наследникам семьи Блок-Бауэр был возвращен «Портрет Адели Блок-Бауэр», написанный Густавом Климтом. В период военных действий данная культурная ценность была утеряна и лишь к концу двадцатого века возвращена владельцам, этому во многом способствовало создание законодательной базы по возвращению отчужденных во время холокоста культурных ценностей. Так, 3 декабря 1998 г. на Вашингтонской конференции по активам эры холокоста [2] 44 страны во главе с США подписали соглашение, касающееся идентификации и реституции произведений искусства, незаконно перемещенных в период Второй мировой войны. Именно принятие данного акта стало правовой основой для возвращения произведений искусства законным владельцам и послужило своеобразным толчком к образованию юридических компаний, специализирующихся на поиске утерянных во время холокоста ценностей.

Следует отметить, что не все государства придерживаются единообразной политики по поводу реституции культурных ценностей. Порой в данные дела приходится вмешивать-

ся международным организациям. Так, существует Всемирная еврейская реституционная организация, специализирующаяся именно на возвращении собственности жертвам нацистского режима и их наследникам. Еще одной, не менее важной проблемой в этой области является то, что бремя судебных разбирательств лежит именно на лице, доказывающем, что оно является законным наследником и произведение искусства принадлежит ему по праву. Так, существует немалое количество случаев, когда в основном из-за долгов, образовавшихся в результате судебного разбирательства, наследники либо отказываются от своих притязаний, либо выигрывают дело в суде, но отдают работу на аукцион, чтобы покрыть судебные расходы.

На сегодняшний день политика реституции культурных ценностей воспринимается каждым государством по-своему. Наиболее либерально к этому вопросу подходят такие страны Европы, как Великобритания, Нидерланды, Франция, Германия, Австрия, где, как нами неоднократно упоминалось, органы для принятия решений или помощи в составлении исков о реституции. В США и Канаде в большинстве случаев приходится обращаться напрямую к текущим владельцам. Россия же полностью отрицает проведение политики реституции в отношении возврата культурных ценностей частным лицам. На данный момент ни один российский музей не идет на сотрудничество, хотя Российская Федерация и относилась к числу стран, подписавших вашингтонские принципы.

Подчеркнем, что во Франции с 2020 г. также существует прецедент, связанный с возвращением культурных ценностей. В 2017 г. наследники коллекционера, собирающего картины импрессиониста Камиля Писсарро, обнаружили, что его картина «Сбор гороха» находится в семье американских коллекционеров, которые купили ее на аукционе в 1995 г. за 800 тыс. долларов. При этом последние не знали, что данная картина во время войны была присвоена нацистами, то есть они были добросовестными приобретателями. Кассационный суд отклонил апелляцию коллекционеров и оставил решение предыдущих судов без изменения. Оно сводилось к тому, что полотно должно быть возвращено наследникам импрессиониста. В данном постановлении так-

же неоднократно подчеркивалось, что, даже если коллекционеры добросовестно приобрели картину, они не могут утверждать, что стали «его законными владельцами». Высший апелляционный суд Франции отклонил иск американской пары, которая требовала признать свои права на картину импрессиониста. Семья американских коллекционеров собирается оспаривать судебное решение в высшей инстанции – Европейском суде по правам человека. Данное разбирательство станет отправной точкой при решении других правовых споров о произведениях искусства, конфискованных нацистами. Как сказал американский юрист Рон Соффер: «Решение, которое примет Европейский суд по правам человека, открывает ящик Пандоры для судов» [3].

Следует отметить, что в Российской Федерации в 2020 г. в РОСИЗО создана структура по поиску и возвращению культурных ценностей. Подчеркнем, что данное подразделение создано при государственном музейно-выставочном центре «РОСИЗО» в начале 2020 года. Эту новость сообщил директор департамента музеев Минкультуры Владислав Кононов. Политика Российской Федерации по поводу культурных ценностей весьма неоднозначна. Так, если речь идет именно о перемещенных культурных ценностях, то Министерство культуры РФ заявляет, что такого рода культурные ценности являются достоянием РФ. Даже упомянутое нами структурное подразделение было создано с целью поиска культурных ценностей, перемещенных в годы Великой Отечественной войны. Не зря год его создания связан с 75-летием победы в Великой Отечественной войне. Отметим, что до создания структурного подразделения этими вопросами занимались исключительно музеи. В некоторых случаях сотрудники музея все же находили культурные ценности на аукционах и выкупали их.

Данный вопрос связан в первую очередь с возвращением культурных ценностей на историческую Родину, но проблема реституции культурных ценностей частными лицами в РФ также остается неразрешенной. Как нами было упомянуто ранее, сотрудники музея не хотят идти на компромисс и возвращать утраченную во время военных действий вещь частному лицу, хотя в данный момент государством подписана и Конвенция УНИДРУА и

Вашингтонские принципы. Это, на наш взгляд, является упущением, которое требует достаточно пристального внимания со стороны правоведов и юристов. Возникает вопрос, как государство может заявлять о необходимости возвращения своих культурных ценностей, если само не предоставляет гражданам другой страны такую возможность?

Таким образом, институт реституции культурных ценностей частными лицами в Российской Федерации не получил широкого распространения. Связано это в первую очередь с тем, что государственные музеи, в собственности которых находятся произведения искусства, принадлежащие предкам данных частных лиц, обычно не возвращают имущество. В большинстве случаев при обращении к сотрудникам музея, где находится утраченная вещь, их работники предлагают либо приехать и посмотреть на культурную ценность, либо поддержать в руках семейную реликвию, ранее принадлежавшую предкам, за денежные средства. Отметим, что и данное действие выполняется не так просто. Наследник должен привезти с собой доказательства, подтверждающие его родство с человеком, которому ранее принадлежала эта вещь. Это могут быть такие документы, как свидетельство о рождении или свидетельство о рождении родственников. Кроме того, музеи ссылаются на то, что данная культурная ценность не может быть возвращена, так как она вошла в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации, представляет историческую, мемориальную и музейную ценность, а также используется в экспозиционных и выставочных работах и проведении мероприятий военно-патриотической направленности.

Выводы

Можно сказать, что такой гражданско-правовой институт, как реституция культурных ценностей гражданами, получает свое распространение в основном в странах англо-саксонской правовой семьи. Доказательством этому суждению служат и примеры из практики европейских судов. Возможно, данное положение связано с тем, что в упомянутых государствах центральное место занимает прецедентное право. Как мы знаем, прецедентные нормы – это нормы, сформулированные в судебных решениях.

На данный момент в Российской Федерации вопрос о том, действует ли в нашем государстве прецедент, остается дискуссионным. Видимо, этим и обосновывается отсутствие правоприменительной практики по поводу реституции культурных ценностей частными лицами.

Для развития в Российской Федерации реституции культурных ценностей частными лицами представлялось бы возможным создание юридических компаний, которые бы занимались поиском утраченных культурных ценностей. Это может быть частное детективное агентство, специализирующееся именно на поиске и возврате утраченных произведений искусства частным лицам. Кроме того, в данной организации работали бы высококвалифицированные юристы, консультирующие граждан по поводу составления иска о возврате культурной ценности. Так как в некоторых англо-саксонских странах уже существуют такие компании, то в перспективе бы возникли условия для осуществления взаимодействия и обмена опытом с иностранными коллегами.

В соответствии со ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить другой стороне все понесенные по делу судебные расходы за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 ГПК РФ [6, с. 25]. При этом, как нами было замечено ранее, дела, касающиеся реституции культурных ценностей, требуют немалых денежных затрат. Принятие законодателем правового акта, в котором получило бы отражение, кто имеет право требовать возврата культурных ценностей – сам владелец, родственники, наследники. Кроме того, в нем содержался бы перечень объектов, на которые данные субъекты могли бы претендовать, например семейные реликвии, ценности, утраченные во время военных действий и чрезвычайных ситуаций, имеющее важное значение для упомянутых лиц. В таком случае представлялось бы возможным и включить в данный акт норму о том, что обе стороны имеют право подписать договор, где было бы сказано, что лицу, обратившемуся с иском о возврате культурных ценностей, предоставляется право брать кредит на вышеупомянутые цели, но в случае, если решение суда состоится в пользу истца, то обязанность по погашению кредита лежит на другой стороне. Данная мера позволила бы лицу,

культурная ценность которого была утрачена, получить денежные средства на достижение своей цели, а также возратить семейную реликвию практически без всяких затрат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амстердам возвращает Кандинского: как идет реституция ценностей, изъятых в Холокост. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kiozk.ru/article/amsterdam-vozvrasaet-kandinskogo-kak-idet-restitucia-cennostej-izatyh-v-holokost> (дата обращения: 28.09.2022). – Загл. с экрана.

2. Вашингтонские принципы (приняты на Вашингтонской конференции по активам эры холокоста от 3 декабря 1998 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

3. Картину Писсарро, присвоенную нацистам 77 лет назад, вернут семье коллекционера. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://artchive.ru/news/4463-Kartinu_Pissarro_prisvoennuju_natsistami_77_let_nazad_vernut_sem_e_kolleksionera (дата обращения: 28.09.2022). – Загл. с экрана.

4. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (принята Дипломатической конференцией по принятию проекта Международной Конвенции УНИДРУА по возврату похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей от 24 июня 1995 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

5. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 25 февраля 2022 года : [принят Государственной думой 21 октября 1994 (ч. 1), 22 декабря 1995 (ч. 2), 1 ноября 2001, 24 ноября 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года (ч. 3), 8 декабря 2006 года (ч. 4)]. – М. : Эксмо, 2022. – 950 с.

6. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 14 июля 2022 года : [принят Государственной думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 23 октября 2002 года]. – М. : Эксмо, 2022. – 350 с.

REFERENCES

1. *Amsterdam vozvrashchaet Kandinskogo: kak idet restitutsiia tsennostei, izieiatykh v Kholokost* [Amsterdam Returns Kandinsky: How is the Restitution of Values Seized in the Holocaust].

URL: <https://kiozk.ru/article/amsterdam-vozvrasaet-kandinskogo-kak-idet-restitucia-cennostej-izatyh-v-holokost> (accessed 28 September 2022).

2. *Vashingtonskie printsipy (priniaty na Vashingtonskoi konferentsii po aktivam ery kholokosta ot 3 dekabria 1998 goda)* [Washington Principles (Adopted at the Washington Conference on Holocaust Era Assets on December 3, 1998)]. *Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

3. *Kartinu Pissarro, prisvoennuju nacistami 77 let nazad, vernut sem'e kollektionera* [The Pissarro Painting, Appropriated by the Nazis 77 Years Ago, Will Be Returned to the Collector's Family], URL: https://artchive.ru/news/4463~Kartinu_Pissarro_prisvoennuju_natsistami_77_let_nazad_vernut_sem'e_kollektionera (accessed 28 September 2022).

4. *Konventsiiia UNIDRUA po pokhishchennym ili nezakonno vyvezennym kulturnym tsennostiam (priniata Diplomaticeskoi konferentsiei po priniatiu proekta Mezhdunarodnoi Konventsii UNIDRUA po vozvratu pokhishchennykh ili ne zakonnovyvezennykh kulturnykh tsennostei ot 24 iyunia 1995 goda)* [UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Property (Adopted by the Diplomatic Conference on the Adoption of the Draft UNIDROIT International Convention on the Return of Stolen or Illegally Exported Cultural Property of June 24, 1995)].

Ofitsialnyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. *Rossiiskaia Federatsiia. Zakony. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii: tekst s izmeneniami i dopolneniami na 25 fevralia 2022 goda: [priniat Gosudarstvennoi dumoi 21 oktiabria 1994 (ch. 1), 22 dekabria 1995 (ch. 2), 1 noiabria 2001, 24 noiabria 2006 goda : odobren Sovetom Federatsii 14 noiabria 2001 goda (ch. 3), 8 dekabria 2006 goda (ch. 4)]* [The Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation: Text with Amendments and Additions of February 25, 2022 (Adopted by the State Duma on October 21, 1994 (Part 1), December 22, 1995 (Part 2), November 1, 2001, November 24, 2006, approved by the Federation Council on November 14, 2001 (Part 3), December 8, 2006 (part 4))]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 950 p.

6. *Rossiiskaia Federatsiia. Zakony. Grazhdanskii protsessualnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: tekst s izmeneniami i dopolneniami na 14 iulia 2022 goda: (priniat Gosudarstvennoi dumoi 23 oktiabria 2002 goda : odobren Sovetom Federatsii 23 oktiabria 2002 goda)* [The Russian Federation. Laws. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Text with Amendments and Additions as of July 14, 2022 (Adopted by the State Duma on October 23, 2002, Approved by the Federation Council on October 23, 2002)]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 350 p.

Information About the Authors

Ivan N. Arkhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Teacher, Department of Tactical and Special Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Natalia V. Zhiteneva, Student, Faculty of Interrogator Training, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, Natasha.Sunflower@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5060-5057>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Наталья Владимировна Житенева, слушатель факультета подготовки дознавателей, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, Natasha.Sunflower@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5060-5057>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.5>

UDC 346.3

LBC 67.404.219

Submitted: 26.08.2022

Accepted: 10.10.2022

THE AGREEMENT FOR THE OPERATION OF NON-PUBLIC TRACKS IN THE SYSTEM OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN BELARUS AND RUSSIA

Larisa A. Kozyrevskaya

Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

Introduction. In the Republic of Belarus and in the Russian Federation, the railway holds a key place in the freight transportation system. Therefore, special attention is paid to the issue of the formation of appropriate infrastructure, including the construction and operation of auxiliary facilities, in particular, non-public tracks, which requires the development and improvement of appropriate legal forms. One of these forms is the agreement for the operation of a non-public track, which is introduced by acts of special legislation, primarily by the Charter of Public Railway Transport in Belarus and in Chapter 4 of the Charter of Railway Transport of Russia dated January 10, 2003, No. 18-FZ. In legal science, the legal essence of this agreement is debatable. The specified agreement is classified both as an organizational one, and as a services agreement, and as a special transport agreement (an independent agreement-based type), and as a mixed property agreement. Meanwhile, in the transport legislation, the specified agreement is settled as concisely as possible, which can potentially lead to collisions and disputes between the participants in the transportation relationship. Therefore, the **purpose** of the proposed study is an attempt by means of comparative legal analysis to identify not only the content of obligations arising on the basis of an agreement for the operation of a non-public track, but also to assess the prospects and ways of developing the legal regulation of this sphere in Belarus and Russia. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of general scientific and special methods of scientific cognition, in particular, comparative law, the method of systemic and structural analysis, etc. **Results:** based on the study and comparison of Belarusian and Russian legislation, as well as the provisions of the civil doctrine, the legal nature of the agreement for the operation of non-public tracks is clarified. The author's position regarding the place of the said agreement in the system of civil agreements is substantiated; the issues of improving the statutory regulation of relations arising out of the operation of the named object are raised. **Conclusions:** as a result of the study, the conclusion on the complex nature of the legal regulation of the transport sphere is substantiated, which is directly manifested in the specifics of the contractual structure under consideration, and the term "agreement for the operation of non-public tracks" itself is a collective symbol that is designed to fix the features of various civil obligations in relation to the transportation process involving the use of tracks not belonging to the owner of the infrastructure. It is established that, taking into account the specific factual circumstances between the participants of the transportation process, one way or another, involving the use of non-public tracks, the relations are formed by their legal nature corresponding to the relations of irregular lease, paid services, usufruct (easement), as well as relations of a mixed nature, mediated by mixed agreements containing the elements of all the listed agreement-based types.

Key words: agreement, subjects of the agreement, railway transportation, non-public tracks, railway infrastructure.

Citation. Kozyrevskaya L.A. The Agreement for the Operation of Non-Public Tracks in the System of Contractual Obligations in Belarus and Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 39-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.5>

**ДОГОВОР НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ПУТЕЙ НЕОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ****Лариса Анатольевна Козыревская**Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В Республике Беларусь и в Российской Федерации ведущее место в системе грузоперевозок занимает железная дорога. Поэтому, вопросу формирования соответствующей инфраструктуры, в том числе строительству и эксплуатации вспомогательных объектов, в частности путей необщего пользования, уделяется особое внимание, что требует развития и совершенствования соответствующих правовых форм. Одной из таких форм является договор на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования, который введен актами специального законодательства, прежде всего, Уставом железнодорожного транспорта общего пользования в Беларуси и в гл. IV Устава железнодорожного транспорта России от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ. В юридической науке правовая сущность данного договора носит дискуссионный характер. Указанный договор классифицируется и как организационный, и как договор на оказание услуг, и как особый транспортный договор (самостоятельный договорной тип), и как имущественный смешанный договор. Между тем в транспортном законодательстве указанный договор урегулирован максимально лаконично, что потенциально может привести к коллизиям и спорам между участниками отношений по перевозке. В связи с этим целью предлагаемого исследования является попытка средствами сравнительно-правового анализа не только определить содержание обязательств, возникающих на основе договора на эксплуатацию железнодорожного пути необщего пользования, но и оценить перспективы и пути развития правового регулирования отмеченной сферы в Беларуси и России. **Методы:** методологическую основу данной работы составляет совокупность общенаучных и специальных методов научного познания, в частности сравнительно-правового, метода системного и структурного анализа и др. **Результаты:** на основе изучения и сопоставления белорусского и российского законодательств, а также положений цивилистической доктрины уточнена правовая природа договора на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования; обоснована авторская позиция относительно места названного соглашения в системе гражданско-правовых договоров; подняты вопросы совершенствования нормативного регулирования отношений, складывающихся в связи с эксплуатацией названного объекта. **Выводы:** в результате исследования обосновано заключение о комплексном характере правового регулирования транспортной сферы, что непосредственно проявляется в специфике рассматриваемой договорной конструкции, а сам термин «договор на эксплуатацию путей необщего пользования» собирательным условным обозначением, которое призвано зафиксировать особенности различных гражданско-правовых обязательств применительно к перевозочному процессу, связанному с использованием путей, не принадлежащих владельцу инфраструктуры. Установлено, что с учетом конкретных фактических обстоятельств между участниками перевозочного процесса, так или иначе связанного с использованием путей необщего пользования, складываются отношения, по своей правовой природе соответствующие отношениям иррегулярной аренды, возмездному оказанию услуг, пользованию чужим имуществом (сервитут), а также отношения смешанного характера, опосредуемые смешанными договорами, содержащими элементы всех перечисленных договорных типов.

Ключевые слова: договор, субъекты договора, железнодорожные перевозки, пути необщего пользования, железнодорожная инфраструктура.

Цитирование. Козыревская Л. А. Договор на эксплуатацию путей необщего пользования в системе договорных обязательств Беларуси и России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 39–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.5>

Введение

Перевозочный процесс на железнодорожном транспорте связан, во-первых, с доступом к использованию специфических пере-

возочных средств – вагонов, а во-вторых, с обеспечением возможности беспрепятственного продвижения по железнодорожным путям. В условиях существования различных форм собственности и возможности строи-

тельства субъектами хозяйствования собственных подъездных путей естественным образом возникает необходимость урегулирования отношений между владельцем путей общего пользования и собственниками (обладателями иных вещных прав) на так называемые пути необщего пользования, а также иными участниками перевозочного процесса – грузоотправителями, перевозчиками и грузополучателями.

В качестве юридической формы опосредования отношений между владельцем путей необщего пользования с одной стороны и перевозчиком с другой, согласно и белорусскому и российскому Уставам железнодорожного транспорта (далее – Устав РФ, Устав РБ) [14, п. 73; 15, ст. 55], выступает договор на эксплуатацию пути необщего пользования. Данный договор не упоминается в Гражданских кодексах (далее – ГК) обеих стран, а в специальном транспортном законодательстве он урегулирован фрагментарно, что является причиной целого ряда теоретико-прикладных проблем, начиная с вопроса о месте этого соглашения в системе договорных конструкций как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, и заканчивая юридической оценкой его отдельных элементов, которые хотя и рассматривались в ряде учебных и научных публикаций [7; 8, с. 170–180; 16], но по-прежнему сохраняют дискуссионный характер.

Обращение к средствам сравнительно-правового анализа позволит выявить общее и особенное в системе правового регулирования отношений, возникающих в связи с организацией перевозочного процесса на железнодорожных путях необщего пользования в Беларуси и России, и на этой основе сформулировать базовые теоретические положения, направленные на формирования доктринальных основ формирования соответствующего института.

Характеристика субъектного состава договора на эксплуатацию путей необщего пользования

Конституирующим признаком договора, рассматриваемого в качестве сделки, в цивилистической доктрине считается волевой ком-

понент, то есть взаимосогласование волею его участников относительно его предмета. Например, В.Н. Годунов подчеркивает, что договор является «общим волевым актом сторон», а следовательно, «без соглашения сторон нет и договора» [2, с. 302–303]. Соответственно, для характеристики договора и его типизации необходимо, прежде всего, уточнить статус возможных контрагентов и предмет рассматриваемого соглашения как объекта, в отношении которого стороны должны прийти к соглашению.

Транспортное законодательство неоднозначно определяет субъектный состав договора на эксплуатацию путей необщего пользования. Во-первых, сам факт необходимости заключения указанного договора поставлен в зависимость от статуса владельца путей необщего пользования: если последний одновременно является владельцем инфраструктуры, то этот договор не заключается. Владелец инфраструктуры легально определяется в Беларуси как организация железнодорожного транспорта общего пользования, которой на праве хозяйственного ведения принадлежит технологический комплекс, включающий в себя железнодорожные пути общего пользования, железнодорожные станции, в том числе вокзалы, устройства железнодорожного электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы, система управления движением поездов, объекты и системы водоснабжения и водоотведения, иные капитальные строения (здания, сооружения), устройства и оборудование, непосредственно предназначенные для обеспечения перевозочного процесса на железнодорожном транспорте общего пользования [9, ст. 1]. В соответствии со ст. 11 Закона Республики Беларусь «О железнодорожном транспорте» инфраструктура закрепляется на праве хозяйственного ведения за Белорусской железной дорогой [9]. Учитывая, что Белорусская железная дорога (далее – БЖД) является одновременно и перевозчиком, можно понять логику законодателя – владелец путей необщего пользования, он же владелец инфраструктуры, одновременно является и перевозчиком (БЖД), то есть имеет место совпадение в одном лице потенциальных субъектов рассматриваемого дого-

вора. Российский законодатель допускает, что владельцем инфраструктуры может выступать и индивидуальный предприниматель [15, ст. 2]. Иными словами, в России допускается множественность субъектов-владельцев названного объекта, что подтверждается содержанием ст. 11 ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [10], и между ними предполагается заключение непоименованного договора, регулирование которого ограничивается указанием на его существенные условия.

В белорусских инструктивных ведомственных актах круг возможных субъектов договора на эксплуатацию путей необщего пользования расширяется за счет указания на контрагентов и пользователей [12, п. 10]. Указанные статусы поясняются в транспортном законодательстве. Так, применительно к правовому режиму пути необщего пользования, термином «контрагент» обозначаются грузоотправители и грузополучатели, имеющие на территории владельца железнодорожного пути необщего пользования свой склад или примыкающий к железнодорожному пути необщего пользования свой железнодорожный путь необщего пользования [12, п. 2]. В качестве пользователей рассматриваются организация, использующая железнодорожный путь необщего пользования, принадлежащий владельцу инфраструктуры (БЖД), грузоотправители или грузополучатели, имеющие прирельсовый склад, погрузочно-разгрузочную площадку на железнодорожном пути необщего пользования, принадлежащем владельцу инфраструктуры, или в местах общего пользования [12, п. 2]. Таким образом, и в первом и во втором случае речь идет о грузоотправителях и грузополучателях, имеющих какие-либо объекты или собственные пути, примыкающие к путям необщего пользования, с той только разницей, что в первом случае этот путь принадлежит иному субъекту, а во втором – БЖД. Введенное разграничение позволило законодателю неявным образом уточнить предмет, а соответственно, и выделить виды договора об эксплуатации путей необщего пользования, избрав в качестве классифицирующего признака специфику технологических особенностей перевозочного процесса. В частности, конституирующим признаком, обуславливающим заключение именно до-

говора об эксплуатации путей необщего пользования, является принадлежность локомотива, обслуживающего транспортные операции на этом пути. На основании этого признака можно выделить 2 группы отношений, опосредуемых названной договорной формой: 1) наряду с правом использования пути необщего пользования их владелец предоставляет услуги локомотива; 2) владелец пути необщего пользования разрешает маневровую работу на этих путях с использованием локомотива, принадлежащего либо перевозчику, либо грузоотправителю (грузополучателю), владеющих примыкающими объектами железнодорожно-транспортной инфраструктуры. Российский законодатель не вводит специального правового статуса для участников перевозочных отношений на путях необщего пользования, оперируя общими понятиями – грузоотправитель, грузополучатель, перевозчик и владелец пути необщего пользования, а также не устанавливает зависимость между фактом наличия или отсутствия у владельца пути необщего пользования локомотива и используемой договорной конструкцией, опосредующей отношения относительно использования указанного объекта. Одновременно в российском законодательстве выделяются ситуации, когда использование путей необщего пользования осуществляется в интересах грузоотправителей или грузополучателей, не имеющих складов, погрузочно-разгрузочных площадок, примыкающих к таким путям. Содержание ч. 2 ст. 56 Устава РФ позволяет заключить, что в указанной ситуации заключается непоименованный договор [15].

Подытожить настоящий раздел можно утверждением, что договор на эксплуатацию путей необщего пользования как в России, так и в Беларуси предполагает специальный субъектный состав. Причем специальный правовой статус участника, обуславливающий использование именно данной договорной формы, связан с вещно-правовым режимом соответствующих объектов железнодорожной инфраструктуры, а в Беларуси – еще и с наличием / отсутствием локомотива у владельца пути необщего пользования. Причем формирование белорусским законодателем специальных правовых статусов – контрагентов и пользователей – не имеет практической пользы, затрудняет восприятие смысла нормативных предпи-

саний и не соответствует сформировавшейся системе участников перевозочных отношений.

**Общая характеристика
правовой природы и содержания договора
на эксплуатацию путей необщего
пользования**

Специфика отношений, определяемая их субъектным составом, а в Беларуси еще и вещными правами на локомотив, используемый в транспортных операциях, позволяет разделить содержание договора на эксплуатацию путей необщего пользования на 2 группы условий: 1) порядок транспортного обслуживания участника перевозочного процесса (подачу и уборку вагонов, пропуск по этим путям вагонов и локомотивов); 2) порядок подачи и уборки вагонов, место и порядок производства приемосдаточных операций, количество одновременно сдаваемых на железнодорожный путь необщего пользования вагонов. Иными словами, во втором случае владелец пути необщего пользования никаких юридических действий не совершает, а занимает пассивную позицию, предоставляя право воспользоваться принадлежащим ему имуществом – путем необщего пользования. Предмет подобного соглашения можно определить, как предоставление имущества за плату во временное пользование. Возможность возмездного пользования чужим имуществом и в белорусском и в российском гражданском праве допускается в рамках двух юридических конструкций – сервитута и договора иррегулярной аренды [3, ст. 268, 577; 4, ст. 606; 5, ст. 274]. Разграничить эти институты можно относительно статуса обладателя вещного права – в договоре аренды на это лицо возлагается целый ряд обязанностей: обеспечить состояние и условия использования имущества по назначению, его юридическую чистоту и т. д. Что касается отношений, возникающих на основе сервитута, то позиция собственника имущества является пассивной. Соответственно, ситуация, когда использование указанного пути для его владельца ограничивается пропуском локомотивов и вагонов, может быть квалифицирована как отношения по типу сервитута, хотя и белорусской и российской судебной практикой такой подход отвергается [11; 13].

Относительно правовой природы договора на эксплуатацию путей необщего пользования в доктрине сформировалось несколько позиций. Одни ученые, считают названный договор разновидностью организационных договоров [1, с. 350]. Такой подход основан на значении этих договоров для перевозочного процесса. Указанные соглашения создают предпосылки для заключения договора перевозки, определяют права и обязанности участников перевозочного процесса до передачи груза перевозчику. Действительно, будучи охарактеризованными в аспекте технологий перевозок данные соглашения опосредуют организационную деятельность в рассматриваемой сфере. Однако традиционно сущностным признаком организационного договора принято считать его неимущественный характер. Более того, в литературе организационные договоры противопоставляются имущественным. Проводя разграничение между имущественными и организационными договорами, Е.А. Суханов отмечал, что последние направлены «не на товарообмен, а установление взаимосвязей участников будущего товарообмена» [6, с. 158].

Другая значимая позиция на природу договора на эксплуатацию путей необщего пользования предполагает его трактовку как самостоятельного транспортного договора. Однако в этом случае, во-первых, нарушается существующая классификация договоров, легально закреплённая в структурах ГК Беларуси и России, а во-вторых, возникает невозможность использования аналогии закона в случае пробельности специального правового регулирования.

В качестве договора возмездного оказания услуг классифицирует названный договор М.А. Чистякова [16], с чем, в принципе, можно согласиться. Предметом договора об эксплуатации путей необщего пользования, как уже отмечалось, могут быть действия владельца инфраструктуры по перемещению подвижного состава с или на этих путях. Эти действия не имеют материально отделимого результата и поэтому могут быть отнесены к услугам. Предмет договора на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования носит комплексный характер, его структура предопределяется технологией функционирования желез-

нодорожной станции, к которой он примыкает, наличием или отсутствием у владельца названного пути маневрового локомотива.

Права и обязанности сторон договора на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования носят встречный характер, что позволяет охарактеризовать данный договор как взаимный и синаллагматический. Конкретное содержание прав и обязанностей участников рассматриваемого соглашения предопределяется особенностями технологического процесса, но основной обязанностью перевозчика является осуществление по заданию владельца пути необщего пользования маневровой работы, подача и уборка вагонов на согласованных условиях, а соответственно, обязанность владельца – оплатить предоставляемые услуги.

В тех случаях, когда договор об эксплуатации путей необщего пользования предусматривает использование локомотива перевозчика в соответствии с указаниями владельца путей необщего пользования, такой договор отвечает признакам договора аренды транспортного средства с экипажем. В зависимости от конкретных условий и специфики взаимоотношений перевозчика и владельца путей необщего назначения, заключаемые между ними соглашения, могут носить смешанный характер и содержать элементы договора на оказание услуг и аренды транспортного средства с экипажем.

С учетом изложенного можно утверждать, что термин «договор на эксплуатацию путей необщего пользования» является собирательным и обозначает несколько юридических конструкций, различных по юридической природе. При этом для этих соглашений характерно единство правовой природы: они являются консенсуальными и возмездными.

Заключение

Таким образом, единая социально-экономическая цель – организация и осуществление подготовительных операций, обеспечивающих перевозочный процесс на путях необщего пользования, опосредуется различными правовыми формами и может регулироваться нормами различных правовых институтов. Используемое в специальном транспортном

законодательстве понятие «договор на эксплуатацию пути необщего пользования» является собирательным условным обозначением, которое призвано зафиксировать особенности различных гражданско-правовых обязательств применительно к перевозочному процессу, связанному с использованием путей, не принадлежащих владельцу инфраструктуры.

Учитывая сложившуюся систему юридических категорий и институтов, можно заключить, что договор на эксплуатацию путей необщего пользования объединяет по функциональному признаку договор об установлении сервитута, договор иррегулярной аренды и договор возмездного оказания услуг. Причем с учетом конкретных фактических обстоятельств между перевозчиком (владельцем инфраструктуры), владельцем путей необщего пользования и лицом, владеющим примыкающими путями и (или) складами на территории указанного пути, могут заключаться смешанные договоры, содержащие элементы всех перечисленных договорных типов.

Для устранения правовой неопределенности и принимая во внимание крайне недостаточное нормативное регулирование рассмотренных отношений представляется необходимым либо закрепить соответствующие бланкетные нормы, отсылающие к положениям ГК, либо сформировать в рамках транспортного законодательства развернутую систему диспозитивных норм, регулирующих виды указанных договорных типов с учетом специфики железнодорожного транспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский, М. И. Договорное право. В 5 кн. Кн. 4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2003. – 910 с.

2. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор и сфера его применения / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск : Белпринт, 2014. – Вып. 9. – С. 301–312.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь (в ред. от 05.01.2021) : закон от 07.12.1998 № 218–З : принят Палатой представителей 28.10.1998 : одобрен Советом Респ. 19.10.1998 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya>

informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/ (дата обращения 20.08.2022). – Загл. с экрана.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (в ред. от 01.07.2021) : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22.12.1995. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (в ред. от 25.02.2022) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21.10.1994. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2. Полумтом 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 704 с.

7. Гречуха, В. Н. Правовое регулирование договоров на эксплуатацию железнодорожных путей необщего пользования и договоров на подачу и уборку вагонов / В. Н. Гречуха // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 39–40.

8. Егизаров, В. А. Транспортное право : учебник / В. А. Егизаров. – 7-е изд., доп. и перераб. – М. : Юстицинформ, 2011. – 608 с.

9. О железнодорожном транспорте (в ред. от 17.07.2018) : Закон Респ. Беларусь от 06.12.1999 № 237-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (дата обращения: 20.08.2022).

10. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации (в ред. ФЗ от 14.03.2022) : федер. закон Рос. Федер. от 10.01.2003 № 17-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2017 № 306-ЭС16-18379 по делу № А12-10373/2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26042017-n-306-es16-18379-po-delu-n-a12-103732015/> (дата обращения: 30.11.2021). – Загл. с экрана.

12. Правила эксплуатации железнодорожных путей необщего пользования : утв. постановлением М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь от 31.03.2008 № 40 : по сост. на 13.07.2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (дата обращения: 20.08.2022). – Загл. с экрана.

13. Решение экономического суда Витебской области от 21.07.2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (дата обращения: 20.08.2022). – Загл. с экрана.

bank-dannykh-pravovoy-informatsii/ (дата обращения: 20.08.2022). – Загл. с экрана.

14. Устав железнодорожного транспорта необщего пользования (в ред. от 25.03.2022) : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 02.08.1999 № 1196. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (дата обращения: 20.08.2022). – Загл. с экрана.

15. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации (в ред. ФЗ от 11.06.2022) : утв. Федер. законом Рос. Федер. от 10.01.2003 № 18-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Чистякова, М. А. О правовой природе договора, предусматривающего использование путей необщего пользования / М. А. Чистякова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tka.by/blogs/o-pravovoy-prirode-dogovora/> (дата обращения: 30.11.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo. V 5 kn. Kn. 4. Dogovory o perevozke, buksirovke, transportnoy ekspeditsii i inykh uslugakh v sfere transporta* [Contract Law. In the 5 Books. Book 4. Contracts on Transportation, Towing, Transport Expedition and Other Services in the Field of Transport]. Moscow, Statute Publ., 2003. 910 p.

2. Godunov V.N. *Grazhdansko-pravovoy dogovor i sfera ego primeneniya* [Civil Law Contract and the Scope of its Application]. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve: sb. nauch. tr.* [Law in Modern Belarusian Society. Collection of Scientific Papers]. Minsk, Belprint Publ., 2014, iss. 9, pp. 301-312.

3. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus' (v red. ot 05.01.2021): zakon ot 07.12.1998 № 218-Z : prinyat Palatoy predstaviteley 28.10.1998 : odobr. Sovetom Resp. 19.10.1998 g.* [The Civil Code of the Republic of Belarus No. 218-Z dated December 7, 1998 (as amended The Law of Republic Belarus on January 5, 2021). Adopted by the House of Representatives on October 28, 1998. Approved by the Council of the Republic on October 19, 1998]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (accessed 20 August 2022).

4. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) (v red. ot 01.07.2021): feder. zakon ot 26.01.1996 № 14-FZ : prinyat Gos. Dumoy 22.12.1995* [The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) (as amended on July 1, 2021). Federal Law No. 14-FZ dated January 26, 1996. Adopted by the State Duma

on December 22, 1995]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) (v red. ot 25.02.2022): feder. zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ; prinyat Gos. Dumoy 21.10.1994 [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) (as amended on February 25, 2022). Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994. Adopted by the State Duma on October 21, 1994]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

6. Sukhanov E.A., ed. *Grazhdanskoe pravo: uchebnyk. V 2 t. T. 2. Polutom 1* [Civil Law. Textbook in 2 vols. Vol. 2, tome 1]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2004. 704 p.

7. Grechukha V.N. Pravovoe regulirovanie dogovorov na ekspluatatsiyu zheleznodorozhnykh putey neobshchego pol'zovaniya i dogovorov na podachu i uborku vagonov [Legal Regulation of Contracts for the Operation of Non-Public Railway Tracks and Contracts for the Supply and Cleaning of Wagons]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of Economics and Law], 2016, no. 1, pp. 39-40.

8. Egizarov V.A. *Transportnoe pravo: uchebnyk* [Transport Law. Textbook]. Moscow, Justicinform Publ., 2011. 608 p.

9. O zheleznodorozhnom transporte (v red. ot 17.07.2018): zakon Resp. Belarus' ot 06.01.1999 № 237-Z [On Railway Transport The Law (as amended on July 17, 2018) of Republic Belarus No. 237-Z dated January 6, 1999]. *ETALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus'* [ETALON. Legislation of the Republic of Belarus]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (accessed 20 August 2022).

10. O zheleznodorozhnom transporte v Rossiyskoy Federatsii (v red. FZ ot 14.03.2022): feder. zakon Ros. Feder. ot 10 yanv. 2003 g. № 17-FZ [About Railway Transport in the Russian Federation (as amended Federal Law on March 14, 2022). Federal Law No. 17-FZ dated January 10, 2003]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

11. *Opreделение судьбы коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2017 № 306-ES16-18379 по делу № А12-10373/2015* [Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the

Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES16-18379 in case No. А12-10373/2015 dated March 26, 2017]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-26042017-n-306-es16-18379-po-delu-n-a12-103732015/> (accessed 24 July 2022).

12. *Pravila ekspluatatsii zheleznodorozhnykh putey neobshchego pol'zovaniya: utv. postanovleniem M-va transporta i kommunikatsiy Resp. Belarus' ot 31.03.2008 № 40: po sost. na 13.07.2015* [Rules of Operation of Non-Public Railway Tracks. Approved by the Resolution of the Ministry of Transport and Communications of the Republic of Belarus. Belarus No. 40 dated March 31, 2008. According to Comp. on July 13, 2015]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (accessed 20 August 2022).

13. *Reshenie ekonomicheskogo suda Vitebskoy oblasti ot 21.07.2020* [The Decision of the Economic Court of the Vitebsk Region dated July 21, 2020]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (accessed 20 August 2022).

14. *Ustav zheleznodorozhnogo transporta obshchego pol'zovaniya (v red. ot 25.03.2022): utv. postanovleniem Soveta Ministrov Resp. Belarus' 02.08.1999 № 1196* [Charter of Public Railway Transport (as amended on March 25, 2022). Approved by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1196 dated August 2, 1999]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/etalonnyy-bank-dannykh-pravovoy-informatsii/> (accessed 20 August 2022).

15. *Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossiyskoy Federatsii (v red. FZ ot 11.06.2022): utv. Feder. zakonom Ros. Feder. ot 10.01.2003 № 18-FZ* [The Charter of Railway Transport of the Russian Federation (as amended Federal Law on June 11, 2022) Approved Federal Law No. 18-FZ dated January 10, 2003]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

16. Chistyakova M.A. *O pravovoy prirode dogovora, predumtrivayushchego ispol'zovanie putey neobshchego pol'zovaniya* [On the Legal Nature of the Contract Providing for the Use of Paths of Non-Public Use]. URL: <https://rka.by/blogs/o-pravovoy-prirode-dogovora/> (accessed 24 July 2022).

Information About the Author

Larisa A. Kozyrevskaya, Candidate Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Belarusian State University of Economics, Prosp. Partizansky, 26, 220070 Minsk, Republic of Belarus, Larisa-Kozyrevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0061-3398>

Информация об авторе

Лариса Анатольевна Козыревская, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белорусский государственный экономический университет, просп. Партизанский, 26, 220070 г. Минск, Республика Беларусь, Larisa-Kozyrevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0061-3398>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6>

UDC 340.134
LBC 67.0

Submitted: 30.07.2022
Accepted: 10.09.2022

GOVTECH AS A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF E-GOVERNMENT¹

Danil V. Kononenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in recent years, there has been a rapid change in the paradigm of the development of state-legal relations concerning new technological solutions. At the present stage, researchers use the term GovTech, giving an assessment of the current social state. The scientific characteristic of the category “GovTech” (GOSTECH) and the identification of its correlation with the category “electronic government” are required. **Purpose:** to give an overview of the category “GovTech” (GOSTECH), to determine the degree of correlation with the category “electronic government”, to identify the examples of the implementation of GovTech in Russia. **Methods:** the methodological framework for the research is made up of the general scientific methods – analysis and synthesis, as well as the specific scientific methods – formal legal and comparative legal. **Results:** the term GovTech is quite new to the legal scientific discourse and at the moment there are no definitions formed within scientific discussion. However, the context of using this term refers to the transformation of state-legal reality primarily in the context of interaction between public authorities and the population, increasing convenience, openness and increasing opportunities to influence decision-making. **Conclusions:** the category GovTech (GOSTECH) has been introduced into scientific use and is used in regulatory legal acts. At the same time, the question of the essential content of the term remains open. Due to the examples given in the Russian Federation, it can be concluded that at the moment GovTech is a qualitatively new stage in the development of electronic government.

Key words: GovTech, GosTech, electronic government, e-government, digital economy.

Citation. Kononenko D.V. GovTech as a New Stage in the Development of E-Government. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 48-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6>

УДК 340.134
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 30.07.2022
Дата принятия статьи: 10.09.2022

GOVTECH КАК НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА (ПРАВИТЕЛЬСТВА)¹

Данил Валерьевич Кононенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в последние годы отмечается стремительная смена парадигмы развития государственно-правовых отношений в связи с новыми технологическими решениями. На современном этапе исследователи оперируют термином «GovTech», давая оценку текущему социальному состоянию. Требуется научная характеристика категории «GovTech» (ГосТех) и выявления ее соотношения с категорией «электронное государство (правительство)». **Цель:** дать обзорную характеристику категории «GovTech» (ГосТех), определить степень соотношения с категорией «электронное государство (правительство)», выявить примеры внедрения GovTech в России. **Методы:** методологическую основу исследования составили общенаучные методы – анализ и синтез, а также частнонаучные – формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** термин «GovTech» является достаточно новым для юридического научного дискурса и в данный момент отсутствуют определения, сформировавшиеся в рамках научной дискуссии. Однако контекст употребления этого термина относится к трансформации государственно-правовой реальности в первую очередь в контексте взаимодействия публичных органов управления и населения, увеличения удобства, открытости и повышения возможностей влиять на принятие решений. **Выводы:** категория «GovTech» (ГосТех) введена в научный оборот и используется в нормативных правовых актах. При этом вопрос о сущностном наполнении

термина остается открытым. В силу приведенных примеров в Российской Федерации можно сделать заключение, что в данный момент GovTech является качественно новым этапом развития электронного государства (правительства).

Ключевые слова: GovTech, ГосТех, электронное государство, электронное правительство, цифровая экономика.

Цитирование. Кононенко Д. В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства) // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6>

Введение

Несмотря на то что обсуждение вопросов социального прогресса в изменяющемся мире часто облекаются в общие рассуждения и даже могут предварять рекомендации неконкретного свойства, нельзя не отметить, что по крайней мере в лексическом плане можно увидеть частую и калейдоскопически быструю смену научных и, шире, социальных категорий в общественном дискурсе. Бесспорно, если рассматривать данный процесс в государственно-правовом контексте, то укоренение в научном обороте определенного конструкта связано либо с закреплением в нормативных правовых актах, либо с устойчивым словоупотреблением термина в научной литературе. На сегодняшний момент (весна 2022 г.) отмечается, что термин «GovTech» в небольших количествах вошел в научный оборот по крайней мере в русскоязычной литературе, в зарубежных источниках термин «GovTech» начинает фигурировать еще в 1980-е гг. [20], а в 2000–2010-х прочно входит в практику социальных отношений, однако до сегодняшнего времени не существует единого устойчивого понимания смысла и направленности искомого понятия.

Терминология GovTech

Полная версия термина «GovTech» (Government Technology) отсылает к большей вовлеченности в публично-правовые процессы технологических решений. Конструирование таких терминов является не новым для общественных наук как в англоговорящей среде, так и следом в остальном мире (в том числе и русскоязычном языковом поле). Достаточно вспомнить вереницу схожих терминов «LegalTech», «BioTech», «NanoTech», «RetailTech», «FinTech», «InsurTech» [5], близ-

кородственный вариант – «PubTech» [2]. Некоторые исследователи предлагают использовать более русифицированный вариант термина – «ГосТех» [1], который с 2020 г. внедряется в официальное нормативное и медийное поле [9; 10].

В то же время можно наблюдать достаточно слабую научную проработку понятия «GovTech». Здесь имеет место парадоксальная ситуация – присутствие термина отмечается не только в науке, но и в областях, влияющих непосредственно на широкий круг общественных отношений, но при этом отсутствует строгая дефиниция. По мнению ряда авторов, исследующих данную проблему в рамках технологического подхода, это могут быть «IT-продукты, решения, разработки, сервисы, помогающие решить проблемы госсектора» [8], «отрасль государственных технологий» [7] либо определенный механизм, решение «как общегосударственный подход к цифровизации, который способствует простому, доступному и эффективному управлению» (определение Всемирного банка [19], цит. по: [3]), или даже смешанная дефиниция «цифровизация госуправления... включающая технологические решения, создающие удобные или доступные сервисы» [21]. В ином случае определения GovTech имеются только в публицистике [4; 17].

Как бы то ни было, присутствие термина в социальной дискуссии отрицать не представляется возможным, возникает другой вопрос, связанный с возможной постановкой проблем. В первую очередь это проблематика концептуального характера – насколько жизнеспособна окажется эта концепция и не сменит ли ее в грядущем будущем иной конструкт. Однако это все же предмет более комплексного междисциплинарного исследования и посредством одного лишь только специального-юридического знания найти ответ будет

затруднительно. Во вторую очередь, имеются вполне обоснованные вопросы о дальнейшей судьбе ранее созданной и поддерживаемой публичными органами управления системы «электронного государства (правительства)», в каком соотношении с официальным ГосТех и более широким GovTech оно будет находиться.

Состояние электронного государства (правительства) на текущем этапе

Если не брать в расчет определенного рода смелость в научном использовании терминологии, что являет собой своеобразную обкатку идей, тестом на жизнеспособность концепций и обратиться к государственно-правовому закреплению сферы, где смыкаются публичное (государственное и муниципальное) и технологичное, а в конечном итоге проникают в ткань социальных отношений, то закрепившаяся и существующая уже полтора десятка лет система «электронное правительство» [12], легальное определение которой дано в соответствующем распоряжении правительства, как раз и являла собой материнский источник роли государства и его структур в процессе перехода России к информационному обществу [11]. При этом исследователями было обращено внимание на недостаточно корректное заимствование термина «government» в значении «правительство», а не в значении «система органов власти», «система публичного управления», что представляется более верным и точным переводом, хоть и не достаточно кратким и удобным [1]. В связи с этим в данной статье термины «электронное правительство» и «электронное государство» используются в качестве равнозначных как в общенаучном смысле, так и в легальном, установленном в Российской Федерации.

Цели, обозначенные концепцией формирования электронного правительства и достигнутые к настоящему времени в целом охватывают все возможные сферы приложения публично-правового и технологического (с упором в информационное), это: 1) повышение открытости органов власти, в том числе и в виде размещения массивов информации о деятельности публичных субъектов,

создания определенных узлов взаимодействия государства и социума; 2) развитие публичной услуговой деятельности; 3) усовершенствование технологичного наполнения «внутренней кухни» органов госвласти и внутрисистемного межведомственного взаимодействия в рамках аппарата управления. Отмечается, что несмотря на очевидные проблемы и шероховатости, результаты реформирования существенны, во многом как следствие «высокого качества российской интернет-инфраструктуры» [13].

Если анализировать последние редакции государственной программы «Информационное общество», а также «Стратегию развития информационного общества» [15], то одной из узловых точек перехода российского общества в следующую стадию развития является 2030 год. Помимо иных высокотехнологичных задач, связанных с инфраструктурными подвижками, подчеркивается непреходящая важность «расширения и углубления» предоставления публичных услуг, дальнейшего «электрифицирования» юридических значимых действий. В данном контексте неслучайно появление в 2020-е гг., десятилетие, предвещающее конечную точку реализации вышеуказанных программных документов, в коммуникативной среде термина «GovTech» (ГосТех).

GovTech: опыт Сингапура

Наибольшую известность категория «GovTech» получила в рамках реформирования системы органов власти Сингапура, когда Правительственное агентство технологий взяло соответствующее название и сокращение [14]. Сингапур явил собой своеобразного законодателя мод в данной сфере в рамках развития программы SmartNation, предполагающей повсеместное проникновение в жизнь граждан «умных» технологий, не только с целью улучшения жизни индивидуальных субъектов, но и с возможностью влияния на принимаемые органами власти решения с целью построения «лучшего» общества. Это своеобразная экосистема цифрового общества, цифровой экономики и цифрового (электронного) государства [18]. Высокий статус этого органа власти демонстрируется его пе-

реподчинением напрямую Премьер-министру Сингапура [12].

Попытки правового закрепления GovTech в России

В 2020 г. в российском общественном дискурсе произошло активное внедрение категории «GovTech» (ГосТех). Связано это с началом «эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации “ГосТех”» [10]. В данной инициативе речь идет об апробации новых технологий в рамках государственной деятельности, взаимодействия общества и публичных органов управления на принципиально новых платформах. Одной из причин появления такого рода проектов является неструктурированный и запутанный характер функционирования государственных информационных систем, отсутствие «бесшовного» характера в межведомственном взаимодействии, что может нивелировать преимущества электронного взаимодействия в публично-правовом поле [16]. На текущий момент стадия эксперимента продлена до 31 декабря 2022 года.

Фрагментированность сферы «GovTech» в России подчеркивается исследованием VinciResearch [6], в которой российские «кейсы» представлены только возможными перспективами. При этом подчеркивается, что сфера «GovTech» подпитывается в том числе и инициативами снизу, хотя в России на начальном этапе отмечается большая ориентированность на государственный характер изменений, во многом из-за того, что внедрение GovTech завязано на обязательное нормативно-правовое основание, что подчеркивается наличием Постановления Правительства, давшего официальный старт эксперименту по внедрению ГосТеха.

Следует сказать, что преобразование информационно-технологического поля, взаимодействующего с государством, созданного для решения государственных задач и т. д. происходит не только в инфраструктурном отношении. Нельзя и не отметить, помимо вышеуказанных, иные нормативные основания, которые по всем признакам могут затро-

нуть область GovTech. Это целый пакет законов, принятый в 2020 г. – это и перспективный Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», и Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

Выводы

Несмотря на то что серьезной дискуссии по вопросам научного определения GovTech не было, многие авторы интуитивно применяют эту дефиницию в исследованиях, либо она фигурирует в актах публичного значения в контексте взаимодействия государства и электронных технологий. Предыдущий заход в канву реформирования государственного управления с использованием электронных технологий имел соответствующий терминологический аппарат (электронное правительство, информационное общество), на современном этапе концептуальное наполнение преобразований не поменялось – это по-прежнему улучшение, повышение удобства, преобразование в лучшую сторону, но появились новые категории (цифровизация, цифровая экономика, GovTech, ГосТех). В связи с этим возникает проблема соотношения определенных и понятий. Определенными авторами высказывается точка зрения о большей широте GovTech по сравнению с электронным правительством (государством) (e-government) с включением технологий умного города, CrimeTech и отдельно стоящего «государственного управления» [16]. Хотя к этой классификации и имеются вопросы, связанные с принципом вычленения элементов GovTech и выстраивания иерархии. Возможно, здесь предполагался обобщенный опыт исследования на примере нескольких стран с более продолжительными традициями внедрения ГосТеха. В силу высокой степени ого-

сударствления технологичных решений, затрагивающих публично-правовое поле (правоотношения, в которых один из субъектов реализует властные полномочия) предполагается, что конструкция «GovTech» не выходит за пределы терминологического поля электронного государства (правительства), но в силу экспериментального характера, апробирования и неустойчивости в текущих социальных отношениях и последующей трудности определения соотношения представленных понятий, кажется обоснованным обусловить GovTech (в правовом смысле, за пределами технологического наполнения) как новый этап в развитии электронного государства (правительства).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Е. Г. Современные интерпретации концепции электронного государства (электронного правительства) / Е. Г. Васильева, Д. В. Кононенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 1 (30). – С. 9–16.

2. Дегтярев, М. В. Концепт и комплекс инструментов «регуляторная песочница» / М. В. Дегтярев // Право и государство. – 2021. – № 4 (93). – С. 53–70. – DOI: 10.51634/2307-5201_2021_4_53

3. Демидова, С. Е. Финансовая система в условиях цифровой трансформации экономики / С. Е. Демидова // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2020. – № 1 (29). – С. 47–53. – DOI: 10.31775/2305-3100-2020-1-47-53

4. Карпова, К. Что такое гостех. Объясняем простыми словами / К. Карпова // Сетевое издание «Секрет фирмы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-gostekh-obyasnyаем-prostymi-slovami.htm> (дата обращения: 13.05.2022). – Загл. с экрана.

5. Маркарян, И. Н. Повышение конкурентоспособности предприятий в условиях цифровой экономики / И. Н. Маркарян // Экономика и управле-

ние: современные тенденции : сб. ст. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 65–69. – DOI: 10.31483/г-63839

6. Маркетинговое исследование Vinci Research. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vincipr.com/wp-content/uploads/2021/11/gov-tech-issledovanie-vinci-research.pdf> (дата обращения: 13.05.2022). – Загл. с экрана.

7. Минбалеев, А. В. Информационные технологии противодействия коррупции / А. В. Минбалеев, К. С. Евсиков // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 1674–1689. – DOI: 10.17516/1997-1370-0849

8. Мухаметов, Д. Р. «Умное государство»: перспективы внедрения цифровых технологий государственного управления в России / Д. Р. Мухаметов, К. В. Симонов // Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 17–27. – DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-17-27

9. Начинается эксперимент по созданию цифровой платформы «Гостех» / ТАСС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/9884723> (дата обращения: 13.05.2022). – Загл. с экрана.

10. Постановление Правительства РФ от 12.10.2020 № 1674 (ред. от 30.03.2022) «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации “ГосТех”» – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 25.01.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Тагаров, Б. Ж. Анализ современного состояния электронного правительства в России / Б. Ж. Тагаров // Креативная экономика. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 447–458. – DOI: 10.18334/ce.12.4.39008

14. Туробов, А. В. Международный опыт применения математико-статистических алгоритмов прогнозирования преступности / А. В. Туробов, М. А. Чумакова, А. В. Вечерин // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4 (59). – С. 153–177. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.9

15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Холупова, К. «Гостех» станет обязательным с 2024 года / К. Холупова / Сетевое издание CNews. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2021-10-25_gosteh_stanet_obyazatelnyum (дата обращения: 13.05.2022). – Загл. с экрана.

17. Яковлев, В. Government Technologies: новая цифровая реальность для государства / В. Яковлев // Сетевая платформа vc.ru – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vc.ru/future/145740-government-technologies-novaya-cifrovaya-realnost-dlya-gosudarstva> (дата обращения: 13.05.2022). – Загл. с экрана.

18. Ященко, С. Д. Зарубежный опыт цифровой трансформации финансовых услуг / С. Д. Ященко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 1 (140). – С. 72–75.

19. About GovTech. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech> (date of access: 13.05.2022). – Title from screen.

20. Cohen, W. M. Firm Size and R&D Intensity: a Re-Examination / W. M. Cohen, R. C. Levin, D. C. Mowery. – NBER Working Paper No. w2205. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=347000> (date of access: 13.05.2022). – Title from screen.

21. Davydova, M. L. Govtech and Smart Regulation in Election Law / M. L. Davydova // Universidad y Sociedad. – 2022. – Vol. 14, № 1. – P. 205–211.

REFERENCES

1. Vasil'eva E.G., Kononenko D.V. Sovremennye interpretacii koncepcij elektronogo gosudarstva (jelektronogo pravitel'stva) [Modern interpretations of e-state (e-government)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5, Jurisprudencija* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2016, vol. 15, no. 1 (30), pp. 9-16.

2. Degtjarev M.V. Koncept i kompleks instrumentarijev «reguljatornaja pesochnica» [The Concept and Set of Tools “Regulatory Sandbox”]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2021, no 4 (93), pp. 53-70. DOI 10.51634/2307-5201_2021_4_53

3. Demidova S.E. Finansovaja sistema v uslovijah cifrovoj transformacii ekonomiki [Financial System in the Context of Digital Transformation of the Economy]. *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta*. [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2020, no. 1 (29), pp. 47-53. DOI: 10.31775/2305-3100-2020-1-47-53

4. Karpova K. Chto takoe gosteh. Objasnjaem prostymi slovami [What is GovTech? Explaining in

Simple Terms]. *Setevoe izdanie «Sekret firmy»* [Online Media “The Secret of the Firm”]. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/chto-takoe-gostekh-obyasnyajem-prostymi-slovami.htm> (accessed 13 May 2022).

5. Markarjan I.N. Povyshenie konkurentosposobnosti predpriyatij v uslovijah cifrovoj ekonomiki [Increasing the Competitiveness of Enterprises in the Digital Economy]. *Jekonomika i upravlenie: sovremennye tendencii: sb. st.* [Economics and Management: Current Trends: Scientific Digest]. Cheboksary, Sreda Publ., 2019, pp. 65-69. DOI: 10.31483/r-63839

6. *Marketingovoe issledovanie Vinci Research* [Marketing Research]. URL: <https://vincipr.com/wp-content/uploads/2021/11/gov-tech-issledovanie-vinci-research.pdf> (accessed 13 May 2022).

7. Minbaleev A.V., Evsikov K.S. Informacionnye tehnologii protivodejstvija korrupcii [Information Technologies for Combating Corruption]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities], 2021, vol. 14, no. 11, pp. 1674-1689. DOI: 10.17516/1997-1370-0849

8. Muhametov D.R., Simonov D.R. «Umnoe gosudarstvo»: perspektivy vnedrenija cifrovih tehnologij gosudarstvennogo upravlenija v Rossii [“Smart State”: Prospects for the Introduction of Digital Technologies for Public Administration in Russia]. *Mir novoj ekonomiki* [The World of the New Economy], 2021, vol. 15, no. 3, pp. 17-27. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-17-27

9. Nachinaetsja jeksperiment po sozdaniju cifrovoj platformy «Gosteh» [An Experiment to Create a Digital Platform “Govtech” Begins]. *TASS* [TASS]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9884723> (accessed 13 May 2022).

10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12.10.2020 № 1674 (red. ot 30.03.2022) «O provedenii eksperimenta po sozdaniju, perevodu i razvitiju gosudarstvennyh informacionnyh system i ih komponentov na edinoj cifrovoj platform Rossijskoj Federacii “GosTeh”» [Decree of the Government of the Russian Federation of October 12, 2020 № 1674 (As Amended on March 30, 2022) “On Conducting an Experiment on the Creation, Translation and Development of State Information Systems and Their Components on a Single Digital Platform of the Russian Federation “GovTech”]. *Access from Reference Legal Sistem «KonsultantPlus»*.

11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red. ot 25.01.2022) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Informacionnoe obshhestvo”» [Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 313 (as Amended on January 25, 2022) “On Approval

of the State Program of the Russian Federation “Information Society”]. *Access from Reference Legal Sistem «KonsultantPlus»*.

12. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 06.05.2008 № 632-r (red. ot 10.03.2009) «O Konceptcii formirovaniya v Rossijskoj Federaciij elektronnoogo pravitel'stva do 2010 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation of 05/06/2008 № 632-r (as Amended on 03/10/2009) “On the Concept for the Formation of Electronic Government in the Russian Federation until 2010”]. *Access from Reference Legal Sistem «KonsultantPlus»*.

13. Tagarov B.Zh. Analiz sovremennogo sostojanijaj elektronnoogo pravitel'stva v Rossii [Analysis of the Current State of E-government in Russia]. *Kreativnajaj ekonomika* [Creative Economy], 2018, vol. 12, no. 4, pp. 447-458. DOI: 10.18334/ce.12.4.39008

14. Turobov A.V., Chumakova M.A., Veherin A.V. Mezhdunarodnyj opyt primenenija matematiko-statisticheskikh algoritmov prognozirovaniya prestupnosti [International Experience in the Application of Mathematical and Statistical Algorithms for Predicting Crime]. *Mezhdunarodnye processy* [International Processes], 2019, vol. 17, no. 4 (59), pp. 153-177. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.9

15. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for

2017–2030”]. *Access from Reference Legal Sistem «KonsultantPlus»*.

16. Holupova K. «Gosteh» stanet objazatel'nym s 2024 goda [Govtech Will Become Mandatory From 2024]. *Setevoe izdanie CNews* [Online Media Cnews]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-10-25_gosteh_stanet_obyazatelnym (accessed 13 May 2022).

17. Jakovlev V. Government Technologies: novaja cifrovaja real'nost' dlja gosudarstva [Government Technologies: A New Digital Reality for the State]. *Setevaja platforma vc.ru* [Online Media VC.RU]. URL: <https://vc.ru/future/145740-government-technologies-novaya-cifrovaya-realnost-dlya-gosudarstva> (accessed 13 May 2022).

18. Jashhenko S.D. Zarubezhnyj opyt cifrovoj transformacii finansovyh uslug [Foreign Experience of Digital Transformation of Financial Services]. *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Foreign Experience of Digital Transformation of Financial Services], 2022, no. 1 (140), pp. 72-75.

19. *About GovTech*. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech> (accessed 13 May 2022).

20. Cohen W.M., Levin R.C., Mowery D.C. *Firm Size and R&D Intensity: A Re-Examination*. NBER Working Paper No. w2205. URL: <https://ssrn.com/abstract=347000> (accessed 13 May 2022)

21. Davydova M.L. Govtech and Smart Regulation in Election Law. *Universidad y Sociedad*, 2022, vol. 14, no 1, pp. 205-211.

Information About the Author

Danil V. Kononenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

Информация об авторе

Данил Валерьевич Кононенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.7>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 12.09.2022
Accepted: 12.10.2022

THE LEGAL REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE EUROPEAN UNION

Ksenia V. Shubenkova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Karine E. Ignatova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: The European Union is ethnically diverse and this factor can both positively and negatively influence the processes of regulation of interethnic relations. The European experience shows that it is impossible to avoid the emergence of inter-ethnic tension, the manifestation of xenophobia or discrimination, but they can be effectively combated. The main **purpose** of the work is to systematize the result obtained and, on its basis, to reveal the structure of the system of sources of legal regulation of interethnic relations in the European Union. **Methods:** the methodological framework for the study is the methods of historical and system analysis. Results: the analysis of the current legislation of the European Union revealed positive practices and gaps in the regulation of interethnic relations. Thus, despite the common European legal framework, the EU countries have not reached agreements on the development of common strategies for national and migration policies. **Conclusions:** In matters of regulating interethnic relations, the European Union fully relies on the standards developed by the Council of Europe, and this is natural, since the development of common approaches to the establishment of common European values is more typical for the European community. The legal experience of the European Union, taking into account interaction with the Council of Europe, creates additional opportunities for sustainable development in this area.

Key words: ethnicity, interethnic relations, regulatory framework, discrimination, the European Union.

Citation. Shubenkova K.V., Ignatova K.E. The Legal Regulation of Interethnic Relations in the European Union. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 55-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.7>

УДК 347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 12.09.2022
Дата принятия статьи: 12.10.2022

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Ксения Владимировна Шубенкова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Каринэ Эдуардовна Игнатова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: Европейский союз этнически многообразен и данный фактор может как с положительной, так и с отрицательной стороны влиять на процессы регулирования межнациональных отношений. Европейский опыт показывает, что невозможно избежать возникновения межэтнической напряженности, проявления ксенофобии или дискриминации, но с ними можно эффективно бороться. Основная **цель** работы – систематизировать полученный результат и на его основе выявить структуру системы источников правового регулирования межэтнических отношений Европейского союза. **Методологическую основу** данного исследования составляют методы исторического и системного анализа. **Результаты:** проведенный анализ действующего законодательства Европейского союза выявил положительные практики и пробелы в вопросах

регулирования межэтнических отношений. Так, несмотря на общеевропейское правовое поле, страны ЕС не достигли соглашений по выработке единых стратегий национальной и миграционной политик. **Выводы:** Европейский союз в вопросах регулирования межэтнических отношений полностью опирается на стандарты, разработанные Советом Европы, и это естественно, так как для европейского сообщества в большей степени характерна выработка единых подходов к установлению общеевропейских ценностей. Правовой опыт Европейского союза с учетом взаимодействия с Советом Европы создает дополнительные возможности для устойчивого развития в данной сфере.

Ключевые слова: этнос, межэтнические отношения, нормативно-правовая основа, дискриминация, европейское сообщество, Европейский союз.

Цитирование. Шубенкова К. В., Игнатова К. Э. Правовое регулирование межэтнических отношений в Европейском союзе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 55–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.7>

Введение

Европейский союз является объективным результатом развития процессов европейской экономической интеграции, поскольку создан на основе трех европейских сообществ, возникших в 1950-е гг.: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом).

С момента образования Европейского союза начался процесс объединения Европы, который включал в себя не только интеграционные процессы, но и создание единого правового поля. Здесь следует обратиться к особенностям формирования правового регулирования межэтнических отношений в Европейском союзе, которые, учитывая количество государств-членов, являются важнейшим фактором, определяющим современную правовую политику в европейских государствах.

Система источников права Европейского союза

Слаженная система источников права Европейского союза, выражает совокупный интерес европейских народов в реализации поставленных перед Евросоюзом задач, этим отличаясь от источников национального права, основой которых являются воля и интересы того или иного народа, проживающего на территории конкретного государства.

Несомненно, расширение Европейского союза свидетельствует о том, что на протяжении уже более 60 лет национальный вопрос там является одним из главных и существенных, поскольку его государства-члены явля-

ются носителями различных культурных и этнических традиций.

Осознавая это, главы государств – членов ЕС подписали Римский договор в 1957 г. и закрепили в нем ст. 7. В данной статье установлен нормативный запрет на проявление дискриминации по соображениям национальной принадлежности [3]. Позже схожая норма появится и в Договоре о функционировании Европейского союза, запрещающая дискриминацию по национальному признаку. Кратко указанные положения сводятся к тому, что при определении и осуществлении своей политики и деятельности Союз стремится бороться с любой дискриминацией по признакам пола, расы, этнического происхождения, религии, убеждений, национального гражданства, инвалидности, возраста [2].

Статья 2 Договора о Европейском союзе закрепила, что он основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Указанные ценности являются общими для государств – членов ЕС [1].

В свою очередь, в ст. 21 Хартии Европейского союза об основных правах установлен запрет дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических черт, языка, религии или убеждений, политических или любых иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, инвалидности или возраста.

Следует отметить, что для Европейского союза важное значение имеет соблюдение

принципа равного обращения. Так, в частности, можно согласиться с мнением Э. Макьюэна, который отмечает, что принятие антидискриминационных законов направлено на защиту определенной категории лиц, традиционно находящихся в менее благоприятном положении, например: представителей этнических меньшинств, некоторых конфессий, лиц с ограниченными возможностями. Именно поэтому действие антидискриминационных законов, как правило, распространяется на сферы труда и занятости, образования и профессиональной подготовки кадров, социального обеспечения, оказания услуг [11].

Ключевым нормативным актом в данной области является совместный акт Совета Европейского союза № 96/443/ИНА от 15 июля 1996 г., касающийся действий, направленных на борьбу с расизмом и ксенофобией, согласно которому государства-члены ЕС принимают на себя обязательство обеспечить эффективное судебное сотрудничество в отношении ряда противоправных действий, указанных в нем (публичное подстрекательство к дискриминации, насилию или расовой ненависти; участие в деятельности групп, организаций или ассоциаций, которые связаны с дискриминацией, насилием или расовой, этнической или религиозной ненавистью и др.) [5].

Следующий акт, который мы не можем не отметить, это Директива Совета Европейского союза 97/80/ЕС от 15 декабря 1997 г. о бремени доказывания в делах о дискриминации по признаку пола, которая в ст. 2 устанавливает принцип равного обращения, исключающего дискриминацию по признаку пола, прямо или косвенно.

Пункт 1 ст. 4 Директивы относительно бремени доказывания предписывает государствам-членам в соответствии с существующими в них правилами принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы в случае, когда лицам, считающим, что им был причинен вред ввиду неприменения принципа равного обращения, удалось установить в суде или другом компетентном органе власти факты, на основании которых можно сделать заключение о наличии прямой или косвенной дискриминации. Ответчик должен доказать, что нарушения принципа равного обращения не было [7].

В еще одном концептуальном документе – Директиве Европейского союза от 29 июня 2000 г. № 2000/43/ЕС, имплементирующей принцип равного обращения с людьми, отмечается, что дискриминация, основанная на расовом или этническом происхождении, может помешать достижению целей Договора о Европейском союзе, в частности таких, как высокий уровень занятости и социальной защиты, повышение уровня и качества жизни, экономическое и социальное сплочение и солидарность. Дискриминация может помешать достижению цели развития Европейского союза как пространства свободы, безопасности и справедливости.

Указанная директива имеет важнейшее значение для правоприменительной практики Европейского союза, поскольку ст. 2 устанавливает положения о недопущении прямой или косвенной дискриминации, основанной на расовом или этническом происхождении:

1) прямая дискриминация имеет место в том случае, когда в сходной ситуации к одному лицу относятся, относились или будут относиться менее благожелательно, нежели к другому лицу в силу различного расового или этнического происхождения;

2) косвенная дискриминация имеет место в том случае, когда очевидно нейтральное положение, критерий или общепринятая практика ставят лицо, имеющее отличное расовое или этническое происхождение, в особенно невыгодное положение по сравнению с другими лицами, за исключением тех случаев, когда данное положение, критерий или общепринятая практика признаны объективно соответствующими законной цели, и средства достижения этой цели являются необходимыми и адекватными [6].

На наш взгляд, цель принятия данной Директивы заключается в установлении пределов, в которых должна осуществляться борьба против дискриминации, поэтому в соответствии с ней действия по борьбе с дискриминацией следует предпринимать не только в рамках обеспечения доступа к работе по найму или независимой трудовой деятельности, но и в таких сферах как образование, социальная защита, социальная безопасность, медицинское обслуживание, а также обеспечивать возможность свободного

передвижения товаров и свободного предоставления услуг.

По предписанию Директивы различие в обращении может быть оправданным лишь при определенных условиях, когда признак, характеризующий расовое или этническое происхождение, представляет собой истинное и убедительное профессиональное требование, когда цель законна и требование соразмерно (параграф 18 Директивы).

Существенное влияние на правовое регулирование межнациональных отношений в Европейском союзе имеет Рамочное решение Совета Европейского союза «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии уголовно-правовыми средствами» от 28 ноября 2008 г. № 2008/913/ЈНА, которое предусматривает унификацию законодательства государств-членов Европейского Союза относительно преступлений, связанных с расизмом и ксенофобией, и отмену акта Совета Европейского союза от 15 июля 1996 г. № 96/443/ЈНА о совместных действиях против расизма и ксенофобии [8].

Прецедентное право Европейского союза

В соответствии с ч. 1 ст. 19 Договора о Европейском союзе Суд Европейского союза включает в себя Суд, Трибунал и специализированные трибуналы.

Правовой режим Суда ЕС свидетельствует о том, что его решения образуют один из важных источников права. Они носят окончательный характер и обязательны для всех субъектов права. Неисполнение решений Суда влечет за собой применение санкций, предусмотренных учредительными договорами. Установленные Судом правила в дальнейшем служат источниками, которые используются при разрешении дел судебными организациями всех государств-членов. Суд Европейского союза также руководствуется принципами и нормами, установленными им ранее. По этой причине в новых решениях Суда постоянно встречаются ссылки на «сложившееся прецедентное право», «установившуюся судебную практику».

В прецедентной практике Суда европейских сообществ вопросы дискриминации рас-

сматриваются шире. Установлено, что дискриминация, под которой понимается применение разных правил в сопоставимых ситуациях или применение одних и тех же правил в различных ситуациях, может быть открытой или скрытой и прямой или косвенной [4].

Например, проблемы скрытой дискриминации рассматривались в деле *Giovanni Maria Sotgiu v Deutsche Bundespost*, в котором суд счел, что нормы, касающиеся равноправия в рамках закона Союза, запрещают явную дискриминацию по признаку гражданства. Кроме того, все скрытые формы дискриминации, которые, применяя другие критерии дифференциации, приводят фактически к одному и тому же результату, запрещены [9].

В решении Суда европейских сообществ по делу *Regina v Secretary of State for Employment, ex parte Nicole Seymour-Smith and Laura Perez* дается оценка косвенной дискриминации. По этому поводу в решении указывается, что при рассмотрении дела суд стремится установить юридический факт для определения того, имеет ли мера, принятая государством-членом, различие между мужчинами и женщинами в такой степени, чтобы она была равна косвенной дискриминации для целей ст. 119 Договора. Национальный суд должен проверить, имеется ли в наличии статистика о том, что значительно меньшая доля женщин, чем мужчин, может выполнить требование, налагаемое этой мерой. Если это так, то существует косвенная дискриминация по признаку пола, если только эта мера не оправдана объективными факторами, не связанными с какой-либо дискриминацией по признаку пола [10].

В этой связи именно государство-член, являясь автором предположительно дискриминационного правила, демонстрирует, что указанное правило отражает законную цель его социальной политики, что эта цель не связана с какой-либо дискриминацией по признаку пола, и что она могла бы разумно учесть, что выбранные средства были подходящими для достижения этой цели.

Выводы

Выработанные подходы к правовому регулированию межнациональных отношений

в Европейском союзе выражаются в первую очередь в сотрудничестве с Советом Европы в области стандартизации прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия. 11 мая 2007 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Советом Европы и Европейским союзом, в соответствии с ст. 16 которого стороны договорились основывать свое сотрудничество на принципах неделимости и универсальности прав человека, соблюдения стандартов, установленных в этой области основополагающими документами Организации Объединенных Наций и Совета Европы, в частности Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Статья 17 Меморандума закрепила, что Европейский союз рассматривает Совет Европы как справочный источник для принятия своих правовых актов, а решения и выводы его структур по результатам мониторинга будут учтены учреждениями ЕС там, где это уместно. Данная норма в значительной мере ускорила процесс унификации законодательства в сфере регулирования межэтнических отношений на территории Евросоюза. Стороны, подписавшие Меморандум, определили, что их сотрудничество будет включать в себя защиту лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, борьбу с дискриминацией, расизмом, ксенофобией, нетерпимостью, пытками, жестоким обращением и торговлей людьми [12].

С учетом изложенного мы можем прийти к выводу, что при разработке правовых инструментов и соглашений, действующих в государствах-членах Европейского союза, стандарты Совета Европы берутся за основу, поскольку Европейский союз рассматривает общие европейские ценности в качестве ключевого элемента процесса политико-экономической интеграции. Лиссабонский договор расширил для Европейского союза рамки деятельности во многих областях, в которых у Совета Европы уже накоплен значительный опыт и экспертный потенциал. Использование положительных практик Совета Европы в вопросах урегулирования межэтнических конфликтов, способствует созданию не только универсальных механизмов борьбы с проявлением различных форм дискриминации, но и направлены на удовлетворение национально-культурных потребно-

стей этносов, проживающих на территории ЕС. А это, в свою очередь, ведет к формированию единой правовой политики Европейского союза в сфере межнациональных отношений, проведению мониторингов законодательства и правоприменительной практики, а также к унификации законодательства государств-членов ЕС, как способа эффективной борьбы с расизмом и ксенофобией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Европейском союзе : подписан в г. Маастрихте 07.02.1992 (в ред. Лиссабонского договора от 13.12.2007). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Договор о функционировании Европейского Союза : подписан в г. Риме 25.03.1957 (в ред. Лиссабонского договора от 13.12.2007). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидир. текст с учетом Ниццских изм. – не действует). – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 ноября 2007 г. Дело «D.H. и другие против Чехии» [D.H. and Others v. Czech Republic] (жалоба № 57325/00) (Большая Палата). – § 85. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. 96/443/JHA: Joint Action of 15 July 1996 Adopted by the Council on the Basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, Concerning Action to Combat Racism and Xenophobia // Official Journal of the European Communities. – 1996. – July 24 (L 185/5). – P. 0005–0007. – Electronic text data. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.1996.185.01.0005.01.ENG&toc=OJ:L:%201996:185:TOC. – Title from screen.
6. Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 Implementing the Principle of Equal Treatment Between Persons Irrespective of Racial or Ethnic Origin // Official Journal of the European Communities. – 2000. – July 19 (L 180). – P. 0022–0026. – Electronic text data. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2000.180.01.0022.01.ENG&toc=OJ:L:2000:180:TOC. – Title from screen.
7. Council Directive 97/80/EC of 15 December 1997 on the Burden of Proof in Cases of Discrimination Based on Sex // Official Journal of the European Communities. – 1998. – Jan. 1 (L 014). – P. 0006–0008. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT?uri=OJ:L:1998:014:TOC>. – Title from screen.

8. Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on Combating Certain Forms and Expressions of Racism and Xenophobia by Means of Criminal Law // *Official Journal of the European Communities*. – 2008. – Dec. 6 (L 328). – P. 55–58. – Electronic text data. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJL_2008.328.01.0055.01.ENG&toc=OJL:2008:328:TOC. – Title from screen.

9. Judgment of the Court of 12 February 1974. *Giovanni Maria Sotgiu v Deutsche Bundespost*. Case 152-73. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61973CJ0152>. – Title from screen.

10. Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 July 2004. *Commission of the European Communities v Kingdom of Belgium*. Case C-65/03. – Electronic text data. – Mode of access: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=7E5C5B79529104190570C7BD24286F11?text=&docid=49337&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=121337>. – Title from screen.

11. MacEwen, E. *Comparative Non-Discrimination Law: An Overview* / E. MacEwen // *Non-Discrimination Law: Comparative Perspective*. – The Hague, 1999. P. 427–428.

12. *Memorandum of Understanding Between the Council of Europe and the European Union*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://rm.coe.int/16804e437b>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Dogovor o Evropeyskom soyuze: podpisan v g. Maastrikhte 07.02.1992 (v red. Lissabonskogo dogovora ot 13.12.2007) [Treaty on the European Union: Signed in Maastricht dated February 7, 1992 (as amended by the Lisbon Treaty dated December 13, 2007)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

2. Dogovor o funktsionirovanii Evropeyskogo soyuza: podpisan v g. Rime 25.03.1957 (v red. Lissabonskogo dogovora ot 13.12.2007) [Treaty on the Functioning of the European Union: Signed in Rome dated March 25, 1957 (As Amended by the Lisbon Treaty dated December 13, 2007)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

3. Dogovor, uchrezhdayushchiy Evropeyskoe Soobshchestvo (Rim, 25 marta 1957 g.) (konsolidir. tekst s uchetom Nitstsckikh izm. – ne deystvuet) [Treaty Establishing the European Community (Rome, March 25, 1957) (Consolidated Text, Taking Into Account the Nice Amendments – Not Valid)]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

4. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 13 noyabrya 2007 g Delo «D.H. i drugie protiv CHEkhii» [D.H. and Others v. Czech Republic] (zhaloba № 57325/00) [Judgment of the European Court of Human Rights of November 13, 2007 Case “D.H. and Others v. Czech Republic” [D.H. and Others v. Czech Republic] (Complaint No. 57325/00)]. Bol’shaya Palata. § 85. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. 96/443/JHA: Joint Action of 15 July 1996 Adopted by the Council on the Basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, Concerning Action to Combat Racism and Xenophobia. *Official Journal of the European Communities*, 1996, July 24 (L 185/5), pp. 0005-0007. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.1996.185.01.0005.01.ENG&toc=OJ.L:%201996:185:TOC

6. Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 Implementing the Principle of Equal Treatment Between Persons Irrespective of Racial or Ethnic Origin. *Official Journal of the European Communities*, 2000, July 19 (L 180), pp. 0022-0026. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2000.180.01.0022.01.ENG&toc=OJ.L:2000:180:TOC

7. Council Directive 97/80/EC of 15 December 1997 on the Burden of Proof in Cases of Discrimination Based on Sex. *Official Journal of the European Communities*, 1998, January 1 (L 014), pp. 0006-0008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:1998:014:TOC>

8. Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on Combating Certain Forms and Expressions of Racism and Xenophobia by Means of Criminal Law. *Official Journal of the European Communities*. 2008, December 6 (L 328), pp. 55-58. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2008.328.01.0055.01.ENG&toc=OJ.L:2008:328:TOC

9. *Judgment of the Court of 12 February 1974. Giovanni Maria Sotgiu v Deutsche Bundespost. Case 152-73*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61973CJ0152>

10. *Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 July 2004. Commission of the European Communities v Kingdom of Belgium. Case C-65/03*. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=7E5C5B79529104190570C7BD24286F11?text=&docid=49337&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=121337>

11. MacEwen E. *Comparative Non-Discrimination Law: An Overview. Non-Discrimination Law: Comparative Perspective*. The Hague, 1999, pp. 427-428.

12. *Memorandum of Understanding Between the Council of Europe and the European Union*. URL: <https://rm.coe.int/16804e437b>

Information About the Authors

Ksenia V. Shubenkova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Karine E. Ignatova, Senior Lecturer, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, ignatova.ke@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-3444>

Информация об авторах

Ксения Владимировна Шубенкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Каринэ Эдуардовна Игнатова, старший преподаватель кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, ignatova.ke@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2953-3444>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.8>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 08.09.2022
Accepted: 10.10.2022

THE CIVIL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPING AND FUNCTIONING OF THE MOBILIZATION ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Evgeny V. Bogdanov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Introduction: due to the sharp aggravation of the international situation and actions by the West against the Russian Federation, in fact, laced with the military ones, the paper substantiates the need for a significant adjustment of the socio-economic model in the country. **Purpose:** it is necessary not to liquidate or reorganize state-owned enterprises based on the right of economic management, but, on the contrary, to develop them. **Methods:** in carrying out this study, the formal legal, historical-legal and comparative-legal methods were used to formulate the civil foundations for the developing and functioning of the mobilization economy in the Russian Federation. **Results:** in modern conditions, a more efficient economy that quickly responds to changing conditions is required, that does not require lengthy negotiations and approvals. This should be a mobilization economy, such an economy should function not only on the basis of private, but also state property, represented not only by private, but also by state structures - state enterprises. The expediency of creating a two-sector economy consisting of the private sector and the public sector is proved. **Conclusions:** the conclusion is substantiated that only conscientious entrepreneurs should have the right to freedom of entrepreneurial activity. Such a category as the right to freedom of entrepreneurial activity needs serious clarification. This right should be understood as freedom for bona fide entrepreneurs, that is, those who carry out entrepreneurial activities not only to obtain their own benefit, but also to satisfy the public interest. The need to increase the social significance of entrepreneurship has been identified. Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation should clarify the concept of entrepreneurial activity, indicating that this activity is carried out both in public and private interests.

Key words: public sector in the economy, private sector in the economy, the right of economic management, entrepreneurship, good faith.

Citation. Bogdanov E.V. The Civil Foundations for the Developing and Functioning of the Mobilization Economy in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 62-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.8>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 08.09.2022
Дата принятия статьи: 10.10.2022

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евгений Владимирович Богданов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в связи с резким обострением международной обстановки и проведением Западом в отношении Российской Федерации действий, по сути, граничащих с военными, в статье обосновывается необходимость существенной корректировки социально-экономической модели в стране. С этой целью следует не ликвидировать или реорганизовывать государственные предприятия на праве хозяйственного ведения, а, наоборот, развивать их. **Методы:** при проведении настоящего исследования использовались формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы для формулирования гражданско-правовых основ формирования и функционирования мобилизационной экономики в Российской Федерации. **Результаты:** в современных условиях необходима более оперативная, быстро откликающаяся на изменение обстановки экономика, которая не требует долгих переговоров и согласований. Это должна

быть мобилизационная экономика, которая функционирует не только на основе частной, но и государственной собственности, представлена не только частными, но и государственными структурами – государственными предприятиями. Доказана целесообразность создания двухсекторной экономики. **Выводы:** обоснован вывод, что правом на свободу предпринимательской деятельности должны обладать лишь добросовестные предприниматели. Нуждается в серьезном уточнении такая категория, как право на свободу предпринимательской деятельности. Его следует понимать как свободу для тех, кто осуществляет предпринимательскую деятельность не только для получения своей выгоды, но и в общественных интересах. Выявлена необходимость повышения социального значения предпринимательства. В ст. 2 ГК РФ следует уточнить понятие предпринимательской деятельности, указав, что последняя осуществляется как в общественных, так и в личных интересах.

Ключевые слова: государственный сектор в экономике, частный сектор в экономике, право хозяйственного ведения, предпринимательство, добросовестность.

Цитирование. Богданов Е. В. Гражданско-правовые основы формирования и функционирования мобилизационной экономики в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 62–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.8>

Введение

Политики многих стран Запада без обиняков заявляют о необходимости уничтожения России как суверенного государства. Целым рядом западных стран овладела идея реваншизма. После распада Советского Союза многим показалось возможным сделать то, что не удалось гитлеровской Германии. Показательно, что в правительстве указанной страны вдруг оказались внуки и правнуки высокопоставленных немецких фашистов. Для достижения своих целей приблизили военные структуры блока НАТО к границам России, Украину превратили в таран, направленный на нашу страну и др. Проводимая Россией на территории Украины специальная военная операция по ее демилитаризации и денацификации снижает остроту проблемы, однако Запад от своих целей не отказывается. Трудно предположить, как будут складываться обстоятельства далее. «Успокоятся» ли представители недружественных стран или и далее будут пытаться мешать развитию России. При таких обстоятельствах необходимо быть готовыми к противостоянию. Однако следует подумать и о российской экономике, которая смогла бы обеспечить потребности страны как для фронта, так и для тыла.

Основное содержание

В настоящее время в России уже сложилась рыночная экономика и можно было бы сказать, что в обычных условиях в целом она

бы справилась с соответствующими задачами. Проблема в том, что ситуация резко изменилась. При этом рыночная экономика не может к ней адаптироваться. Нередко требуется экстренное решение задач по обеспечению армии не только вооружением и боеприпасами, но и снаряжением, продовольствием и др. Однако и население страны также нужно будет обеспечить всем необходимым для жизни. Предприниматели уже привыкли к аукционам, конкурсам и прочим рыночным инструментам, они зациклены на получении прибыли, и туда, где есть риски с прибылью, привлечь предпринимателей будет крайне затруднительно. Это они будут объяснять следующим: во-первых, согласно ст. 2 ГК РФ, предпринимательская деятельность – это деятельность, рискованная для предпринимателя; во-вторых, целью предпринимательской деятельности является получение прибыли; в-третьих, предпринимательская деятельность основана на свободе предпринимателя [1]. Так, существует большая вероятность того, что часть предпринимателей будет озабочена только проблемой прибыли и ее вывоза за границу, игнорируя при этом вопросы фронта и тыла. Таким образом, имея только рыночную экономику, страна будет очень серьезно рисковать в сложных ситуациях. Об этом свидетельствуют хотя бы результаты по импортозамещению, поскольку складывается впечатление, что по отдельным позициям в этом вопросе мы отстаем даже по товарам, которые никак нельзя отнести к высокотехнологичным (в качестве примера можно сослаться на сло-

ва В.И. Матвиенко в одной из телепередач о том, что в России даже гвозди не производятся и их завозят из Китая), страна живет за счет импорта. Это при том, что все либеральные экономисты, да и юристы взахлеб уже несколько десятилетий пытаются доказать, что частный собственник гораздо эффективнее государства.

Россия нуждается не только в рыночной экономике. В этом плане нет необходимости заниматься поисками чего-то приемлемого в странах так называемых «развитых правовых порядков», достаточно будет и опыта России. Практически до 30-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе не был решен должным образом вопрос ни с индустриализацией, ни с сельским хозяйством [5, с. 365]. Однако за десять с небольшим лет страна сумела эту проблему в целом решить и не только подготовиться к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., но и победить в ней. Как отметил президент России В.В. Путин, не только в результате побед на фронте, но и благодаря мощной экономике в течение нескольких лет после завершения войны удалось восстановить разрушенное хозяйство [10]. В этом плане следует указать только один, но чрезвычайно важный факт: в течение, по сути, кратчайшего времени в сложнейших условиях было перемещено на Урал, Сибирь, Среднюю Азию около 2 000 предприятий и 11 млн чел. [5, с. 408]. Это в то время, когда страна вела чрезвычайно напряженные боевые действия. Можно поставить вопрос: справилось бы с такими задачами рыночное государство, предприниматели которого требовали бы конкурсов, аукционов и др., проповедывали бы о свободе предпринимательской деятельности, законах рынка (вспомнили бы Адама Смита), конкуренции, пытались бы выторговать для себя максимально выгодные в денежном выражении условия и прочее. Предприниматель – это человек экономический, который, по мнению Г.В. Мальцева, одержим стремлением к выгоде, прибылям, деньгам и богатству, сметающий на пути к ним все социальные помехи и нравственные ценности [3, с. 83]. С таким тылом можно было бы победить? Рыночное государство со всеми этими проблемами точно бы не справилось.

Применительно к экономике в современных условиях требуется более оперативная,

быстро откликающаяся на изменение обстановки экономика, которая не нуждается в долгих переговорах и согласованиях. Это должна быть мобилизационная экономика, которая функционирует на основе не только частной, но и государственной собственности, представлена не только частными, но и государственными структурами – государственными предприятиями. Принципиальное отличие государственной собственности и, соответственно, государственных предприятий, от частной собственности и частных предприятий, по сути, одно: государственное предприятие работает на общее благо, а частное, прежде всего, на прибыль частника, на его, а не общественный интерес.

В России произошла подмена в социальной ориентации экономики. Согласно ст. 7 Конституции России, Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих свободную жизнь и свободное развитие человека [7]. В данной статье Конституции РФ закреплена социальная функция государства, исходя из содержания которой данная социальная функция по обеспечению соответствующих условий для жизни граждан должна была реализовываться самим государством посредством государственных предприятий. При этом практически полностью государственные структуры, прежде всего по политическим мотивам, были ликвидированы и заменены частными, что, на наш взгляд, стало ошибкой, поскольку огульно и бездумно лишили страну государственного сектора в экономике. Особенно это стало заметно в настоящее время, когда требуется не только частный сектор в экономике, но и государственный с тем, чтобы иметь более оперативную, более гибкую на принятие решений экономику. При сохранении существующего в настоящее время частного сектора следует создать государственный сектор. В результате должна сложиться двухсекторная экономика, в известной мере новая модификация НЭПа. Если с 1921 по 1930 г. для НЭПа было характерно то, что при господстве государственного сектора в экономику был внедрен частный сектор, то теперь при господстве частного сектора в экономику должен быть внедрен го-

сударственный сектор, иначе говоря, НЭП наоборот.

Однако количество государственных предприятий в настоящее время сокращается и, судя по действующему законодательству, будет продолжать сокращаться. Об этом свидетельствуют тенденции как в науке гражданского права, так и в законодательстве. В концепции развития гражданского законодательства о судьбе государственных предприятий (автор соответствующей главы – Е.А. Суханов) говорится о бесперспективности данной организационно-правовой формы юридического лица и желательности ее постепенной замены другими видами коммерческих организаций, в том числе хозяйственными обществами со 100%-ным или иным решающим участием публично-правовых образований в их имуществе. Исходя из реальных потребностей федерального государства представляется допустимым сохранение в перспективе лишь федеральных казенных предприятий для некоторых особо важных сфер экономики [6, с. 66]. Однако, на наш взгляд, автор не привел каких-либо серьезных доводов в обоснование своего мнения. Представляется, что здесь нашла свое отражение известная позиция либералов: государство прочь из экономики. В этом плане будет уместным сослаться на позицию нобелевского лауреата по экономике Дж. Стиглица: «Америка никогда не принимала полностью миф о том, что большое государство – это плохо. Большинство американцев продолжало верить, что в экономике есть место для государства, и не только в области регулирования, но и в обеспечении жизнеобеспечивающих услуг... За рубежом Америка проповедовала вариант капитализма с минимальной ролью государства, который сама отвергла» [11, с. 329]. Следует также указать на любопытный факт: в Концепции никто и словом не обмолвился о том, каким государством является Российская Федерация, для регулирования общественных отношений которого и планируются изменения в гражданском законодательстве. К сведению для цивилистов, Россия – социальное государство. К сожалению, у многих цивилистов как-то «не принято» упоминать о данном обстоятельстве, а это самым серьезным образом должно влиять на законодательство: не население страны для

экономики, предпринимательства, рынка и др., а наоборот, экономика, предпринимательство, рынок для населения, для людей.

Нельзя согласиться также с позицией Е.А. Суханова о замене государственных предприятий коммерческими структурами со 100%-ным или иным решающим участием публично-правовых образований в имуществе данных коммерческих структур [12]. Это не что иное как продолжение разгосударствления. Упомянутый автор, видимо, не учел опыт 90-х гг. в нашей стране. Государственное предприятие, наделенное государством правом хозяйственного ведения или правом оперативного управления на соответствующее имущество, основывается на государственной собственности, а иные коммерческие организации даже со 100%-ным участием государства в капитале – это уже частные предприятия, основывающиеся на частной собственности, что будет самым кардинальным образом влиять на результат их деятельности [4, с. 7].

На уничтожение государственных предприятий ориентировано и действующее гражданское законодательство. До 2014 г., то есть до соответствующих изменений ГК РФ, предусматривалась возможность создания предприятий как на праве хозяйственного ведения, так и на праве оперативного управления (казенных предприятий). В настоящее время действует ст. 113 ГК РФ, согласно которой в случаях и в порядке, предусмотренных законом о государственных и муниципальных унитарных предприятиях, на базе государственного или муниципального имущества может быть создано унитарное казенное предприятие (казенное предприятие) [1]. Таким образом, в соответствии с данной нормой права могут создаваться только предприятия, основывающиеся на праве оперативного управления (казенные предприятия), а вот предприятия на праве хозяйственного ведения уже не могут быть созданы. Правда, те предприятия, которые уже возникли, еще могли бы существовать. Однако 27 декабря 2019 г. был принят федеральный закон № 485-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях” и федеральный закон “О защите конкуренции”», который предполагает уничтожение значительного числа государственных пред-

приятий на праве хозяйственного ведения, если только не подпадают под исключения, предусмотренные указанными выше законами. Представляется необходимым дословно процитировать ст. 3 ФЗ от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ: «Государственные и муниципальные унитарные предприятия, которые созданы до дня вступления в силу указанного федерального закона (то есть до 08.01.2020 г.) и осуществляют деятельность на товарных рынках в Российской Федерации, находящихся в условиях конкуренции, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”, подлежат ликвидации или реорганизации по решению учредителя до 01.01.2025» [13].

Таким образом, если толковать указанные законы в системной связи со ст. 113 ГК РФ [1], казенные предприятия еще могут существовать, а предприятия на праве хозяйственного ведения уничтожаются как класс. Необходимо еще раз отметить, что, согласно ст. 113 ГК РФ [1], впредь могут создаваться только казенные предприятия. Почти сбылась мечта либералов. Если даже предположить, что соответствующие государственные предприятия допускали какие-то конкурентные нарушения на товарных рынках, то они неизбежны и со стороны частных структур. Для того и существует антимонопольный орган, чтобы бороться с нарушениями конкурентного законодательства, а уничтожение целого класса государственных предприятий можно объяснить, видимо, во-первых, либеральными установками в части присутствия государства в экономике (государство вон из экономики), во-вторых, желанием антимонопольного органа уменьшить объем выполняемой работы. Если хозяйствующий субъект допускает нарушения, его следует привлечь к ответственности, но в единичном порядке.

Хотелось бы обратить внимание и цивилистов, ратующих за изгнание государства из экономики, и законодателей на то, что ситуация в мире после февраля 2022 г. изменилась даже не кардинально, а фундаментально – возврата к прошлому не будет. Российская Федерация будет находиться во враждебном окружении и как долго, никто сказать не может. В связи с этим нужно избавиться от пре-

жних либеральных установок, что государство в экономике – это всегда плохо, и выстраивать двухсекторную экономику при одновременном существовании как частного сектора, так и государственного. Это будет существенным шагом в направлении создания и функционирования мобилизационной экономики Российской Федерации. Что же касается указанного выше ФЗ от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ [13], его следует отменить или во всяком случае приостановить его применение.

Еще одним резервом для формирования мобилизационной экономики могли бы послужить народные предприятия на основе национализируемой собственности как соответствующих недружественных государств, так и различных предприятий данных стран, находящихся на территории России. С этой целью необходимо принять закон о национализации. Правда, его применение следует допускать как ответную меру на национализацию или конфискацию имущества России или российских предпринимателей [8, с. 140].

Однако, наш взгляд, это должно быть действительно обращение национализируемого имущества в собственность нации, то есть народа, а не государства. Следует отметить, что как в Конституции России, так и в ГК РФ указывается, что кроме частной, государственной и муниципальной собственности признаются также и иные формы собственности, следовательно, и всенародная собственность. Можно предвидеть возражения целого ряда цивилистов, которые отрицают саму возможность признания народа субъектом права, в том числе и права гражданского. Представляется, что это из области цивилистических заблуждений. Согласно ст. 3 Конституции России, единственным носителем суверенитета и власти в России является российский народ [7]. Но если народ – суверен и властвующий субъект, является субъектом политики и творцом закона, как он не может быть субъектом гражданского права? И как суверен не может обладать имуществом, в частности землей? Тогда как определить границы суверенитета. Или это будет что-то вроде безграничного суверенитета. Конечно, народ является субъектом не только политики, но и права собственности на землю, недра, атмосферный воздух, воды и прочее.

В обоснование изложенной позиции необходимо указать еще следующее. В ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. указано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами... Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» [9].

Обращение национализируемого имущества в собственность не государства, а народа явится важным стабилизирующим фактором общества, будет способствовать формированию гражданского общества в России. Очень важно создать на базе национализируемого имущества новый вид народных предприятий (не что-то, похожее на акционерные общества работников, а новую структуру). Передачу национализируемого имущества народному предприятию следует осуществлять соответствующим органом, назначаемым Федеральным собранием Российской Федерации, на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Необходимо предоставить членам коллектива таких народных предприятий и самому коллективу участвовать в управлении предприятием, а также в решении социальных проблем.

Выводы

Для мобилизационной экономики чрезвычайно важным является привлечение для выполнения соответствующих задач частного сектора. Оба сектора экономики – государственный и частный – должны работать в одном направлении. В этих целях, на наш взгляд, необходимо принять следующие меры. Прежде всего, нуждается в серьезном уточнении такая категория, как право на свободу предпринимательской деятельности. Его следует понимать как свободу для добросовестных предпринимателей, то есть тех, кто осуществляет предпринимательскую деятельность не

только для получения своей выгоды, но и в общественных интересах. Статью 34 Конституции России, закрепляющую право на свободное использование каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности, нужно применять в системе со ст. 7 Конституции России, согласно которой Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [7]. В ст. 2 ГК РФ следует уточнить понятие предпринимательской деятельности, указав, что она осуществляется как в общественных, так и в личных интересах [7]. На социальную функцию предпринимательства указывал еще Л. Дюги: «В современных индустриальных государствах... предприятия приобретают социальный характер. Предприниматель выполняет поистине социальную функцию» [2, с. 79]. Если предприниматель будет игнорировать общественные интересы, например создавать искусственный дефицит товаров, работ, услуг, продавать потребителям заведомо недоброкачественные товары, необоснованно завышать цену и пр., без убедительной аргументации отказываться от выполнения работ в рамках импортозамещения или выполнения заданий в сфере гособоронзаказа и др., то следует квалифицировать его поведение как злоупотребление своим правом (ст. 10 ГК РФ) с применением соответствующих мер.

В то же время для добросовестных предпринимателей следует предусмотреть возможность сотрудничества как с государством, так и с государственными предприятиями в рамках государственно-частного партнерства. Это могут быть такие правовые формы, как аренда, концессия, государственно-частные предприятия, где частный сектор участвует в управлении государственным предприятием и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 дек. (№ 238–239).

2. Дюги, Л. Общие преобразования гражданского права / Л. Дюги. – М. : Гос. изд-во, 1919. – 111 с.
3. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.
4. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>
5. История России : учебник / А. С. Орлов [и др.]. – 4-е изд. перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 528 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // *Российская газета*. – 1993. – 25 дек. (№ 237).
7. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. – М. : Статут, 2009. – 160 с.
8. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // *Право и практика*. – 2020. – № 2. – С. 136–140.
9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.). – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
10. Путин напомнил, что СССР победил фашистов за счет фронта и экономики. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220512/sssrf-1788113218.html> (дата обращения: 01.09.2022). – Загл. с экрана.
11. Стиглиц, Дж. Ревущие девяностые. Семена развала / Дж. Стиглиц. – М. : Сов. наука и право, 2005. – 415 с.
12. Суханов, Е. А. Новые виды юридических лиц после реформирования главы 4 ГК РФ / Е. А. Суханов // *Кодификация российского частного права 2017* / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2017. – 235 с.
13. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях” и Федеральный закон “О защите конкуренции”» // *Российская газета*. – 2019. – 31 дек. (№ 296).

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1994, 8 Dec. (no. 238–239).
2. Dyugi L. *Obshchie preobrazovaniya grazhdanskogo prava* [General Transformations of Civil Law]. Moscow, Gos. izd-vo, 1919. 111 p.
3. Malcev G.V. *Sotsialnye osnovaniya prava* [Social Foundations of Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p.
4. Inshakova A.O. *Pravo i informacionnotekhnologicheskie preobrazovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah industrii 4.0* [Law and Information Technology Transformations of Public Relations in the Context of Industry 4.0]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>
5. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivohina T.A. *Istoriya Rossii : uchebnik* [The History of Russia. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 528 p.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993)]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1993, 25 Dec. (no. 237).
7. *Koncepciya razvitiya grazhdanskogo zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [The Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 2009. 160 p.
8. Matytsin, D.E. *Cifrovye tekhnologii realizacii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag* [Digital Technologies for the Implementation of Civil Transactions: Repo Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice]. 2020, no. 2, pp. 136-140.
9. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, socialnyh i kulturnyh pravah (Nyu-Jork, 19 dekabrya 1966 g.) [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (New York, December 19, 1966)]. *Access from Information Legal Portal “Garant”*.
10. *Putin napomnil, chto SSSR pobedil fashistov za schet fronta i ekonomiki* [Putin Recalled That the USSR Defeated the Nazis by Means of the Front and the Economy]. URL: <https://ria.ru/20220512/sssrf-1788113218.html> (accessed 1 September 2022).
11. Stiglic Dzh. *Revushchie devyanostye. Semena razvala* [The Roaring Nineties. Seeds of Collapse]. Moscow, Sov. nauka i pravo Publ., 2005. 415 p.
12. Sukhanov E.A. *Novye vidy yuridicheskikh lic posle reformirovaniya glavy 4 GK RF* [New Types of Legal Entities After the Reform of Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Kodifikaciya rossijskogo chastnogo prava 2017* [Codification of Russian Private Law 2017]. Moscow, Statut Publ., 2017. 235 p.
13. Federalnyj zakon ot 27 dekabrya 2019 g. № 485-FZ «O vnesenii izmenenij v Federalnyj zakon “O gosudarstvennyh i municipalnyh unitarnyh predpriyatiyah” i Federalnyj zakon “O zashchite

konkurencii”» [Federal Law of December 27, 2019 No. 485-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On State and Municipal Unitary Enterprises’ and the

Federal Law ‘On Protection of Competition’]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2019, 31 Dec. (no. 296).

Information About the Author

Evgeny V. Bogdanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, Bld. 8, 117997 Moscow, Russian Federation, Bogdanov.de@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1558-4796>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Богданов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный переулок, 36, корп. 8, 117997 г. Москва, Российская Федерация, Bogdanov.de@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1558-4796>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.9>

UDC 342.53
LBC 67.0

Submitted: 05.08.2022
Accepted: 15.09.2022

LEGAL FORMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY ON THE INTERNET

Gennady G. Egorov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the development of modern digital networks is associated with the introduction into circulation of data with increased social danger and, as a consequence, limited to civilian use in the Russian Federation. Unlike the authorities, this type of information is not recognized by society as dangerous, but generates aspirations of certain categories of citizens to possess such information, to disseminate it, to introduce it into illegal civil circulation. The scientific community, recognizing this problem, has been striving to neutralize the consequences in this area for a long time. The **purpose** of the work is to conduct a scientific analysis of the existing legal forms of ensuring information accessibility, to determine the effectiveness of modern legal and organizational mechanisms to ensure civil interests in this area. Using the methods of scientific cognition, primarily the method of system analysis, it is established that the complexity of the highlighted problem involves the use of both law-making and law-realization approaches to identify the violations of arrangements for using electronic information in the violation of applicable law. **Results:** the considered approaches and legal mechanisms for ensuring information security in the Internet environment will justify the need to introduce the organizational and legal methods to improve the current legislation and law enforcement practice in the country and propose a number of measures for their eliminating. **Conclusions:** it is necessary 1) to adapt the existing judicial system related to the restriction of the circulation of information on the Internet to modern realities in the technical and legal spheres; 2) to change not only the procedure for recognizing information as prohibited, but also to introduce additional forms of responsibility for its placement, in particular, the imposition of administrative forms of sanctions not only on the creator of illegal content, but also on technical intermediaries (providers, telecom operators, domain name grantors), which can be presented in the form of imposing technical prohibitions on the placement of information on the Internet; 3) to increase the number of persons subject to legal liability (administrative or criminal) for the violation of information security in the Russian Federation.

Key words: information security, electronic user rights, responsibility for violations of information security on the Internet, legal gaps in the regulation of the status of networks, digital data protection.

Citation. Egorov G.G. Legal Forms of Ensuring Information Security on the Internet. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 70-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.9>

УДК 342.53
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 05.08.2022
Дата принятия статьи: 15.09.2022

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Геннадий Геннадьевич Егоров

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: развитие современных цифровых сетей связано с введением в оборот данных, обладающих повышенной социальной опасностью и, как следствие, ограниченных в гражданском использовании в РФ. В отличие от власти данный вид информации обществом не признается опасным, но порождает стремления отдельных категорий граждан к обладанию такими сведениями, их распространению, введению в незаконный гражданский оборот. Научное сообщество, признавая настоящую проблему, уже длительное время стремится нивелировать последствия в данной сфере. **Целью работы** является проведение научного анализа существующих правовых форм обеспечения информационной доступности, определение эффективности

современных правовых и организационных механизмов по обеспечению гражданских интересов в данной сфере. **С помощью методов** научного познания, прежде всего метода системного анализа, установлено, что сложность выделенной проблемы предполагает использование как правотворческого, так и правореализационного подходов по выявлению нарушений действующих норм права в порядке использования электронной информации. **Результаты:** рассматриваемые подходы и правовые механизмы обеспечения информационной безопасности в интернет-среде позволят обосновать необходимость введения организационно-правовых методик по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики в стране и предложить ряд мер по их устранению. **Выводы:** необходимо 1) адаптировать существующую судебную систему, связанную с ограничением оборота информации в сети Интернет, к современным реалиям в технической и правовой сферах; 2) изменить не только саму процедуру признания информации запрещенной, но и ввести дополнительные формы ответственности за ее размещение, в частности наложить административные формы санкций на создателя незаконного контента и на технических посредников (провайдеров, операторов связи, арендодателей доменных имен), которые могут быть представлены в виде технических запретов на размещение информации в пределах сети Интернет; 3) увеличить круг лиц, подлежащих юридической ответственности (административной или уголовной) за нарушение информационной безопасности в РФ.

Ключевые слова: информационная безопасность, электронные права пользователя, ответственность за нарушения информационной безопасности в сети Интернет, правовые пробелы регламентации статуса сетей, защита цифровых данных.

Цитирование. Егоров Г. Г. Правовые формы обеспечения информационной безопасности в сети Интернет // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 70–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.9>

Введение

Сеть Интернет является одной из доступных информационно-телекоммуникационных сетей международного характера, доступ к таким системам предоставляет неопределенному кругу лиц возможность взаимодействовать с ними и получать жизненно необходимые им сведения. Информационное взаимодействие при всем своем разнообразии может нести как положительные, так и отрицательные эффекты и оказывать воздействие на граждан, общество и государство [8, с. 3–9].

Информация, получаемая из таких сетей, может оказать негативное воздействие на разнообразные сферы правоотношений, сформировать непосредственную угрозу для личности, экономических отношений, безопасности государства и повлечь возникновение юридических последствий различного характера. Статус таких «последствий» напрямую подтверждается актами органов власти, в частности судебными предписаниями, которые признают за той или иной информацией, в результате административного разбирательства, ограниченный режим по размещению в сети Интернет и в национальных доменах, доступных для свободного использования на территории Российской Федерации [4, с. 215–218].

Правовые формы обеспечения безопасности информации в среде Интернет

На практике такого рода запросы, направляемые в суд, как правило, поступают со стороны органов прокуратуры, активная позиция которых позволяет в сети Интернет на постоянной основе выявлять и ограничивать доступ к разнообразной, опасной информации, размещаемой в интернет-пространстве на разнообразных сайтах через объявления и самостоятельные электронные страницы [9, с. 48–49].

Ряд ученых неоднократно отмечали, что такого рода процедура, связанная с ограничением доступа к интернет-ресурсам, на практике является неэффективной, так как предполагает соблюдение ряда обязательных правил [10, с. 20–23]: 1) выявление административного ответчика, оформление и направление административного иска / заявления в судебные органы, непосредственное участие в судебном заседании, которое, как правило, может быть перенесено по различным причинам (в частности неуведомления сторон судебного судопроизводства), ожидание судебного решения, в части вступления его в законную силу и обращение к непосредственному исполне-

нию; 2) соблюдение всех данных правил на практике формирует ситуацию, при которой блокировка непосредственно опасных данных на веб-страницах с незаконной информацией может занимать от 6 до 8 месяцев; за данный промежуток времени в интернет-среде, как правило, появляются множество иных страниц аналогичного либо иного, но связанного с первоначальной незаконной информацией характера.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ч. 6 ст. 10 определяет, что к запрещенной к свободному обмену информации в Российской Федерации относятся сведения, направленные прежде всего на пропаганду военных действий, разжигание национальной / расовой или религиозной ненависти и вражды, и иная информация, распространение которой влечет за собой наступление уголовной либо административной ответственности [4, с. 215–218].

Перечень так называемой незаконной информации на практике позволил сгруппировать информацию в следующие блоки [2, с. 17–19]:

1. Первый блок – это информация, направленная на фальсификацию / подмену функциональной деятельности органов исполнительной власти либо рекламирующая возможность представления государственных услуг за неутвержденную федеральную плату. Классическим примером является попытка фальсификации сведений из ЕГРН, который напрямую использует государственную символику и регистрационные данные кадастрового учета, картографические отметки, нацеленная на создание у обычного пользователя необходимости по оплате такого рода информации в негосударственном порядке.

2. Второй блок – это данные, напрямую посягающие на единую централизованную государственную систему денежного и валютного взаимодействия в стране. К ним можно отнести сведения о криптовалютах, выступающих в качестве виртуальных средств платежа и накоплений (при этом само государство не обеспечивает реальную стоимость данных псевдоэмитентов на подконтрольной государственной территории); сайты, связанные с попыткой обучения граждан наиболее эффективному инвестированию и использова-

нию данной криптовалюты, в частности биткоинов, а также системы блокчейн по ним; платежные системы различного рода, направленные на формирование электронного взаимодействия без вовлечения аккредитованного банковского представителя, в частности такие системы платежа, как Tagilcoin, Bitcoin, Ethereum [7, с. 178]; системы / способы / схемы обналичивания денежных средств не только с помощью существующей в Российской Федерации банковской системы.

3. Третий блок – это сведения о реализации товаров / предоставлении услуг, прямо запрещенных к свободному обороту на территории страны, а также те данные, которые связаны с нарушением государственного контроля и анализа по лицензионным товарам / услугам. Сюда относятся: реализация товаров, свободная продажа которых прямо запрещена на территории Российской Федерации либо имеет ряд существенных ограничений, в частности алкогольная продукция, табачные изделия, либо их аналоги (курительные смеси для «вайперов») [3, с. 140–141], оборот этилированного бензина, изделий из драгоценных металлов / камней и их аналогов, агрохимикатов, донорских органов, огнестрельного и приравненного к нему боевого оружия (как огнестрельного, так и холодного вида), лекарственных медицинских средств рецептурного вида, систем, препятствующих видеофиксации государственных регистрационных знаков на транспортных средствах, причем во всем их разнообразии, ценных видов диких животных, а также биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу или же непосредственно охраняемых на основе международных договоров, заключенных с участием Российской Федерации; продажа поддельных документов, к примеру дипломов об образовании, переаттестации, различного рода медицинских справок о прохождении обследования, судебных удостоверений различного характера (сотрудников правоохранительных органов), водительских прав и т. д.; сведения о предоставлении различного рода услуг, в том числе интимного характера.

4. Четвертый блок – информация о разнообразных способах, а также методах совершения незаконных действий, за которыми предусмотрено наступление как уголовной так и

административных форм ответственности. К этому блоку относятся: технология производства / изготовления взрывчатых веществ, а также их аналогов, способы их использования, камуфляжные схемы взрывчатых веществ, либо их муляжи, модификационные формы подмены данных средств и т. д.; разнообразные, зачастую незаконные способы уклонения от воинской обязанности либо же от выплаты законно определенных налогов и сборов; способы изготовления, дозировки, употребление, оборот, как правило, незаконных, наркотических средств, а также веществ, содержащих наркотические смеси. Особо актуальной в последнее время становится информация о так называемых фиктивных браках, как одной из формы легализации статуса иностранных граждан, находящихся на территории страны [5, с. 153–163].

5. Пятый блок – информация, использование которой может причинить вред здоровью и полноценному развитию несовершеннолетних лиц. Сюда относят информацию, призванную создать у ребенка неосознанное стремление к самоубийству, проявление немотивированной агрессии, незаконному применению наркотических, психотропных веществ либо их прекурсоров; желание приобщиться к незаконным азартным играм, добровольно быть вовлеченным в проституцию, заняться бродяжничеством либо попрошайничеством, а равно и иной деятельностью, прямо осуждаемой обществом либо явно запрещенной на территории страны; информация, обосновывающая или оправдывающая формы применения насилия, жестокости либо иных неправомерных форм деятельности; данные, призванные изменить восприятие детей по отношению к семейным ценностям либо же прямо пропагандирующие нетрадиционные формы отношений, что особо актуально в рамках Европейского сообщества, а также создать предпосылки по дискредитации статуса родителей и иных членов семьи; информация, содержащая как нецензурную брань, так и ее завуалированные виды, в том числе предполагающая прямую явную либо скрытую порнографическую подоплеку; сведения о незаконной продаже курительных смесей, синтетических препаратов, которые могут выступать в качестве форм наркотических веществ [1, с. 104–118].

6. Шестой блок – информация, которая может быть использована в качестве способа / средств причинения вреда гражданам. Это сведения, включающие в себя персональные данные лиц, элементы которых представляют возможность как модифицировать данную информацию, так и непосредственно с помощью сайтов *anonumizer* получать доступ к ресурсам, напрямую запрещенным к обороту на территории страны.

Выделенные блоки не являются исчерпывающими, развитие сети Интернет практически ежедневно позволяет выявлять новые виды данных, которые по признакам являются противоправными для того или иного государства, и сведения которых предполагают незаконный интернет-обмен, и, несмотря на мониторинг, как правило, не могут быть проанализированы в полном объеме.

Научно-правовые проблемы определения санкций за распространения информации запрещенного характера

В научном сообществе [11, с. 62–65] уже длительное время существуют ряд критических замечаний о текущих формах работы с запрещенной к распространению в стране информацией, а также о роли судебного порядка в наложении ограничений на оборот данных сведений. В частности, А. Жаров предлагает передать большой круг полномочий в данной сфере Федеральным органам исполнительной власти, к примеру, Роскомнадзору либо же Министерству юстиции. М. Али также определяет необходимость обеспечить защиту прав владельцев сайтов / доменов через введение систем мониторинга судебных процессов, связанных с обеспечением цифровых прав [1, с. 104–118]. С. Бывальцева и Н. Макаров отмечают роль особого производства по нормам ГПК РФ. Е. Царегорцева рекомендует введение процедуры рассмотрения данной категории дел в досудебном порядке, с наделением уполномоченных представителей органов прокуратуры соответствующими статусами, хотя и отмечают, что подавляющее большинство данной категории дел могут быть рассмотрены только через суд [11, с. 62–65].

Данные подходы являются следствием внесудебного порядка ограничения доступа к информации, который был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101, напрямую определяющим перечень индикаторов сайтов, содержащих информационные ресурсы, ограниченные по доступу в пределах Российской Федерации.

Согласно нормам действующего законодательства, принять решение об ограничении доступа к запрещенной либо ограниченной информации вправе как Министерство внутренних дел Российской Федерации, так и ряд Федеральных служб страны [4, с. 215–218].

Анализ действующей практики позволяет сделать вывод о необходимости расширения круга полномочий федеральных органов власти как по выявлению, так и наложению запрета на распространение в пределах Российской Федерации доступа к информации, включенной либо предполагающей включение в перечень запрещенной для нашего государства.

Классическим примером такого ограничения выступает деятельность Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, которая обладает правом наложения запретов в отношении интернет-ресурсов, доменных имен либо же страниц, размещенных в сети Интернет в случае, если информация, имеющаяся в пределах данного ресурса, в том числе дистанционного, содержит данные о различного рода лекарственных препаратах (либо формах их применения), реализуемых через розничную торговлю с рецептным контролем, включенных в перечень запрещенных для Российской Федерации либо их распространение предполагает необходимость наличия определенного рода лицензионных разрешений на их оборот в пределах Российской Федерации (также лицензионные разрешения предполагают право и на фармацевтическую деятельность в пределах Российской Федерации) [6, с. 34–36].

Следует согласиться с точкой зрения [5, с. 153–163], что нужно закрепить за Федеральной службой по надзору права на блокировку ресурсов в сети Интернет, содержащих информацию о медицинских справках различного вида, что могут быть получены без ме-

дицинского обследования либо же сведений и которые прямо пропагандируют реализацию аборт в рамках деятельности медицинских учреждений, что прямо нарушает предписания ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

При этом Центробанк Российской Федерации также может быть уполномочен контролировать оборот виртуальных сред в сети Интернет, а равно выявлять отношения, которые связаны с оборотом и нарушают действующие нормы права Российской Федерации.

Выводы

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод, что существующая судебная система, связанная с ограничением оборотом информации в сети Интернет, является неэффективной в скорости реагирования на выявленные нарушения и не соответствует динамике развития современного общества. Каждая удаляемая или ограничиваемая по доступу страничка, как правило, порождает комплекс данных, содержащих незаконные сведения, но не ограниченных по информационному взаимодействию в пределах Интернета, это способствует тому, правонарушители могут использовать методику по распространению незаконных сведений без учета возможности блокировки со стороны органов власти.

Отмеченное также позволяет сделать вывод, что сформировалась практическая необходимость не только изменения самой процедуры признания информации запрещенной, но и введения дополнительных мер ответственности за ее размещение, в частности наложения административных форм санкций на создателя незаконного контента и технических посредников (провайдеров, операторов связи, арендодателей доменных имен), которые могут быть представлены в виде наложения технических запретов на размещение информации в пределах сети Интернет.

По своей сути наложение такого рода ограничений на технических посредников, согласно позиции Европейского суда по правам человека, определенной в соответствии с постановлением от 2 февраля 2016 г. Дело «Вен-

герская ассоциация провайдеров интернет-контента и компаний Index.hu Zrt (Magyar Tartalomszolgáltatok Egyesuleteand Index.hu Zrt) против Венгрии», должно быть возможно только в случае, если на момент создания интернет-контента информация уже была признана в качестве ограниченной по обороту или же прямо запрещена для размещения в пределах РФ, о чем указывается в постановлении Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Али, М. З. Ограничение доступа к информационным ресурсам в сети Интернет (практические проблемы признания информации запрещенной к распространению) / М. З. Али // Право в сфере Интернета. – М. : Статут. – 2018. – С. 104–118.

2. Бывальцева, С. Г. Особенности рассмотрения заявления прокурора о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной к распространению / С. Г. Бывальцева, Н. Г. Макарова // Законность. – 2018. – № 10. – С. 17–19.

3. Евсютин, О. О. Обзор методов встраивания информации в цифровые объекты для обеспечения безопасности в «интернете вещей» / О. О. Евсютин, А. С. Кокурина, Р. В. Мещеряков // Компьютерная оптика. – 2019. – Т. 43, № 1. – С. 137–154.

4. Егоров, Г. Г. Организационно-правовое регламентирование консультации граждан в условиях развития современных цифровых систем / Г. Г. Егоров, Т. В. Деркачева, А. Е. Ращевская // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф., г. Волжский, 25–26 ноября 2021 г. – Волгоград : Сфера, 2022. – С. 215–218.

5. Егоров, Г. Г. Роль цифровых технологий в оптимизации гражданского судопроизводства / Г. Г. Егоров, Л. Е. Стрилец // Экология, экономика, право: взгляд в будущее : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф., проходившей в рамках Недели науки (апрель, 2018 г.). – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 153–163.

6. Жаров, А. В. Судебный порядок признания информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению / А. В. Жаров // Законность. – 2018. – № 9. – С. 34–36.

7. Матыцин, Д. Е. Интернет-пространство и искусственный интеллект: проблемы предпринимательской деятельности и правоприменения / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 178–185. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26

8. Паламарчук, А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия правонарушениям в сети Интернет / А. В. Паламарчук // Законность. – 2016. – № 12. – С. 3–9.

9. Хотулев, А. С. Цифровой разрыв как глобальное явление и вызов для России / А. С. Хотулев // Россия и современный мир. – 2022. – № 1 (114). – С. 45–62.

10. Христинич, И. В. Информационная безопасность в сети Интернет / И. В. Христинич // Законность. – 2022. – Апр. (№ 4). – С. 20–23.

11. Царегородцева, Е. А. К вопросу о порядке рассмотрения дел о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации / Е. А. Царегородцева // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 62–65.

REFERENCES

1. Ali M.Z. Ogranichenie dostupa k informacionnym resursam v seti Internet (prakticheskie problemy priznaniya informacii zapreshchennoj k rasprostranenyu) [Restricting Access to Information Resources on the Internet (Practical Problems of Recognizing Information Prohibited for Distribution)]. *Pravo v sfere Interneta: sb. st.* [Law in the Field of the Internet. Collection of Articles], Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 104-118.

2. Byvalceva S.G., Makarova N.G. Osobennosti rassmotreniya zayavleniya prokurora o priznanii informacii, rasprostranyaemoj posredstvom seti “Internet”, zapreshchyonnoj k rasprostranenyu [Peculiarities of Consideration of the Prosecutor’s Application on the Recognition of Information Disseminated via the Internet as Prohibited for Distribution]. *Zakonnost*, 2018, no.10, pp. 17-19.

3. Evsyutin O.O., Kokurina A.S., Meshcheryakov R.V. Obzor metodov vstraivaniya informacii v cifrovye obyekty dlya obespecheniya bezopasnosti v “internete veshchej” [Overview of Methods for Embedding Information in Digital Objects to Ensure Security in the “Internet of Things”]. *Kompyuternaya optika* [Computer Optics], 2019, vol. 43, no. 1, pp. 137-154.

4. Egorov G.G., Derkacheva T.V., Rashchevskaya A.E. Organizacionno-pravovoe reglamentirovanie konsultacii grazhdan v usloviyah razvitiya sovremennyh cifrovyyh sistem [Organizational and Legal Regulation of Citizens’ Consultation in the Context of the Development of Modern Digital Systems]. *Problemy ustojchivogo razvitiya i ekologo-ekonomicheskoy bezopasnosti regionov: materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Volzhskij, 25–26 noyabrya 2021 g.* [Problems of Sustainable

Development and Environmental and Economic Security of Regions. Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference, Volzhsky, November 25–26, 2021], Volgograd, Sfera Publ., 2022, pp. 215-218.

5. Egorov G.G., Strilec L.E. Rol cifrovyyh tekhnologiy v optimizacii grazhdanskogo sudoproizvodstva [The Role of Digital Technologies in Optimizing Civil Proceedings]. *Ekologiya, ekonomika, pravo: vzglyad v budushchee: sb. st. po materialam nauch.-prakt. konf., prohodivshej v ramkah Nedeli nauki (aprel, 2018 g.)* [Ecology, Economics, and Law: Look Into the Future. Collection of Articles Based on the Materials of the Scientific and Practical Conference Held as a Part of the Science Week (April, 2018)], Volgograd, Izd-vo VolGU, 2018, pp. 153-163.

6. Zharov A.V. Sudebnyj poryadok priznaniya informacii, razmeshchyonnoj v seti "Internet", zapreshchyonnoj k rasprostraneniyu [Judicial Procedure for Recognizing Information Posted on the Internet as Prohibited for Distribution]. *Zakonnost*, 2018, no. 9, pp. 34-36.

7. Matytsin D. E. Internet-prostranstvo i iskusstvennyj intellekt: problemy predprinimatelskoj deyatel'nosti i pravoprimeneniya [Internet Space and

Artificial Intelligence: Problems of Entrepreneurship and Law Enforcement]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 178-185. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26

8. Palamarchuk A.V. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonodatelstva v sfere protivodejstviya pravonarusheniyam v seti Internet [Prosecutorial Supervision Over the Implementation of Legislation in the Field of Counteraction to Offenses on the Internet]. *Zakonnost*, 2016, no. 12, pp. 3-9.

9. Hotulev A.S. Cifrovoy razryv kak globalnoe yavlenie i vyzov dlya Rossii [Digital Divide as a Global Phenomenon and Challenge for Russia]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2022, no. 1 (114), pp. 45-62.

10. Hristinich I.V. Informacionnaya bezopasnost v seti Internet [Information Security on the Internet]. *Zakonnost*, 2022, Apr. (No. 4), pp. 20-23.

11. Caregorodceva E.A. K voprosu o poryadke rassmotreniya del o priznanii informacii zapreshchennoj k rasprostraneniyu na territorii Rossijskoj Federacii [On the Issue of the Procedure for Considering Cases on the Recognition of Information Prohibited for Distribution on the Territory of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative Law and Process], 2020, no. 1, pp. 62-65.

Information About the Author

Gennady G. Egorov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, egorov@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

Информация об авторе

Геннадий Геннадьевич Егоров, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, egorov@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.10>

UDC 341.9
LBC 67.404.1

Submitted: 13.09.2022
Accepted: 12.10.2022

LEGAL CONSEQUENCES OF THE IMPACT OF ECONOMIC SANCTIONS ON THE EXECUTION OF FOREIGN ECONOMIC CONTRACTS¹

Olesya P. Kazachenok

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Irina A. Stepanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the economic sanctions have recently become widespread as a measure of influence on other states in order to solve certain political or economic problems. The imposed restrictions affect not only the economy of the country as a whole, but also affect individual economic entities that are parties to foreign trade contracts. **Purpose:** to study the impact of international sanctions on the enforceability and validity of international contracts and to determine ways to minimize the losses of its parties. **Methods:** the research uses the universal method (dialectical materialism), the general scientific methods (logical: induction, deduction, analysis and synthesis; system and functional), the private-law methods (formal legal, comparative legal). **Results:** the legal grounds and types of international sanctions are considered, as well as the degree of their impact on both the country's economy and the activities of individual participants in civil turnover who bear direct losses caused by the inability to fulfill their obligations under international contracts. **Conclusions:** the impact of sanctions on the Russian economy will be limited and, in addition to the negative ones, may have a positive effect in the form of digitalization of all industries and changes in the structure of various business areas. Nevertheless, the imposition of sanctions makes it impossible to execute previously concluded foreign trade contracts, which leads to significant damage to specific subjects of international trade, whose losses can be minimized through the use of the institution of force majeure and the formation of appropriate judicial practice.

Key words: foreign trade contract, force majeure, sanctions, sanctions policy, European sanctions, invalidity of transactions.

Citation. Kazachenok O.P., Stepanova I.A. Legal Consequences of the Impact of Economic Sanctions on the Execution of Foreign Economic Contracts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 77-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.10>

УДК 341.9
ББК 67.404.1

Дата поступления статьи: 13.09.2022
Дата принятия статьи: 12.10.2022

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ¹

Олеся Павловна Казаченок

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Александровна Степанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: широкое распространение в последнее время получили экономические санкции как мера воздействия на другие государства в целях решения определенных политических или экономических задач. Вводимые ограничения затрагивают не только экономику страны в целом, но и отражаются на отдельных субъектах хозяйственной деятельности, являющихся сторонами внешнеторговых контрактов. **Цель:** исследо-

вание влияния международных санкций на исполнимость и действительность международных контрактов и определение способов минимизации убытков его сторон. **Методы:** в исследовании использованы всеобщий метод (диалектический материализм); общенаучные методы (логический: индукции, дедукции, анализа и синтеза; системный и функциональный); частно-правовые методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** рассмотрены правовые основания и виды международных санкций, а также степень их влияния как на экономику страны, так и на деятельность отдельных участников гражданского оборота, которые несут прямые убытки, вызванные невозможностью исполнения взятых на себя обязательств в рамках международных контрактов. **Выводы:** влияние санкций на российскую экономику будет ограниченным, и, кроме отрицательных, может иметь положительный эффект в виде цифровизации всех отраслей и изменения структуры работы различных сфер бизнеса. Тем не менее введение санкций делает невозможным исполнение ранее заключенных внешнеторговых контрактов, что приводит к значительному ущербу конкретным субъектам международной торговли, чьи убытки возможно минимизировать через применение института форс-мажора и формирования соответствующей судебной практики.

Ключевые слова: внешнеторговый контракт, форс-мажор, санкции, санкционная политика, европейские санкции, недействительность сделок.

Цитирование. Казаченок О. П., Степанова И. А. Правовые последствия влияния экономических санкций на исполнение внешнеэкономических контрактов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 77–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.10>

Введение

Экономические санкции в наше время для некоторых стран стали широко применимой мерой воздействия на другие государства в целях решения своих политических или экономических задач.

Ранее обоснованное понятие «экономические санкции» характерно как для международного, так и международного частного права. В возникшей ситуации мы ощущаем все стороны этого понятия, которое сначала было принято индивидуально, а потом перешло в коллективное противостояние по отношению к Российской Федерации. Принятые в рамках международных организаций (прежде всего ООН) решения о наложении экономических санкций юридически обязательны для государств – членов данной организации, что закономерно влечет их реализацию во внутригосударственной сфере, принципиально затрагивая частноправовые отношения международного характера.

В более широком контексте литературы о санкциях пока мало, что известно об условиях, в которых государства-объекты преуспели или потерпели неудачу в восстановлении экономики, или о факторах, влияющих на их способность привлекать глобальные инвестиции после снятия санкций. Скорее, в литературе по санкциям исторически основное внимание уделялось ключевым вопросам, связан-

ным с эффективностью санкций, угрозой санкций, применением таких мер на многосторонней или односторонней основе, а также проблемами соблюдения и правоприменения среди прочего. Несмотря на этот важный научный вклад, лишь немногие эмпирические исследования изучали динамику постсанкционной среды [1].

Первичные и вторичные санкции как основание признания недействительными международных контрактов

Первичные санкции – это экономические ограничения, которые требуют соблюдения со стороны многонациональных корпораций и физических лиц, проживающих в государстве-отправителе. В Соединенных Штатах, например, Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) может вводить различные санкции, такие как замораживание активов и экономическое эмбарго, непосредственно против фирм и учреждений в целевом государстве. Американские лица и многонациональные корпорации должны затем проверять своих клиентов по списку субъектов, подпадающих под санкции OFAC, чтобы убедиться, что они не ведут дела с подсанкционной организацией. Однако первичные меры не затрагивают неамериканские фирмы (то есть третьи стороны), которые, таким образом, сохра-

нят доступ к странам, находящимся под санкциями, без обращения за помощью со стороны правительства США.

Вторичные санкции, с другой стороны, предназначены для воздействия на сторонние транснациональные корпорации и отдельных лиц, то есть субъектов, не имеющих постоянного места жительства в государстве-отправителе. Вторичные меры осуществляются посредством угроз наложения штрафов на третьи стороны за ведение бизнеса с их контрагентами в целевом государстве, например, фирмы, зарегистрированные в целевом государстве, или государственные учреждения, представляющие целевое правительство (например, Центральный банк Ирана). Такие санкции могут включать в себя запрет на доступ третьих лиц к финансовым рынкам США и включение в список особо обозначенных граждан и заблокированных лиц (SDN). Включение в список SDN OFAC, который называется «черным списком», часто приводит к серьезному репутационному ущербу для затронутых компаний [2; 6; 7].

С началом российско-украинского конфликта многие страны во главе с США и Европой инициировали серьезные экономические и финансовые санкции против России.

Такие отрасли, как горнодобывающая промышленность и разработка карьеров, производство энергии, производство кокса и продуктов нефтепереработки, химическая и сырьевая продукция и строительство в России, которые выступают либо в качестве центра преобразования ресурсов, либо в качестве важных поставщиков или потребителей для смежных отраслей, особенно пострадали.

При этом очевидно, что введение санкций не может не отразиться также на странах-инициаторах, так как ключевые отрасли промышленности России играют важную роль в мировой экономике как потребители автопрома и оборудования, результатов научно-технической деятельности, а также в качестве поставщиков значимых энергоресурсов.

Постепенное увеличение наложенных на Россию санкций превысило все предыдущие прецеденты, кроме Ирана.

Неоднозначно можно трактовать тот факт, что недавно дружественные страны спровоцировали запреты для Российской Фе-

дерации, несмотря на то что являются членами одной международной организации – Всемирной торговой организации (ВТО).

Создание ВТО подразумевало сотрудничество, порядочность, справедливость в международных отношениях для всех народов. Согласно подписанным договорам осуществлялась международная торговля, которая была выгодна для всех сторон с координирующей ролью ВТО как крупнейшей мировой организации.

Ускоренные темпы изменений в последние годы требуют серьезного переосмысления роли руководителя на промышленном предприятии. Предыдущие фундаментальные модели управления, направленные на контроль, санкции и предоставление материальных стимулов, больше не согласуются с зарождающимся духом адаптивности, гибкости, инноваций, которые необходимы для развития любого бизнеса в условиях неопределенности VUCA (изменчивость, неопределенность, сложность и двусмысленность) [3, с. 184].

Санкции распространились на экономику, затронули банковскую сферу.

Санкции в банковской сфере привели к тому, что продать или купить новые акции, облигации просто стало невозможно.

Важно указать, что согласно ст. 417 ГК РФ издание соответствующего акта является основанием прекращения обязательства. Если заключение международного коммерческого контракта осуществлено уже в условиях действия определенных запретов, чем вызвано их нарушение, соответствующий договор будет недействительным через применение к нему ст. 168 ГК РФ. То есть мы можем говорить о фиктивности подобного контракта [4].

Применение института форс-мажора как способ минимизации имущественных потерь отдельных хозяйствующих субъектов

Сложнее определить юридическую судьбу контракта, заключенного до введения санкций, но не завершено сторонами в силу того, что его фактическое исполнение юридически невозможно, что порождает для сторон негативные последствия в виде убытков и дополнительной ответственности.

Согласно подп. «н» п. 3 ст. 15 Закона РФ обстоятельства форс-мажора в соответствии с условиями внешнеторговых сделок и международных договоров Российской Федерации определяет Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее – ТПП РФ).

Также нужно обратить пристальное внимание на договорные обязательства сторон в случае, когда обязательства не могут быть исполнены из-за экономических санкций, то здесь суды и арбитражи становятся на сторону потерпевшей стороны и указывают данное обстоятельство как форс-мажор. При этом подлежит применению не сама публично-правовая норма, а ее частноправовые последствия, предусмотренные гражданско-правовой нормой.

В качестве примера можно привести Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2017 по делу № А56-89542/2016, который применительно к п. 3 ст. 401 ГК РФ указал, что к обстоятельствам непреодолимой силы относится в том числе введение иностранным государством запретов и ограничений в области предпринимательской деятельности, а также иных ограничительных и запретительных мер, действующих в отношении Российской Федерации, если такие меры повлияли на выполнение указанными лицами обязательств.

Подобный форс-мажор может затронуть не только исполнение контрактных обязательств, но и вступивших в законную силу решений судов.

Спорным может стать вопрос, когда существует риск невыполнения решения суда, определенного в соглашении о выборе форума, выступать основанием неисполнимости такого соглашения [8].

Арбитражный суд Красноярского края по делу № А33-17899/2018 отказал в признании и исполнении на территории РФ иностранного арбитражного решения, вынесенного в пользу корейской корпорации о взыскании с российской фирмы долга по договору перестрахования. Основанием для этого послужил вывод, что исполнение иностранного арбитражного решения противоречит публичному порядку РФ, поскольку Указом Президента РФ от 14.10.2017 № 484 введены ограничительные меры (санкции).

Судья Верховного Суда РФ отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии Суда, аргументируя тем, что несмотря на принятые ограничения одной из сторон, вторая сторона вправе бороться за свои интересы исходя из первоначального документа (Определение ВС РФ от 12.10.2020 № 305-ЭС20-14523).

Статьей 104 Закона № 44-ФЗ установлен перечень случаев, при наступлении которых заказчик обязан направить сведения о поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр недобросовестных поставщиков. К таким случаям относится уклонение участника от заключения контракта, а также расторжение контракта по решению суда или в случае одностороннего отказа от исполнения контракта в связи с существенным нарушением условий контракта поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Данная норма является императивной и обязательна к применению заказчиками. Также следует отметить, что ПП РФ от 21.03.2022 № 417 были внесены изменения в Правила ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (утв. ПП РФ от 30.06.2021 № 1078). Согласно таким изменениям с 22.03.2022 одним из оснований принятия органом контроля решения об отказе включения сведений в реестр недобросовестных поставщиков является надлежащее исполнение контракта, в том числе в связи с введением мер ограничительного характера [5, с. 73].

В настоящее время вследствие санкционного давления на российскую экономику российские организации – владельцы долговых ценных бумаг российских эмитентов, выпущенных в соответствии с иностранным законодательством (еврооблигации), не могут получить причитающийся им доход по таким ценным бумагам в связи с продолжающимися нарушениями прав российских держателей еврооблигаций со стороны международной расчетно-клиринговой системы.

Выводы

Российская экономика имеет тенденцию быть интроверсивной, и ее экономическое раз-

вите больше зависит от взаимодействия между ее отечественными отраслями, поэтому она обладает определенной способностью к самовосстановлению в условиях санкций. Влияние санкций на российскую экономику будет ограниченным и, кроме отрицательных, может иметь положительный эффект в виде цифровизации всех отраслей и изменения структуры работы различных сфер бизнеса. Тем не менее введение санкций делает невозможным исполнение ранее заключенных внешнеторговых контрактов, что приводит к значительному ущербу конкретных субъектов международной торговли, чьи убытки возможно минимизировать через применение института форс-мажора и формирования соответствующей судебной практики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахин, С. В. Односторонние экономические «санкции» и международное право / С. В. Бахин, И. Ю. Еременко // Закон. – 2017. – № 11. – С. 162–175.
2. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации от 16 ноября 2011 г. № WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/docs/911>. – Загл. с экрана.
3. Иншакова, А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 184–187. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26
4. Кононенко, Д. Ф. Влияние экономических санкций на характер исполнения внешнеэкономического контракта / Д. Ф. Кононенко // Российский юридический журнал. – 2016. – № 6. – С. 176–180.
5. Матыцин, Д. Е. Неоиндустриальный инструментарий оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов / Д. Е. Матыцин

// Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 73–83. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10

6. Протокол «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» (Женева, 16.12.2011). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Щукин, А. И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (ч. 2) / А. И. Щукин // Закон. – 2021. – № 2. – С. 131–149.

REFERENCES

1. Bahin S.V., Eremenko I.Yu. Odnostoronnie ekonomicheskie «sankcii» i mezhdunarodnoe pravo [Unilateral Economic “Sanctions” and International Law]. *Zakon* [Law], 2017, no. 11, pp. 162-175.
2. *Doklad Rabochej gruppy po prisoedineniyu Rossijskoj Federacii k Vsemirnoj torgovoj organizacii ot 16 noyabrya 2011 g.* № WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2 [Report of the Working Group on the Accession of the Russian Federation to the World Trade Organization of November 16, 2011 No. WT/ACC/RUS/70, WT/MIN(11)/2]. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/docs/911>
3. Inshakova A.O. Vekovoj poisk modeli hozyajstvennogo razvitiya Rossii: ekonomiko-pravovoe razvitie konkurentosposobnogo gosudarstva [The Long-Lasting Search for a Model of Economic Development of Russia: Economic and Legal Development of a Competitive State]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 184-187. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26
4. Kononenko D.F. Vliyanie ekonomicheskikh sankcij na harakter ispolneniya vshneekonomicheskogo kontrakta [Influence of Economic Sanctions on the Nature of the Execution of a Foreign Economic Contract]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, no. 6, pp. 176-180.
5. Matytsin D.E. Neoindustrialnyj instrumentarij oborota bezdokumentarnyh cennyh bumag: cifrovyte tekhnologii realizacii i zashchity prav investorov i emitentov [The Neoindustrial Tools for the Turnover of Book-Entry Securities: Digital Technologies for Implementing and Protecting the Rights of Investors and Issuers]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 73-83. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10

6. *Protokol «O prisoedinenii Rossijskoj Federacii k Marrakeshskomu soglasheniyu ob uchrezhdenii Vsemirnoj torgovoj organizacii ot 15 aprelya 1994 g.» (Zheneva, 16.12.2011)* [Protocol “On the Accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of April 15, 1994” (Geneva, 16.12.2011)]. *Access from Reference Legal System “ConsultantPlus”*.

7. *Federalnyj zakon ot 21 iyulya 2012 g. № 126FZ «O ratifikacii Protokola o prisoedinenii Rossijskoj Federacii k Marrakeshskomu soglasheniyu ob uchrezhdenii Vsemirnoj torgovoj organizacii ot 15.04.1994»* [Federal Law of July 21, 2012 No. 126-FZ

“On Ratification of the Protocol on the Accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization of April 15, 1994”], 2012. *Access from Reference Legal System “ConsultantPlus”*.

8. Shchukin A.I. *Sovershenstvovanie rossijskogo sudoproizvodstva v usloviyah ekonomicheskikh sankcij: neispolnimost yurisdikcionnogo soglasheniya i antiiskovyy zapret (ch. 2)* [Improving Russian Legal Proceedings in the Context of Economic Sanctions: The Impracticability of a Jurisdictional Agreement and an Anti-Suit Injunction (Part 2)]. *Zakon [Law]*, 2021, no. 2, pp. 131-149.

Information About the Authors

Olesya P. Kazachenok, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, o.kazachenok@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

Irina A. Stepanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, a-stepanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-9368>

Информация об авторах

Олеся Павловна Казаченок, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, o.kazachenok@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

Ирина Александровна Степанова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, a-stepanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2296-9368>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.11>

UDC 340.1
LBC 67.4

Submitted: 16.08.2022
Accepted: 05.10.2022

IRRATIONALITY IN THE STATE-LEGAL REALITY

Alexander A. Varchuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: the phenomenon of irrationality is deeply rooted in being. Its multidimensional nature, on the one hand, attracts attention, forcing us to evaluate its real, actual influence in one or another sphere. On the other hand, it may seem that its versatility is rather exaggerated, because how in the modern world can one analyze ontological phenomena based on irrationalistic positions? Moreover, how can we doubt the rationality of such a stable institution as the state? Despite the gradual rationalization of the entire system of state power, rooting in society the idea of the necessity of the state itself, less rational systems of power, and perhaps, even irrational ones, have existed for thousands of years. Moreover, the state began to acquire its inviolability and stability precisely during the period of less rationality of society. **Methods:** the methodological framework for the study is the methods of analysis, induction, analogy, and the historical, structural and functional methods. Among the **results**, first of all, there is the fact that irrationality in the state is by no means a relic of the past. On the contrary, it is inherent in modern states. This actualizes the need for its detailed analysis. The main **conclusions** include the following: 1) the theory of progress, reflecting the regularity of the development of society, explains the gradual rationalization of the state itself; 2) the ideas of the psychological school of law quite definitely demonstrate the manifestation of the ancient Roman saying *consensus facit jus* (consent creates law), since it is tacit consent, which is inherently irrational before the authority of the state and forms it as a stable system; 3) the study of the phenomenon of irrationality in the state is able to reveal various problems in a new, not so obvious light.

Key words: rationality, irrationality, state, law, the theory of progress, psychological school of law.

Citation. Varchuk A.A. Irrationality in the State-Legal Reality. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 83-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.11>

УДК 340.1
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 16.08.2022
Дата принятия статьи: 05.10.2022

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Анатольевич Варчук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Введение: феномен иррациональности глубоко укоренен в бытии. Его многоаспектность, с одной стороны, привлекает внимание, заставляя оценивать реальное, действительное влияние в той или иной сфере. С другой стороны, может показаться, что его многогранность довольно преувеличена, ведь как в современном мире можно анализировать онтологические явления исходя из иррационалистических позиций? Тем более, как можно усомниться в рациональности настолько стабильного института, как государ-

ство? Несмотря на постепенную рационализацию всей системы государственной власти, укореняющую в обществе идеи о необходимости самого государства, менее рациональные системы власти, а быть может и вовсе иррациональные, существовали на протяжении тысячелетий. Более того, государство начало обретать свою незыблемость и устойчивость именно в период меньшей рациональности общества. **Методологическую основу** исследования составили методы анализа, индукции, аналогии, исторический, структурно-функциональный методы. К числу **результатов**, прежде всего, относится то, что иррациональность в государстве отнюдь не представляет пережиток прошлого, напротив, она присуща и современным государствам. Тем самым актуализируется необходимость в ее детальном анализе. В рамках основных **выводов** приводится следующее: 1) теория прогресса, отражающая закономерность развития общества, объясняет постепенную рационализацию и самого государства; 2) идеи психологической школы права довольно определенно демонстрируют проявление древнеримского изречения *consensus facit jus* (согласие творит право), поскольку молчаливое согласие, по своей сути являющееся иррациональным, перед авторитетом государства и формирует его как стабильную систему; 3) исследование феномена иррациональности в государстве способно раскрыть различные проблемы с новых, не столь очевидных сторон.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, государство, право, теория прогресса, психологическая школа права.

Цитирование. Варчук А. А. Иррациональность в государственно-правовой реальности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 83–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.11>

Введение

Одной из сторон рассмотрения многогранности государства через призму метафизических проблем выступает его иррациональное составляющее. Рационально ли государство? Существует ли закономерность между стабильностью государства и тем, насколько действия его акторов рациональны? Каков объем иррациональной составляющей в современных государствах? Лежащие в практической и теоретической плоскости ответы на данные вопросы способны отражать кардинально противоположные идеи.

Так, представители исполнительной власти в некоторых случаях склонны принимать решения исходя из определенных традиций, интуитивных предпочтений или даже особых скреп общества. В то же время концептуальным антиподом исполнительной власти можно назвать такое явление, как конституционный контроль, действующий, как правило, рационально, обоснованно и логично.

При этом выдающиеся отечественные теоретики писали о иррациональности государства как такового. Профессор И.А. Исаев указывает, что иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права и в государстве [5, с. 4–5]. П.Б. Струве отмечал, что государство властными отношениями иррационально связывает воедино отдельных индивидов, стремясь усилить свою власть внутри и во вне [11, с. 65]. Согласно

же Н.А. Бердяеву государство не поддается рациональному объяснению, не может создаваться и разрушаться по человеческому произволу [3, с. 227].

В науке также отмечаются факторы спонтанности и стихийности процессов, протекающих с государством. Б.А. Кистяковский, в частности, отмечал, что иррациональное в праве состоит из единичных, конкретных, индивидуальных правовых фактов, а движение и развитие происходит от случая к случаю [7, с. 322]. Профессор В.Н. Жуков созвучно этому сравнивает государственную жизнь со стихией, которая, основываясь на разнообразных иррациональных силах, выбирает собственное направление развития [13, с. 375].

Для понимания сути феномена иррационального в государстве и праве автором рассматривается несколько объяснительных моделей.

1. Объяснение через теорию прогресса

Модернизация послужила одним из факторов смены вектора общественного восприятия власти в государстве уже исходя из рациональной основы. Архаичные и традиционные общества существовали в своего рода закрытом мировоззрении, не приемлющем альтернатив. Право в данных иррациональных системах легитимируется через обряды и ритуалы, государство – посредством персонафицированных образов сакрализованного

Монарха и религиозного лидера. В свою очередь, успехи в становлении и развитии государства, как правило, коррелировали с тем, какой харизмой обладает политический лидер.

В этом плане интересна позиция А.И. Ильина, характеризовавшего монархическое правосознание с помощью определенных свойств, основанных на иррационально-интуитивном и мистическом восприятии действительности [3, с. 175]. Еще один дореволюционный правовед, профессор Московского университета С.Н. Булгаков считал, что власть имеет религиозную природу, а потому она мистична и иррациональна [1, с. 335].

Однако общей тенденцией для большинства обществ стало то, что по мере процесса всеобщей модернизации понятие «легитимность» приобретает новые оттенки, наполняется более привычными для современных правоведов и философов признаками и понимается как результат общественного консенсуса и воспринимается исключительно через призму демократических процедур, связанных прежде всего с рациональным выбором. Уже Джон Локк указывает на то, что основанием для правления и издания властью законов является признание этой власти народом в качестве законной [9, с. 37]. Профессор Е.А. Фролова, анализируя философию права Гуго Гроция, также указывает на XVII в. как на период, в котором естественное право начинает пониматься исходя из рационалистических основ [14, с. 62].

В итоге распространение либеральных идей в совокупности с техническим прогрессом послужило одной из основ для реализации на практике теории прогресса, сформулированной Огюстом Контом и Анри Сен-Симоном, которая показывает развитие общества как определенную закономерность, пронизывающую прошлое и неминуемо устремленную в будущее.

2. Подход психологической школы права

В юридической науке отмечается, что авторитет государства и права представляет собой проекцию бессознательных, стихийно-эмоциональных свойств личности. Как справедливо отмечает профессор В.Н. Жуков, такие авторы, как Л.И. Петражицкий и

Н.М. Коркунов сумели показать психологический механизм формирования авторитета власти, и, тем самым, указывают нам на бессознательное как его источник [4, с. 104].

Профессор Л.И. Петражицкий обосновывал концепцию об эмоциональной (по своей сути иррациональной) природе права и государства через присущий людям наивно-реалистический взгляд на мир, посредством которого человек сам и создает феномен авторитета государства, а также вследствие своей интеллектуальной незрелости переносит его на объекты внешнего мира, придавая им особые свойства. А значит, фикцией является государственно-правовая реальность, выражающаяся в виде текста законов, органов государства и т. д., при этом истинной реальностью политико-правовых институтов представляются эмоциональные переживания человека [10, с. 173]. Более того, согласно концепции Л.И. Петражицкого развитие общества происходит как некая прогрессивная смена этапов его психического состояния от примитивного к зрелому. Думается, что указанное в полной мере применимо и по отношению к смене вектора восприятия обществом власти и государства.

По мнению профессора Е.А. Фроловой, теория Л.И. Петражицкого оказала большое влияние на иррациональное понимание природы государства и права [6, с. 480]. Изучение основных его идей дает нам возможность полностью согласиться с таким выводом.

Один из первых русских социологов права Н.М. Коркунов сходно отмечал, что власть в широком понимании вытекает из сознания зависимости у подвластного, а государственная власть – это «сила», вытекающая из осознания гражданами своей зависимости от государства [8, с. 300]. Н.С. Тимашев, сравнивая феномен власти с гипнозом, указывает на то, что в ее основе лежат врожденные инстинкты, некие условные рефлексy. Соответственно лицо, находящееся на самом низу властной пирамиды, выполняя приказы господствующего лица, воспринимает это как объективную реальность, вызванную реакцией подчинения. И данная реальность становится все более прочной по мере увеличения числа подвластных [12, с. 137–143]. В похожем ключе профессор Г.К. Гинс раскрывал «закон интен-

сификации», по которому увеличение численности людей усиливает эмоции. И чем шире распространяется действие закона во времени и пространстве, чем сильнее сознание человека, что так (по закону) поступает каждый, тем прочнее повиновение закону, а значит и государству [2, с. 126].

Идеи и концепции столь именитых правоведов указывают на определенную взаимосвязь или даже зависимость между субъективным восприятием личностью государства и численностью социальной группы.

В итоге психологическая школа права, безусловно, служит моделью, объясняющей иррациональное в государстве. Однако, заметим, что данная теория менее подвержена фактору научного прогресса и даже в рамках настоящего времени способна объяснить отношение людей к авторитету власти через иррациональное составляющее, что можно рассматривать как ее идеологическое преимущество.

Заключение

При принятии тех или иных решений органами власти очевидным минусом является утверждение не самых эффективных, а обусловленных иррациональной составляющей. Такие решения обосновываются традициями или какими-либо иными сложившимися паттернами поведения, при этом такие решения могут и не оспариваться обществом. При этом указанное совершенно не означает их правильность и эффективность. Однако, следуя традициям и принципам при принятии тех или иных решений, не стоит их обесценивать, поскольку бывают случаи, в рамках которых утилитарная польза становится менее значимой для большей части общества.

С одной стороны, теория прогресса, являясь довольно обоснованной, показывает постепенную рационализацию государства, а с другой – объяснение феномена иррациональности через идеи психологической школы права отражает его существование в наше время и будет присуща государству будущего, поскольку так или иначе она связана с чувствами и эмоциями человека, которые всегда неизбежны. Тем самым образуется своего рода дихотомия.

При этом основной тенденцией в рассмотренной проблеме является неизменное наличие иррационального элемента в государственно-правовой реальности. Безусловно, он видоизменяется с процессом развития государства, права и общества, его доля при принятии властных и правовых решений заметна в большей или меньшей степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
2. Гинс, Г. К. Право и культура / Г. К. Гинс. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 320 с.
3. Жуков, В. Н. Государство. Право. Власть: философия и социология / В. Н. Жуков. – М. : Мир философии, 2015. – 591 с.
4. Жуков, В. Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук / Жуков Вячеслав Николаевич. – М., 2015. – 367 с.
5. Исаев, И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2015. – 368 с.
6. История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. Е. А. Фролова. – М. : Проспект, 2017. – 781 с.
7. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 615 с.
8. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
9. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – М. : Социум, 2014. – 484 с.
10. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 312 с.
11. Струве, П. Б. Patriotica : Политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М. : Республика, 1997. – 625 с.
12. Тимашев, Н. С. Методологические работы: 1920–1930 годы / Н. С. Тимашев. – М. : Наука, 2010. – 197 с.
13. Философия права : учебник / отв. ред. В. Н. Жуков. – М. : Мир философии : Алгоритм, 2019. – 559 с.
14. Фролова, Е. А. Философия права в новое время: Гуго Гроций / Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5 (173). – С. 58–62.

REFERENCES

1. Bulgakov S.N. *Svet nevechernij. Sozercanija i umozrenija* [Not-Evening Light. Contemplation and Speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p.
2. Gins G.K. *Pravo i kul'tura* [Law and Culture]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2012. 320 p.
3. Zhukov V.N. *Gosudarstvo. Pravo. Vlast': filosofija i sociologija* [State. Law. Power: Philosophy and Sociology]. Moscow, Mir filosofii Publ., 2015. 591 p.
4. Zhukov V.N. *Sociologija prava v Rossii: vtoraja polovina XIX – pervaja tret' XX v. (teoretiko-metodologičeskij aspekt): dis. ... d-ra jurid. nauk* [Sociology of Law in Russia: The Second Half of the 19 – The First Third of the 20 Century (Theoretical and Methodological Aspect). Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 367 p.
5. Isaev I.A. *Tenevaja storona zakona. Irracional'noe v prave: monografija* [The Shadow Side of the Law. The Irrational Element at Law: Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 368 p.
6. Frolova E.A., ed. *Istorija političeskikh i pravovyh učenij: učechnik* [History of Political and Legal Doctrines: Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 781 p.
7. Kistjakovskij B.A. *Social'nye nauki i pravo. Očerki po metodologii social'nyh nauk i obshhej teorii prava* [Social Sciences and Law. Essays on the Methodology of Social Sciences and General Theory of Law]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 615 p.
8. Korkunov N.M. *Lekcii po obshhej teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 2003. 430 p.
9. Lokk Dzh. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises on Governance]. Moscow, Socium Publ., 2014. 484 p.
10. Petrazhickij L.I. *Teorija prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti* [The Theory of Law and the State in Connection with the Theory of Morality]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2000. 312 p.
11. Struve P.B. *Patriotica: Politika, kul'tura, religija, socializm* [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 625 p.
12. Timashev N.S. *Metodologičeskie raboty: 1920–1930 gody* [Methodological Works: 1920–1930]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 197 p.
13. Zhukov V.N., ed. *Filosofija prava: učechnik* [Philosophy of Law: Textbook]. Moscow, Mir filosofii Publ., Algoritm Publ., 2019. 559 p.
14. Frolova E.A. *Filosofija prava v novoe vremja: Gugo Grocij* [Philosophy of Law in Modern Times: Hugo Grotius]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2019, no. 5 (173), pp. 58-62.

Information About the Author

Alexander A. Varchuk, Master Student, Department of Theory of State and Law and Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory St, 1, Bldg. 13-14, 119234 Moscow, Russian Federation, varchukaleksander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4022-6453>

Информация об авторе

Александр Анатольевич Варчук, магистрант кафедры теории государства и права и политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, 1, корп. 13–14, 119234 г. Москва, Российская Федерация, varchukaleksander@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4022-6453>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.12>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 02.09.2022
Accepted: 05.10.2022

THE DEVELOPMENT ANALYSIS OF THE IDEAS ABOUT CLASSIFICATIONS OF INTERPRETATIVE ACTS

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of the norms of law is an integral part of the mechanism of the legal regulation. Despite this, its system is not fully understood today. This is especially true with regard to interpretative acts, whose totality is currently insufficiently studied, despite the historical experience formed. **Purpose:** the generalization and analysis of specific ideas about the classifications of interpretative acts, as well as the use of the data obtained for the possibility of identifying the classification groups of interpretation acts of the norms of law. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which are consistency, analysis, and comparative legal, formal legal, historical methods. **Results:** the author's position justified in the work on the possibility of distinguishing the classification groups is based on the results of the study of ideas about the classifications of acts of interpretation of legal norms in the period of pre-revolutionary, Soviet and modern Russia. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it was found that the presence of various types of interpretative acts in itself does not always form a system, since the latter should represent a group of interrelated elements. That is why, it is worth distinguishing not just types, but groups of types of acts of interpreting the norms of law whose necessary part are functional (forms a set of types of acts of interpretation of the norms of law, whose use allows you to clearly see how the official interpretation of the norms of law directly ensures the processes of the legal regulation of public relations) and auxiliary (forms a set of types of acts of interpretation of the norms of law whose use is intended to support the functional group, this is a kind of technical organization).

Key words: legal activity, legal interpretation activity, interpretation of law, clarification, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. The Development Analysis of the Ideas About Classifications of Interpretative Acts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 88-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.12>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 02.09.2022
Дата принятия статьи: 05.10.2022

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КЛАССИФИКАЦИЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права занимает важное место в механизме правового регулирования. При этом его система сегодня изучена не в полной мере. Особенно это актуально в отношении интерпретационных актов, совокупность которых в настоящий момент исследована недостаточно, несмотря на сформированный исторический опыт. **Цель:** обобщение и анализ конкретных представлений о классификациях интерпретационных актов, а также использование полученных данных для возможности выделения классификационных групп актов толкования норм права. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический анализ. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция о возможности выделения классификационных групп опирается на итоги изучения представле-

ний о классификациях актов толкования норм права в период дореволюционной, советской и современной России. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что само по себе наличие разнообразных видов интерпретационных актов не всегда образует систему, поскольку последняя должна представлять группу взаимосвязанных между собой элементов. Именно поэтому стоит выделять не просто виды, а группы видов актов толкования норм права, к которым нужно относить функциональную (образует совокупность видов актов толкования норм права, использование которых позволяет наглядно убедиться, как официальное толкование норм права непосредственно обеспечивает процессы правового регулирования общественных отношений) и вспомогательную (образует совокупность видов актов толкования норм права, использование которых призвано оказать поддержку функциональной группе, это своего рода техническая организация).

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. Анализ развития представлений о классификациях интерпретационных актов // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 88–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.12>

Введение

Наличие возможности выделения конкретных разновидностей актов толкования норм права (интерпретационных актов) по различным основаниям свидетельствует о важности рассмотрения официального толкования норм права не просто как правовой категории, а как полноценной системы.

Арсенал интерпретационных актов позволяет по большей степени беспрепятственно обеспечивать смысловые потребности норм права во всех отраслях отечественной правовой системы, сопровождая отраслевые нормы на всем их жизненном пути.

Несмотря на то что интерпретационные акты занимают в официальном толковании норм права центральное положение, формируя весь массив интерпретационной практики, как правило, обзор ученых направлен на исследование их отдельных разновидностей, упуская из внимания такой важный момент, как рассмотрение становления представлений о формировании классификаций интерпретационных актов. Это упущение не давало возможности выделять укрупненные группы в классификациях интерпретационных актов, что позволило бы ближе подойти к вопросу об их систематизации.

Отметим, что анализу конкретных классификаций интерпретационных актов должно предшествовать исследование всех исторических этапов формирования представлений о них, которые целесообразно подразделять на дореволюционный, советский и современный.

Исследование дореволюционного периода становления взглядов о подразделении интерпретационных актов

Еще в период функционирования римской юриспруденции государство всерьез подходило к законодательному регулированию общественных отношений, которое не обходилось без всесторонней поддержки со стороны официального толкования права. Именно император определял конкретные виды и содержание правовых актов, в том числе и интерпретационных. В связи с этим целесообразно остановиться на декретах и рескриптах, которые выступали ключевыми разновидностями актов толкования права того времени.

Декретом являлся акт официального толкования права, который издавался императором в связи с разрешением конкретного юридического дела [9, с. 63]. Глава государства обладал полномочиями по решению любого правового спора по своей инициативе либо по просьбе отдельных должностных лиц. Здесь уместно провести аналогию императора с судьей, который выносил решение по существу дела. Разумеется, что содержательная сторона представленного интерпретационного акта выражалась во взаимосвязи интерпретационной и правоприменительной составляющей. Рескриптом являлся акт официального толкования права, который раскрывал смысл норм права на основании запросов как рядовых граждан, так и должностных лиц [11, с. 195]. В отличие от декрета, содержательная сторона представленного интерпретаци-

онного акта выражалась в явно выраженной интерпретационной составляющей. Рескрипт являлся более глубоким актом толкования, поскольку не был ограничен какой-либо одной ситуацией и мог применяться несколько раз в отношении неопределенного круга лиц.

Несмотря на то что декреты и рескрипты исходили от императора и так или иначе были связаны с его личностью, они не теряли своей юридической силы даже после его смерти и действовали вплоть до их отмены.

В период дореволюционной России происходит увеличение концентрации познаний в области официального толкования норм права, однако этот процесс выглядит довольно однообразно, поскольку все внимание было уделено понятию, способам и необходимости официального толкования норм права, в то время как исследованием видов интерпретационных актов, которыми оканчивается всякое толкование, никто полноценно не занимался. Это приводит лишь к появлению фрагментарных познаний в области анализа видового разнообразия актов толкования норм права данного времени.

Н.А. Гредескул обращает внимание на возможность издания творческих и формальных интерпретационных актов. Последние нужны тогда, когда закон непонятен, но смысл, который можно в него вложить, нужно установить лишь один. Творческие интерпретационные акты представляют собой более сложный вид, который используется тогда, когда в норму права можно заложить несколько противоположных смыслов, а руководствоваться стоит общественным благом, устанавливая именно его за ориентир интерпретационной деятельности. Также ученый выделяет нормативные (рассчитаны на многократное применение) и казуальные (появляются в отдельных случаях) интерпретационные акты [3, с. 146–148, 157].

По мнению И.В. Михайловского, существуют реальные и логические интерпретационные акты. Реальные интерпретационные акты издаются тогда, когда истинный смысл норм права полностью соответствует ее словесному смыслу. Логические интерпретационные акты издаются тогда, когда обнаруживаются скрытые нормы, которые «могут быть логически выведены из отдельных норм или из

общих принципов данного правового порядка» [7, с. 426]. Логические интерпретационные акты схожи с творческими, поскольку представляют собой практически одно и то же.

Ф. Регельсбрегер различает узуальные и аутентические интерпретационные акты [12, с. 140]. Узуальные интерпретационные акты издаются органами судебной власти, а аутентические интерпретационные акты – органами законодательной власти.

В приведенных классификациях прослеживается заметная однотипность, отражающая специфику развития правовой науки того периода. Это объясняется тем, что интерпретационные акты в качестве самостоятельной группы правовых актов, в сравнении с римским временем, не выделялись, поскольку в подавляющем большинстве случаев ассоциировались с частью правоприменительного процесса и были инкорпорированы в него. Этот факт также прослеживается исходя из анализа дореволюционной правовой литературы, в содержании которой разделы, посвященные официальному толкованию, располагались в части, раскрывающей вопросы применения права.

Исследование советского периода становления взглядов о подразделении интерпретационных актов

В советский период развития правовой науки отношение к интерпретационным актам претерпевает существенные изменения, заключающиеся в необходимости и возможности выделения акта толкования норм права в качестве самостоятельного вида правовых актов. Разумеется, это приводит к появлению дополнительных и качественно новых классификаций.

Наиболее удачная и обширная классификация интерпретационных актов принадлежит Н.Н. Вопленко, который предлагает следующие виды: по форме: акты-действия и акты-документы; по наименованию: указы, постановления, распоряжения, инструкции, письма и т. д.; по юридической силе: акты толкования высших органов государственной власти и акты толкования подчиненных органов государственной власти; по времени действия: акты толкования неопределенного срока действия и акты толкования временного срока

действия; по структурным элементам разъясняемых норм: акты толкования диспозиции нормы права, акты толкования гипотезы нормы права, акты толкования санкции нормы права, смешанные акты толкования; по сфере действия: разъяснения, действующие на территории всего государства, и разъяснения, имеющие локальную сферу действия; по объему толкования: акты буквального, расширительного и ограничительного толкований [2, с. 61–66].

А.С. Шляпочников отмечает нормативные и казуальные акты толкования норм права, а также аутентические и судебные интерпретационные акты [16, с. 31–32, 151].

А.Ф. Черданцев выделяет акты толкования норм права утвердительного (с их помощью фиксируется содержательный элемент нормы права) и отрицательного (с их помощью что-либо отрицается в содержании нормы права) суждения. Помимо этого, им предложена дополнительная классификация интерпретационных актов на номинальные (объясняется значение терминов, обозначающих правовую категорию) и реальные (разъясняются существенные признаки предмета или явления для их отличия от всех иных предметов либо явлений) [14, с. 119].

А.С. Пиголкин обращает внимание на важность наличия нормативных и казуальных интерпретационных актов. В свою очередь, нормативные акты толкования норм права подразделяются на акты нормотворческих и судебных органов [10, с. 126].

Аналогичной точки зрения придерживаются В.В. Лазарев [6, с. 85–89] и П.Е. Недбайло [8, с. 346].

Представленные классификации возможны благодаря повысившейся роли судебной системы в режиме советской социалистической законности, руководящие разъяснения которой использовались не только нижестоящими судами, но и иными органами советской власти и управления, построившим свою систему актов толкования норм права на основе и с учетом судебных интерпретационных актов.

Не зря в этой связи учеными отмечается, например, что «основные черты актов толкования органов прокуратуры РФ аналогичны чертам толкования судебных органов» [2, с. 105–106].

В советском периоде представления об интерпретационных актах получают логическое совершенствование, однако стоит отметить, что все они издаются с учетом требований советской социалистической законности, в которой идеологический характер является направляющим вектором при их издании.

Исследование современного периода становления взглядов о подразделении интерпретационных актов

В современный период развития правовой науки плавно переходят ключевые представления об интерпретационных актах советского времени, которые модернизируются с учетом потребностей, стоящих перед отечественной правовой системой. Данные потребности озаглавлены, во-первых, надежно устоявшейся мыслью о самостоятельности интерпретационного акта как вида правового акта, а во-вторых, необходимостью появления новых классификаций интерпретационных актов, способных решать цели и задачи официального толкования норм права по состоянию на сегодняшний день в условиях демократического развития общества.

Е.М. Шайхутдинов и В.М. Шафиров выделяют: по сфере действия – разъяснения федерального значения, акты толкования регионального характера, акты толкования локального (местного применения) характера; по предмету правового регулирования – отраслевые, межотраслевые, общеправовые; по юридической силе – акты толкования Конституции РФ, международных договоров, федеральных конституционных законов, федеральных законов, законов субъектов РФ, подзаконных актов, локальных актов [15, с. 46–47].

В.В. Кошелева предлагает следующую классификацию: по характеру содержащихся в актах предписаний и степени их воздействия на субъекты права – общеобязательные акты толкования норм права; обязательные для конкретных субъектов права; рекомендательные, то есть не обладавшие обязательным характером использования для субъектов права [4, с. 99].

Г.А. Василевич отмечает акты нормативного и казуального толкования норм права, которые, по его мнению, лежат в основе классификационной составляющей интерпре-

тационных актов в силу значимости такого деления [1, с. 8–9].

Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла в дополнение к представленным позициям указывают следующие классификации: в зависимости от характера – материальные и процессуальные акты толкования норм права; в зависимости от юридической природы – интерпретационные акты правотворчества и интерпретационные акты правоприменения; в зависимости от органов, дающих толкование, – интерпретационные акты органов государственной власти, управления, судебных и прокурорских органов [5, с. 531–532].

Согласно точке зрения Т.Я. Хабриевой, интерпретационные акты также встречаются в области международных отношений. Так, на основе анализа текстов документов Венецианской комиссии нужно выделять два вида интерпретационных актов: 1) типичные акты толкования норм права (акт толкования в собственном смысле); 2) нетипичные акты толкования норм права (исходят от международного органа, призванного оценивать национальные законы, что фиксируется на международном уровне и в уставе этого органа) [13, с. 12–14].

Совокупность представлений о классификациях интерпретационных актов достигает своего апогея в современном периоде и, учитывая актуальные задачи в развитии государства и общества, а также активное использование потенциала официального толкования норм права для их достижения, можно сделать вывод, что достигнут уровень, позволяющий объединить акты толкования норм права в соответствующие группы, систематизируя их в единую систему.

Выводы

В результате анализа дореволюционного, советского, современного периодов становления представлений о классификациях интерпретационных актов становится понятно, что многие классификации, предложенные учеными, сохраняют свою актуальность и по сей день. Например, подразделение интерпретационных актов на нормативные и казуальные будет сопровождать официальное толкование норм права на всем жизненном пути. Впрочем, ключевой вопрос, который возникает

здесь, заключается в том, хватит ли таких однотипных, но крайне важных видов для последующего развития официального толкования норм права? Размышления над этим приводят к тому, что само по себе наличие разнообразных видов интерпретационных актов не всегда образует систему, поскольку последняя должна представлять группу взаимосвязанных между собой элементов. Именно поэтому стоит выделять не просто виды, а группы видов актов толкования норм права, к которым следует относить функциональную и вспомогательную.

В основу группировки интерпретационных актов по видам положена объективность, которая способствует оптимальному выполнению задач, стоящих перед официальным толкованием норм права, а также позволяет систематизировать различные виды актов толкования норм права между собой с целью повышения его эффективности.

Функциональную группу образует совокупность видов актов толкования норм права, использование которых позволяет наглядно убедиться, как официальное толкование норм права непосредственно обеспечивает процессы правового регулирования общественных отношений, а главное показывает, как конкретно его акты применяются в юридической деятельности.

Вспомогательную группу образует совокупность видов актов толкования норм права, использование которых призвано оказать поддержку функциональной группе. Вспомогательная группа представляет собой скорее техническую организацию, позволяющую усовершенствовать функциональную группу, сделать ее эффективнее.

Функциональная и вспомогательная группы образуют своего рода пирамиду актов толкования права, во главе которой расположена функциональная составляющая, поддерживаемая вспомогательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия / Г. А. Василевич // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 5–13.

2. Вопленко, Н. Н. *Официальное толкование норм права* / Н. Н. Вопленко. – М. : Юрид. лит., 1976. – 118 с.
3. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование / Н. А. Гредескул. – Харьков : Тип. А. Дарре. 1900. – 235 с.
4. Кошелева, В. В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 210 с.
5. Краснов, Ю. К. Юридическая техника : учебник / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – М. : Юстицинформ, 2014. – 536 с.
6. Лазарев, В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.
7. Михайловский, И. В. Очерки философии права. В 2 т. Т. 1 / И. В. Михайловский. – Томск : Изд-во В.М. Посохина, 1914. – 604 с.
8. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 511 с.
9. Недилько, Ю. В. Формирование толкования правовых норм в Древнем Риме / Ю. В. Недилько // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С. 60–64.
10. Пиголкин, А. С. Толкование нормативных актов в СССР / А. С. Пиголкин. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. – 165 с.
11. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – СПб. : Летний сад, 1999. – 430 с.
12. Регельсбергер, Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. И. А. Базанов. – М. : Тип. И. Д. Сытина, 1897. – 295 с.
13. Хабриева, Т. Я. Венецианская комиссия как субъект толкования национального права / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 11–20.
14. Черданцев, А. Ф. Толкование советского права / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.
15. Шайхутдинов, Е. М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование) / Е. М. Шайхутдинов, В. М. Шафиров. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2007. – 154 с.
16. Шляпочников, А. С. Толкование уголовного закона / А. С. Шляпочников. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 240 с.

REFERENCES

1. Vasilevich G.A. *Tolkovanie (razyasnenie) normativnyh pravovyh aktov: ponyatie, vidy, yuridicheskie posledstviya* [Interpretation (Explanation) of Normative Legal Acts: Concept, Types, Legal Consequences]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 2, pp. 5-13.

2. Voplenko N.N. *Oficialnoe tolkovanie norm prava* [Official Interpretation of the Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 118 p.
3. Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektualnyj process, trebuyushchij dlya osushchestvleniya prava. Socialno-yuridicheskoe issledovanie* [To the Doctrine of the Exercise of Law. The Intellectual Process Required for the Exercise of the Right. Socio-Legal Research]. Kharkiv, Tip. A. Darre Publ., 1900. 235 p.
4. Kosheleva V.V. *Akty sudebnogo tolkovaniya pravovyh norm. Voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Acts of Judicial Interpretation of Legal Norms. Questions of Theory and Practice. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 210 p.
5. Krasnov Y.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 536 p.
6. Lazarev V.V. *Primenenie sovetskogo prava* [Application of Soviet Law]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 1972. 200 p.
7. Mikhailovsky I.V. *Ocherki filosofii prava. V 2 t. T. 1* [Essays on the Philosophy of Law. In 2 Vols. Vol. 1]. Tomsk, Izd-vo V.M. Posokhina, 1914. 604 p.
8. Nedbaylo P.E. *Primenenie sovetskih pravovyh norm* [Application of Soviet Legal Norms]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1960. 511 p.
9. Nedilko Y.V. *Formirovanie tolkovaniya pravovyh norm v Drevnem Rime* [Formation of the Interpretation of Legal Norms in Ancient Rome]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2013, no. 4 (34). pp. 60-64.
10. Pigolkin A.S. *Tolkovanie normativnyh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1962. 165 p.
11. Pokrovsky I.A. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Saint Petersburg, Letniy sad Publ., 1999. 430 p.
12. Regelsberger F. *Obshchee uchenie o prave* [The Universal Doctrine of Law]. Moscow, Tip. I.D. Sytina, 1897. 295 p.
13. Habrieva T.Ya. *Venecijskaya komissiya kak subyekt tolkovaniya nacionalnogo prava* [The Venice Commission as a Subject of the Interpretation of National Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 8. pp. 11-20.
14. Cherdantsev A.F. *Tolkovanie sovetskogo prava* [Interpretation of Soviet Law]. Moscow, Yurid. lit., 1979. 168 p.
15. Shaikhutdinov E.M., Shafirov V.M. *Interpretacionnye akty (teoretiko-prikladnoe issledovanie)* [Interpretive Acts (Theoretical and Applied Research)]. Krasnoyarsk, RUMTs YuO Publ., 2007. 154 p.
16. Shlyapochnikov A.S. *Tolkovanie ugovolnogo zakona* [Interpretation of Criminal Law]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1960. 240 p.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terekhov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terekhov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.13>

UDC 342.9:347.13
LBC 67.402

Submitted: 31.08.2022
Accepted: 01.10.2022

BAN ON SHAM IN ADMINISTRATIVE LAW: PROBLEMS OF VALIDITY

Irina P. Bakulina

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Dmitry A. Kirillov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Introduction: in 2016, administrative liability was introduced for violating the ban on the registration of sham accounting objects in the accounting registers, including sham transactions (hereinafter, referred to as the “ban on sham”). For more than five years, these elements have not found any targeted analytical understanding in the professional scientific and legal books, nor reflected in the practice of administrative offenses. Meanwhile, the “ban on sham” creates problems, preventing bona fide organizations from implementing the principle of freedom of contract, forcing them to distort their will in the form of refusing to conclude unnamed contracts, simplifying business relations, incurring the costs of auditing sham, etc. These circumstances have predetermined the **purpose** of the study – to identify the reasons for the lack of reaction of legal science and practice to the “ban on sham”, to assess its validity. **Methods:** dialectics, conceptual analysis, and the comparative legal method. **Results:** the common reasons for inattention to the “ban on sham” are the mega-branch, and therefore, unclear for most legal scholars, nature of the basic concept of “sham accounting objects”; the complexity of proving violations of the “ban on sham”. Special reasons for such inattention are the contradiction between the absence of a ban on sham transactions and the punishability of actions to include transactions in the accounting registers; the identification of sham transactions and sham accounting objects in the legislative documentation; the possibility of qualifying violations of the “ban on sham” by related sets of facts. The legal groundlessness of the introduction of the “ban on sham” is shown. An approach to the correction of the legislation is proposed. **The scope of application of the results** is administrative, financial, civil, constitutional law, legal research, law enforcement, and lawmaking. **Conclusions:** the amendments to the legislation on accounting and the abolition of the “ban on sham” are required.

Key words: sham transaction, accounting object, sham object, accounting register, sham legal phenomenon, accounting law

Citation. Bakulina I.P., Kirillov D.A. Ban on Sham in Administrative Law: Problems of Validity. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 95-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.13>

УДК 342.9:347.13
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 31.08.2022
Дата принятия статьи: 01.10.2022

ЗАПРЕТ НА ПРИТВОРНОСТЬ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАННОСТИ

Ирина Петровна Бакулина

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Дмитрий Александрович Кириллов

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Введение. В 2016 г. введена административная ответственность за нарушение запрета на регистрацию в учетных бухгалтерских регистрах притворных объектов бухгалтерского учета, включая притворные сделки (далее – Запрет на притворность). Уже более пяти лет данный состав не находит ни целевого

аналитического осмысления в отраслевой научно-правовой литературе, ни отражения в практике по делам об административных правонарушениях. Между тем Запрет на притворность создает проблемы, препятствуя реализации добросовестными организациями принципа свободы договора, вынуждая их к искажению волеизъявления в форме отказа от заключения непоименованных договоров, упрощения хозяйственных связей, несению расходов на аудит притворности и т. п. Названные обстоятельства предопределили **цель исследования** – выявить причины отсутствия реакции юридической науки и практики на Запрет на притворность, оценить его обоснованность. **Методы** – диалектика, концептуальный анализ, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** общими причинами невнимания к Запрету на притворность являются мегаотраслевой, а потому неясный для большинства правоведов характер базового понятия «притворный объект» бухгалтерского учета; сложность доказывания нарушений Запрета на притворность. Специальные причины такого невнимания – противоречие между отсутствием запрета на притворные сделки и наказуемостью действий по включению сделок в учетные регистры; отождествление притворных сделок и притворных объектов учета в законопроектной документации; возможность квалификации нарушений Запрета на притворность по смежным юридическим составам. Показана правовая необоснованность введения Запрета на притворность. Предложен подход к коррекции законодательства. Область применения результатов – административное, финансовое, гражданское, конституционное право, правовые исследования, правоприменение; правотворчество. **Выводы:** требуется внесение изменений в законодательство о бухгалтерском учете и отмена Запрета на притворность.

Ключевые слова: притворная сделка, объект бухгалтерского учета, притворный объект, учетный регистр, притворное правовое явление, закон о бухгалтерском учете.

Цитирование. Бакулина И. П., Кириллов Д. А. Запрет на притворность в административном праве: проблемы обоснованности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 95–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.13>

Введение

С 2016 г. ст. 15.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6] (далее – КоАП РФ) установлен Запрет на притворность. По состоянию на август 2022 г. отсутствуют как «адресное» изучение нового понятия, так и дела об ответственности за нарушения Запрета на притворность. При этом из работ экономистов явствует проблемность запрета для экономики, последствиями которого являются отказ от непоименованных договоров; упрощение сложных договорных конструкций; снижение рентабельности; завышенные расходы на контроль (например, «аудит притворности») [7] и т. п.

Изложенное обусловило проведение межотраслевого правового изучения Запрета на притворность с целью оценить его обоснованность и выявить причины отсутствия реакции на него со стороны науки и практики.

О появлении Запрета на притворность в законодательстве

Под правовой притворностью мы понимаем системное единство бессодержатель-

ного, но оформленного и содержательно значимого, но не оформленного правовых явлений, из которых первое правового значения не имеет, а второе – значимо [2, с. 49].

В российском праве термин «притворность» до недавнего времени был относим только к характеристике сделок с рассогласованными номинальной и реальной сторонами в цивилистике [3, с. 52–53]. В отношении же иных подобных явлений термины «притворность» и смежные до 2013 г. официально не применялись и наукой почти [2, с. 48] не исследовались. В декабре 2012 г. законопроектом Правительства РФ [13] (далее – Законопроект) обнародованы понятие «притворный объект бухгалтерского учета» и правило о том, что «...регистрация притворных объектов бухгалтерского учета в регистрах бухгалтерского учета...» не допускается. В декабре 2013 г. были приняты соответствующие дополнения в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» [14] (далее – ФЗ о бухучете).

Новые положения незамедлительно получили отклик экономистов [5; 7]. В правовой же науке представители ни экономического [1], ни финансового права активности в изучении новелл по состоянию на июль 2022 г. не проявили.

В марте 2016 г. внесены дополнения в ст. 15.11 КоАП РФ, и одним из видов грубого нарушения правил бухгалтерского учета стало нарушение Запрета на притворность. Однако новое понятие уже более пяти лет научно-юридического внимания не привлекает. Кроме того, по состоянию на август 2022 г. нет и административных дел о нарушениях Запрета на притворность. Говоря о причинах данной ситуации, следует отметить несколько моментов.

О необоснованности Запрета на притворность

КоАП РФ заимствует [12] смысл понятия «притворный объект бухгалтерского учета» из ФЗ о бухучете. При этом важное значение здесь имеет законотворческая процедура. Так, согласно Законопроекту, притворным является объект, отраженный в учете вместо другого с целью его прикрыть (в том числе притворная сделка). Согласно же пояснительной записке к Законопроекту [11] (далее – Записка), понятие «притворный объект бухгалтерского учета» *совпадает* с понятием «притворная сделка».

Очевидная рассогласованность законопроектного пакета указывает на отсутствие непротиворечивой концепции [10] Законопроекта, что, согласно ст. 105 и 118 Регламента Государственной Думы [9], исключало наличие в ФЗ о бухучете понятия «притворный объект бухгалтерского учета». Учитывая обозначенную выше бланкетность, основания установления в 2016 г. Запрета на притворность представляются сомнительными.

Вернемся к тому, что, согласно п. 2 ст. 10 ФЗ о бухучете, Запрет на притворность распространяется на притворные сделки. При этом Гражданским кодексом Российской Федерации [4] притворная сделка не запрещена. В силу этого Запрет на притворность в отношении притворных сделок не представляется законным. Принимая же во внимание схожесть конструкции притворных объектов бухгалтерского учета и притворных сделок [2, с. 48–50], а также включенность сделок в структуру многих объектов, следует распространить тезис о незаконности Запрета на притворность на все объекты бухгалтерского учета. Дополнительно заметим, что законодательная до-

пустимость включения последних в учетные регистры явствует, например, из п. 1 ст. 54 Налогового кодекса РФ [8].

О реализации Запрета на притворность в науке и практике

Анализ «трехотраслевого» концепта Запрет на притворность сложен для большинства опрошенных нами правоведов. При вскрытии же ими еще и проблемы Записки их исследовательская мотивация утрачивается. Этим, по нашему мнению, и объясняется отсутствие научного интереса к концепту.

Характеризуя причины правоприменительного невнимания к Запрету на притворность, отметим указание большинства опрошенных нами налоговых сотрудников из пяти регионов на проблемность доказывания притворности в судах, отсутствие «прецедентной» практики и возможность привлечь лицо по «менее сложному» для доказывания составу той же статьи 15.11 КоАП РФ [6].

Выводы

Главным по итогам исследования является вывод о необоснованности Запрета на притворность. В силу этого логичным видится исключение действий по нарушению Запрета на притворность из перечня видов грубого нарушения требований к бухгалтерскому учету (ст. 15.11 КоАП РФ) [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашмарина, Е. М. Учетное право (финансовый учет) как комплексное правовое образование экономического права / Е. М. Ашмарина // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 9. – С. 16–23.
2. Бакулина, И. П. О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки / И. П. Бакулина, Д. А. Кириллов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2021. – № 3. – С. 47–54.
3. Габов, А. В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность / А. В. Габов // Государство и право. – 2021. – № 2. – С. 49–64.
4. Гражданский кодекс РФ (часть первая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32 (ч. 1). – Ст. 3301.

5. Звягинцева, М. С. Вопрос-ответ / М. С. Звягинцева // *Торговля: бухгалтерский учет и налогообложение*. – 2014. – № 1. – С. 15–16.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

7. Кувалдина, Т. Б. Мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета / Т. Б. Кувалдина // *Бухгалтерский учет*. – 2015. – № 10. – С. 91–94.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) // *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

9. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД // *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

10. Постановление Правительства РФ от 02.08.2001 № 576 // *Собрание законодательства РФ*. – 2001. – № 32. – Ст. 3335.

11. Пояснительная записка к законопроекту № 192810-6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Пояснительная записка к законопроекту № 890123-6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Проект федерального закона (№ 192810-6) «О внесении изменений в Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ “О бухгалтерском учете”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон РФ от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // *Собрание законодательства РФ*. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

5. Zvyaginceva M.S. Vopros-otvet [Question and Answer]. *Torgovlya: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie* [Trade: Accounting and Taxation], 2014, no. 1, pp. 15-16.

6. Kodeks RF ob administrativnyh pravonarusheniyah [The Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1 (pt. 1), art. 1.

7. Kuvaldina T.B. Mnimye i prityvorye obyekty buhgalterskogo ucheta [Imaginary and Feigned Objects of Accounting]. *Buhgalterskij uchet* [Accounting], 2015, no.10, pp. 91-94.

8. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) [The Tax Code of the Russian Federation (Part one)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 32, art. 3824.

9. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya RF ot 22.01.1998 № 2134-II GD [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 22.01.1998 No. 2134-II of the State Duma]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 7, art. 801.

10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 02.08.2001 № 576 [Decree of the Government of the Russian Federation No. 576 dated 02.08.2001] *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 32, art. 3335.

11. Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu № 192810-6 [Explanatory Note to Bill No. 192810-6]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

12. Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu № 890123-6 [Explanatory Note to Bill No. 890123-6]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

13. Proekt federal'nogo zakona (№ 192810-6) «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon ot 6 dekabrya 2011 goda N 402-FZ “O buhgalterskom uchete”» [Draft Federal Law (No. 192810-6) «On Amendments to Federal Law No. 402-FZ “On Accounting” dated December 6, 2011»]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. Federal'nyj zakon RF ot 06.12.2011 № 402-FZ «O buhgalterskom uchete» [Federal Law of the Russian Federation No. 402-FZ dated 06.12.2011 “On Accounting”] *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 50, art. 7344.

REFERENCES

1. Ashmarina E.M. Uchetnoe pravo (finansovyj uchet) kak kompleksnoe pravovoe obrazovanie ekonomicheskogo prava [Accounting Law (Financial Accounting) as a Complex Legal Formation of Economic Law]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Economic and Law Issues], 2012, no. 9, pp. 16-23.

2. Bakulina I.P., Kirillov D.A. O sootnoshenii prityvornogo obyektu buhgalterskogo ucheta v administrativnom prave i prityvornoj sdelki [On the Ratio Between the Feigned Financial Accounting Object in Administrative Law and the Feigned Deal]. *Vestnik TvGU. Seriya: Pravo* [Herald of Tver State University. Series: Law], 2021, no. 3, pp. 47-54.

3. Gabov A.V. Prityvornye sdelki v otechestvennom prave: istoriya i sovremennost' [Fake Transactions in Russian Law: History and Modernity]. *Gosudarstvo i Pravo* [State and Law], 2021, no. 2, pp. 49-64.

Information About the Authors

Irina P. Bakulina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Dmitry A. Kirillov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, d.a.kirillov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Информация об авторах

Ирина Петровна Бакулина, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Дмитрий Александрович Кириллов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, d.a.kirillov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.14>

UDC 347.67
LBC 67.404.4

Submitted: 11.09.2022
Accepted: 10.10.2022

THE THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF DEVELOPING THE INSTITUTION OF TESTAMENTARY SUCCESSION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Elena I. Petrachenko

Donetsk National University, Donetsk, Russian Federation

Introduction: the importance of the institution of testamentary succession is difficult to overestimate. This is due to the freedom to dispose of one's property in case of death. However, such an opportunity and such a right were not always there. The institution of testamentary succession in Russia has passed a difficult evolutionary path. At the same time, a substantial body of research on testamentary succession in Russia is limited mainly to one branch – civil law. Undoubtedly, it is important to consider the institution of testamentary succession in Russia from different sides, including in the historical and legal aspect. The **purpose** of the paper is to conduct a temporal analysis of the rules on testamentary succession in the Russian Empire. The purpose of the paper is also to conduct a retrospective analysis of one of the stages of great importance in the history of the formation of the institution of testamentary succession in Russia. And, in particular, the purpose of the paper is to study the features of the Code of Laws of the Russian Empire. **Methods:** the methodological framework for the study is the main general and special methods of scientific research. **Results:** as a result of the conducted research, it is found that the systematization of the legislation in the form of the publication of the Code of Laws of the Russian Empire has significantly influenced the development of testamentary legal relations. **Conclusions:** monitoring the history of the formation and development of the rules on testament is of great importance, and especially within the framework of highlighting a specific period during which such changes took place.

Key words: institution of testamentary succession, succession in the Russian Empire, Code of Laws, testament, formation of the institution of testamentary succession.

Citation. Petrachenko E.I. The Theoretical and Legal Aspects of Developing the Institution of Testamentary Succession in the Russian Empire. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 100-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.14>

УДК 347.67
ББК 67.404.4

Дата поступления статьи: 11.09.2022
Дата принятия статьи: 10.10.2022

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Елена Игоревна Петраченко

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Российская Федерация

Введение: значение института наследования по завещанию сложно переоценить. Это обусловлено свободой распоряжения своим имуществом на случай смерти. Однако такая возможность и такое право было не всегда. Институт наследования по завещанию в России прошел непростой эволюционный путь. Вместе с тем существенный массив исследований относительно наследования по завещанию в России ограничен преимущественно одной отраслью – гражданским правом. Несомненно, важным является рассмотрение института наследования по завещанию в России с разных сторон – в том числе в историко-правовом аспекте. **Целью** статьи является проведение темпорального анализа норм о наследовании по завещанию в Российской Империи. **Целью** статьи является также проведение ретроспективного анализа одного из этапов, имеющего большое значение в истории становления института наследования по завещанию в России, в частности изучение особенностей Свода законов Российской империи. **Методологическую основу работы** составили основные общие и специальные методы научного исследования. **Результаты:** в результате проделанной работы установлено,

что систематизация законодательства в виде издания Свода законов Российской империи значительно повлияла на развитие завещательных правоотношений. **Выводы:** колоссальное значение имеет мониторинг истории становления и развития норм о завещании, особенно в рамках выделения конкретного периода, в течение которого происходили такого рода изменения.

Ключевые слова: институт наследования по завещанию, наследование в Российской империи, Свод законов, завещание, становление института наследования по завещанию.

Цитирование. Петраченко Е. И. Теоретико-правовые аспекты развития института наследования по завещанию в Российской империи // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 100–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.14>

Введение

Эффективность проводимых в государстве правовых реформ и достижение положительных результатов зависят от множества факторов. Одним из таких факторов является учетывание предшествующего опыта. Важнейшим собранием законодательных актов, принятым в период существования Российской империи, является Свод законов Российской империи [4], нормы которого нашли свое отражение и в текущих правовых актах Российской Федерации.

В научной литературе также встречается характеристика наследования (права наследования) исходя из отраслевой принадлежности: в соотношении, во-первых, с гражданским правом, во-вторых, с конституционным. Институту наследования по завещанию посвящены научные труды целого ряда представителей гражданского права, в частности: Ю.Н. Анучиной, В.Н. Бурдаевой, П.М. Васильяновой, Т.П. Великокклад, Т.Ю. Дементьевой, С.С. Желонкина, Д.И. Ивашина, С.И. Карпова, Д.Г. Козлова, А.Б. Моисеева, Е.С. Путилиной, Т.В. Титовой.

Однако на сегодняшний день в научной литературе недостаточно уделено внимание институту наследования по завещанию в России в историко-правовом ракурсе. Часть представленных диссертационных исследований по гражданскому праву охватывают данный вопрос в обобщенном виде, но комплексное исследование всех этапов возникновения и развития института наследования по завещанию в России на сегодняшний день отсутствует.

Институт наследования по завещанию в Российской империи

Что касается возникновения и развития наследования по завещанию в российском

праве, то условно в литературе выделяют 5 этапов развития: переходный, феодальный, императорский, советский и современный [8, с. 76]. Одним из значимых этапов развития института наследования по завещанию в России можно назвать период существования Российской империи (иногда встречается название «Всероссийская империя») (с 1721 г. до 1917 г.). Этот временной период ознаменовался новой вехой правового регулирования всех сфер жизни. Речь идет о Своде законов Российской империи – это официальное собрание законодательных актов, расположенных в тематическом порядке. Всего – 16 томов (изначально – 15 томов; 16-й том был посвящен судопроизводству и добавлен позже). До принятия Свода законов Российской империи в государстве было огромное количество неупорядоченных нормативно-правовых актов, бессистемность которых сказывалась на их применении.

Предшествующий принятию Свода законов Российской империи этап – от возникновения идеи создания подобного акта до момента его утверждения – можно охарактеризовать как сложный многостадийный период. До принятия Свода законов Российской империи действовал подобный документ – Соборное уложение 1649 г. [6], которое является памятником русского права. В то время этот свод законов в достаточной мере регулировал общественные отношения. Однако нужно отметить, что реформы Петра I ознаменовались изданием 160 царских указов, что оказало влияние на возникновение беспорядка в правовой сфере. Далее последовало создание комиссий, которые действовали при каждом правителе, сменяющем один другого. Стоит отметить также значение Положения о духовных завещаниях (1831 г.) [9], которое устанавливало субъектов завещательных правоотношений – наследников и наследодателей. За-

вещанием допускалась передача движимого и недвижимого имущества. Закреплялись следующие виды духовных завещаний: крепостное (на гербовой бумаге) и домашнее (на простой бумаге). Нами разделяется позиция И.В. Соленцовой о том, что «Свод законов Российской империи употреблял архаичный термин “духовное завещание”... что свидетельствует о довольно длительной и устойчивой тенденции отношения к завещанию как к духовной памяти, которая наложила определенный отпечаток как на юридическую природу завещания, так и на степень законодательной регламентации наследования по завещанию в целом» [7, с. 62]. Положение о духовных завещаниях всецело вошло в Свод законов в 1832 году.

Вместе с тем попытки систематизации действующего законодательства продолжались значительно дольше, чем рассчитывалось изначально – вплоть до издания Свода законов Российской империи в 1832 г. и его последующего вступления в законную силу. Так, утвержденное собрание актов регламентировало основные отрасли права: административное право, уголовное право, семейное право, гражданское право, включая наследственные отношения (в том числе и наследование по завещанию).

Невозможно не согласиться с Г.И. Муромцевым, который указывал в своей статье следующее: «При всех усилиях со стороны М.М. Сперанского и возглавлявшихся им комиссий качественное составление Свода законов в тогдашних российских условиях было связано с огромными трудностями. К факторам, которые осложняли этот процесс, следует отнести, прежде всего, беспрецедентный временной охват законодательства (без малого два века!) при крайней его запутанности и бессистемности. Это порождало проблему полноты Свода, степени охвата им действующего законодательства. Другая сторона проблемы состоит в том, что включенные в Свод гражданско-правовые институты, заимствованные в большинстве своем из европейской литературы и законодательства, отражали буржуазные отношения собственности. В феодално-крепостнической России, не знавшей принципа юридического равенства граждан, сфера их действия существенно сужалась.

Наконец, Г.Ф. Шершеневич отмечал трудность выборки из Свода законов действующих норм гражданского права, поскольку многие частноправовые нормы были соединены с нормами публичного права» [3].

Однако, исходя из цели данного исследования, научный интерес представляет том X под названием «Свод законов гражданских», в частности нормы о наследовании по завещанию, которые действовали в тот период времени.

Нормы, регулирующие наследование по завещанию в Российской империи, были предусмотрены пятой главой книги третьей тома X (о духовных завещаниях) с восемью отделениями: урегулирован порядок составления и хранения домашних и нотариальных завещаний; порядок утверждения духовных завещаний к исполнению; особенные завещания – аналог статьи 1127 действующего Гражданского кодекса Российской Федерации под названием «Завещания, приравняемые к нотариально удостоверенным завещаниям».

Основаниями открытия наследства являлись смерть, лишение всех прав состояния, пострижение в монашество и безвестное отсутствие [1, с. 40]. В интересах наследников по инициативе частных лиц, полиции, прокурорского надзора, начальства умершего или по собственной инициативе суд принимал меры по охране оставшегося имущества, заключающиеся в описи имущества, опечатывании и сохранении его до явки наследников и вызова наследников [10, с. 29].

С.С. Желонкин и Д.И. Ивашин отмечают, что в Своде законов Российской империи «в качестве существенных можно назвать следующие положения:

а) установление очередей наследования по закону в зависимости от степени кровного родства;

б) наследниками первой очереди признавались потомки наследодателя (дети, внуки, правнуки); супруги наследовали друг после друга 1/7 часть недвижимого имущества и 1/14 – движимого;

в) формулирование положений о выморочном имуществе, которое при отсутствии наследников по истечении десяти лет становилось собственностью государства, дворян-

ства, территориального образования (города, поселения);

г) официальное закрепление принципа универсальности наследования, т.е. перехода не только всего объема имущественных прав, но и обязанностей (долгов) наследодателя» [2, с. 1].

Одна из наиболее существенных проблем завещательного права, возникшая в дореволюционной науке и нерешенная в настоящее время, – вопрос о допустимости условных завещаний. Он возник при нестабильном гражданском законодательстве империи, когда традиции древнерусского права синтезировались с опытом романо-германской системы [5, с. 50].

Таким образом, в вышеуказанном Своде законов уделялось внимание как наследованию по закону, так и наследованию по завещанию.

Свод законов Российской империи детально регламентирует порядок утверждения духовных завещаний к исполнению. В частности, обозначено, что духовное завещание должно быть представлено для утверждения к исполнению в Окружной суд или по месту нахождения завещанного имущества, или по месту жительства завещателя. Домашние завещания предоставляются в оригинале, а нотариальные – в выписке. Нотариусы и установления, принимающие завещания на хранения, по смерти завещателя вручают их по назначению, сделанному завещателем при внесении завещания на хранение.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что порядок утверждения духовных завещаний к исполнению урегулирован подробно и должным образом, включая возможность разрешения спора в судебном порядке.

Выводы

Правовая основа преобразований, происходивших в Российской империи, нашла отражение в Своде законов Российской империи. В результате проведенного исследования можно прийти к выводу, что историко-правовое исследование института наследования по завещанию в России дает возможность проследить тенденции его развития. Следует отметить, что в научной литературе высказывается мнение о том, что нужно воссоздать Свод законов в действующих условиях. Однако автор статьи относится скорее к противникам, нежели сторонни-

кам данной реконструкции. Анализ Свода законов Российской империи позволяет провести работу над ошибками и избежать их допущения в действующих нормативно-правовых актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдаева, В. Н. Ретроспективный обзор законодательства о наследовании в России / В. Н. Бурдаева // Вестник ВУиТ. – 2017. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-obzor-zakonodatelstva-o-nasledovanii-v-rossii> (дата обращения: 10.09.2022). – Загл. с экрана.
2. Желонкин, С. С. Наследственное право : учеб. пособие / С. С. Желонкин, Д. И. Ивашин. – М. : Юстицинформ, 2014. – 54 с.
3. Муромцев, Г. И. Нужен ли России свод законов? / Г. И. Муромцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 1. – С. 3–23. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-rossii-svod-zakonov> (дата обращения: 10.09.2022). – Загл. с экрана.
4. Свод законов Российской Империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x (дата обращения: 19.01.2022). – Загл. с экрана.
5. Смирнов, С. А. Проблемы дореволюционной теории наследования по завещанию в России: связи с современным правом / С. А. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 4. – С. 48–55. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dorevoljutsionnoy-teorii-nasledovaniya-po-zaveschaniyu-v-rossii-svyazi-s-sovremennym-pravom> (дата обращения: 05.09.2022). – Загл. с экрана.
6. Соборное уложение 1649 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57791500> (дата обращения: 19.01.2022). – Загл. с экрана.
7. Соленцова, И. В. Завещание по Своду законов Российской империи: понятие и гражданско-правовая природа / И. В. Соленцова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 2. – С. 60–63. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaveschaniye-po-svodu-zakonov-rossijskoj-imperii-ponyatie-i-grazhdansko-pravovaya-priroda> (дата обращения: 10.09.2022). – Загл. с экрана.
8. Стоногина, Д. С. Понятие и значение наследования по завещанию / Д. С. Стоногина // Наука и образование сегодня. – 2017. – № 11 (22). – С. 76–79. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie>

nasledovaniya-po-zaveschaniyu (дата обращения: 05.09.2022). – Загл. с экрана.

9. Тархов, В. А. Собственность и право собственности : монография / В. А. Тархов, В. А. Рыбаков ; Рос. акад. юрид. наук, Саратов. гос. акад. права, Акад. права и упр. М-ва юстиции РФ. – 2-е изд. – М. : Юрист, 2002. – 240 с.

10. Чеснокова, Ю. В. Возникновение и развитие наследственного права в России / Ю. В. Чеснокова, К. И. Потешкин // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 4 (24). – С. 29–35. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-nasledstvennogo-prava-v-rossii> (дата обращения: 05.09.2022). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Burdaeva V.N. Retrospektivnyj obzor zakonodatelstva o nasledovanii v Rossii [Retrospective Review of Inheritance Legislation in Russia]. *Vestnik VUiT* [Vestnik of Volzhsky University Named After V.N. Tatishchev], 2017, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-obzor-zakonodatelstva-onasledovanii-v-rossii> (accessed 10 September 2022).

2. Zhelonkin S.S., Ivashin D.I. *Nasledstvennoe pravo: ucheb. posobie* [Inheritance Law. Textbook]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 54 p.

3. Muromcev G.I. Nuzhen li Rossii svod zakonov? [Does Russia Need Corpus Juris?]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2011, no. 1, pp. 3-23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-rossii-svod-zakonov> (accessed 10 September 2022).

4. Mordukhay-Boltovskiy I.D., ed. *Svod zakonov Rossijskoj Imperii* [Corpus Juris of the Russian Empire]. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x (accessed 19 January 2022).

5. Smirnov S.A. Problemy dorevolucionnoj teorii nasledovaniya po zaveshhaniyu v Rossii: svyazi s

sovremennym pravom [Problems of the PreRevolutionary Theory of Inheritance by Will in Russia: Connections with Modern Law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2010, no. 4, pp. 48-55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dorevolucionnoy-teorii-nasledovaniya-po-zaveschaniyu-v-rossii-svyazi-s-sovremennym-pravom> (accessed 5 September 2022).

6. *Sobornoe ulozhenie ot 1649 goda* [Sobornoe Ulozhenie of 1649]. URL: <https://base.garant.ru/57791500> (accessed 19 January 2022).

7. Solenczova I.V. Zaveshhanie po Svodu zakonov rossijskoj imperii: ponyatie i grazhdanskopravovaya priroda [Testament on the Set of Laws of the Russian Empire. The Notion and Civil-Legal Nature]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik], 2012, no. 2, pp.60-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaveshhanie-po-svodu-zakonov-rossijskoj-imperii-ponyatie-i-grazhdansko-pravovaya-priroda> (accessed 10 September 2022).

8. Stonogina D.S. Ponyatie i znachenie nasledovaniya po zaveshhaniyu [The Concept and Meaning of Inheritance by Will]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today], 2017, no. 11 (22), pp. 76-79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-nasledovaniya-po-zaveschaniyu> (accessed 5 September 2022).

9. Tarxov V.A., Rybakov V.A. *Sobstvennost i pravo sobstvennosti: monografiya* [Property and ownership. Monograph]. Moscow, Yurist Publ., 2002. 240 p.

10. Chesnokova Yu.V., Poteshkin K.I. Vozniknovenie i razvitie nasledstvennogo prava v Rossii [The Emergence and Development of Inheritance Law in Russia]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2018, no. 4 (24), pp. 29-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-nasledstvennogo-prava-v-rossii> (accessed 5 September 2022).

Information About the Author

Elena I. Petrachenko, Senior Lecturer, Department of Constitutional and International Law, Donetsk National University, Universitetskaya St, 24, 283001 Donetsk, Russian Federation, advance-7777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8506-6196>

Информация об авторе

Елена Игоревна Петраченко, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 283001 г. Донецк, Российская Федерация, advance-7777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8506-6196>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>UDC 342.9
LBC 67.401Submitted: 09.08.2022
Accepted: 10.09.2022**LEGAL PROBLEMS OF DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION****Yulia A. Gavrilova**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dmitry A. Gavrilov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Nina A. Kalashnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the digital modernization of Russian society is proceeding at a rapid pace; however, unfortunately, the legislative regulation in this area of public relations is just beginning to take shape. Such a normative impact of law on the processes of digitalization in the economy, public administration, justice, etc. is characterized by complexity, mutual interweaving of legal, medical, ethical, engineering and technical sciences, problems and factors. In previous periods of the domestic legal system development, such deep and rapid material and technological transformations, perhaps, were not observed. The **purpose** of the study is to form the conceptual foundations of the legal regulation in the digital environment. The research **objectives** are to analyze the legal framework for regulating digital technology in the Russian Federation, mainly in the field of public law, to identify and discuss the legal problems of their implementation. **Methods:** the paper uses the following methods: formal legal, experimental, comparative legal, modeling, generalization, forecasting. **Results:** the authors believe that when forming the legal foundations for the development of digital technology in the Russian Federation, the principle of optimization should be used: to keep up to a large extent with the leading trends in the development of digital solutions and their technical embodiments. However, when choosing the models for their legal support, it is necessary to develop step-by-step algorithms for practical implementation, focusing on the ethical and humanistic expert evaluation of projects and the use of experimental legal regimes. **Conclusions:** the authors call the proposed project of meaningful digital modernization in law “humanistically oriented digitalization”. The paper can be useful and recommended to legislators, law enforcement officers, employees and students of the higher legal education system, legal experts and politicians.

Key words: digital technology, law, artificial intelligence, robot, humanism, ethical norms, legal experiment.**Citation.** Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 105-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>УДК 342.9
ББК 67.401Дата поступления статьи: 09.08.2022
Дата принятия статьи: 10.09.2022**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Юлия Александровна Гаврилова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Дмитрий Анатольевич Гаврилов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Нина Александровна Калашникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: цифровая модернизация российского общества идет быстрыми темпами, однако, к сожалению, законодательное регулирование в данной сфере общественных отношений только начинает формироваться. Такое нормативное воздействие права на процессы цифровизации в экономике, государственном управлении, правосудии и т. п. отличается сложностью, взаимным переплетением правовых, медицинских, этических, инженерно-технических наук, проблем и факторов. В прежние периоды развития отечественной правовой системы подобных глубоких и стремительных материально-технологических преобразований, пожалуй, не наблюдалось. **Цель исследования:** формирование концептуальных основ правового регулирования в цифровой среде. **Задачи исследования:** анализ законодательной базы регулирования цифровых технологий в Российской Федерации, главным образом в области публичного права, выявление и обсуждение правовых проблем их реализации. **Методы:** в статье используются методы формально-юридический, экспериментальный, сравнительно-правовой, моделирования, обобщения, прогнозирования. **Результаты:** авторы считают, что при формировании правовых основ развития цифровых технологий в РФ следует использовать принцип оптимизации: не отставать в значительной мере от ведущих трендов развития цифровых решений и их технических воплощений. Однако при выборе моделей их правового обеспечения необходимо разрабатывать пошаговые алгоритмы практического внедрения, ориентируясь на этико-гуманистическую экспертную оценку проектов и применение экспериментальных правовых режимов. **Выводы:** предложенный проект осмысленной цифровой модернизации в праве авторы называют «гуманистически ориентированной цифровизацией». Статья может быть полезна и рекомендована законодателю, правоприменителям, работникам и учащимся системы высшего юридического образования, экспертам и политикам.

Ключевые слова: цифровые технологии, право, искусственный интеллект, робот, гуманизм, этические нормы, правовой эксперимент.

Цитирование. Гаврилова Ю. А., Гаврилов Д. А., Калашникова Н. А. Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 105–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>

Введение

Информационные правоотношения возникают и развиваются вслед за модернизацией технико-технологической базы экономики, в период «больших вызовов» [4, с. 61]. На сегодняшний день процесс информатизации российского общества, можно полагать, в основном близок к завершению, и следующим этапом следует считать его цифровизацию. В самом общем виде цифровизация – это максимально предельная, как правило, в социально полезном направлении оптимизация работы человека с информацией. «Цифра» – это дуальный образ мира в сознании человека посредством конструкторов «0» и «1», «да» и «нет» и т. п.

Подчеркнем с одной стороны, что это новая эра освобождения человека от тотального господства материального начала в его жизнедеятельности, но с другой – упрощение образа сложного мира в человеческом восприятии может иметь негативные последствия и нести риски «переименования» господства

над человеком «материального» в «цифровое». Тем не менее, если в отношении общих принципов информатизации общества законодательство нашей страны продвинулось далеко, то в части цифровизации можно заметить, что в Российской Федерации лишь обозначены контуры правовых основ развития цифровых технологий [7, с. 41].

Правовая база цифровизации общества формируется в рамках информационных правоотношений. В первую очередь, конституционные основы развития информационных технологий определяют и основные векторы их совершенствования в цифровые технологии.

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г. (в ред. от 04.07.2020), закреплены:

- 1) право граждан на свободный поиск и распространение информации за изъятиями, определенными законом (ч. 4 и 5 ст. 29);
- 2) право на неприкосновенность и тайну частной и семейной жизни, тайну связи (ст. 23);

3) ограничение конституционных прав, в том числе вышеназванных в интересах общества и государства (ч. 3 ст. 55).

Право граждан на свободный поиск и распространение информации в эпоху цифровых технологий

Реализация данных нормативных положений осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 (далее – Закон об информации).

Правовое регулирование информации строится в Российской Федерации главным образом по функциональному признаку, когда в определенном правовом режиме наполняется юридическим смыслом правосубъектность специфических участников информационных правоотношений, таких как:

- 1) организаторы распространения информации: мессенджеры, социальные сети и т. п.;
- 2) оператор поисковой системы;
- 3) новостной агрегатор и т. п.

Оператор информационной системы обязан принимать все зависящие от него меры для обеспечения конфиденциальности информации и предупреждения неправомерных действий с ней: модификации, уничтожения, блокирования, распространения и т. д. (ст. 16 Закона об информации):

- 1) удаление неправомерно размещенной информации с информационного ресурса;
- 2) ограничение доступа к информационному ресурсу, информационно-телекоммуникационной сети, продолжающих распространять неправомерную информацию, к копиям заблокированных сайтов;

3) возложение принудительной обязанности подключиться к ФГИС ресурсов и сетей, доступ к которым ограничен, для мониторинга работы этих сайтов и обеспечения соблюдения запретов на владельцев сайтов в сети Интернет, предоставляющих доступ к ресурсам и сетям нарушителей, и операторов поисковой системы, которые выдают ссылки на них по запросам пользователей;

4) создание публичного реестра информационных ресурсов, содержащих запрещенную в РФ информацию, обслуживаемо-

го Роскомнадзором или уполномоченными организациями.

Несмотря на довольно подробную регламентацию в Законе об информации всех вышеназванных процедур, остается еще много проблемных вопросов.

Например, в процессе реализации новых цифровых прав необходимо соблюдать права на интеллектуальную собственность, так как одно конституционное право не может осуществляться в ущерб другому. Поэтому назрели пересмотр и унификация законодательных стандартов государств-участников ЕАЭС в целях преодоления барьеров для евразийской интеграции [6, с. 16].

Главная проблема, на наш взгляд, – это коллизия базовых ценностей свободы слова и распространения информации и общественных интересов по противодействию экстремизму и терроризму. Она вызвана возможными трудностями по разграничению публичного и частного в реализации ст. 29 Конституции РФ с учетом пределов действия ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в информационной среде. Цель правоограничительных мер в адрес организаторов распространения информации – усилить охрану конституционного строя и общественной безопасности от актов информационного экстремизма и терроризма. Следовательно, ограничение прав граждан федеральным законом и расширение полномочий специальных органов в сфере информационной безопасности должны быть соразмерными, но поиск такой соразмерности *defacto* требует исключительно взвешенного и обдуманного подхода.

При установлении обязанности организаторов распространения информации и новостных агрегаторов хранить данные об электронных сообщениях пользователей в течение определенного периода времени рассматривались доводы о том, что реализация этих мер потребует больших затрат на приобретение сверхсовременного оборудования и строительство хранилищ данных, исчисляемых терабайтами, возложения их на операторов связи. Однако ажиотажный спрос на данную технику постепенно снизился. При этом стало очевидно, что увеличение цен на услуги связи зависит от множества других факторов, а не только определяется отсутствием бюджетной составляющей финансирования хранения данных.

Оппонентами приводился пример директивы 2006/24/ЕС о хранении метаданных от 6 до 24 месяцев, которая отменена решением Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 08.04.2014 № 54/14. Вместе с тем следует признать необоснованными утверждения о посягательствах на свободу информации в РФ по причине их всеобщности и отрыва от национального контекста.

Отметим, что решение ЕСПЧ мотивировано провокацией массового наблюдения и появления у абонентов длительного чувства тревоги из-за вмешательства в их личную жизнь и персональные данные. ЕСПЧ исходил из идеи о безусловном верховенстве либеральных прав и свобод, составляющих суть верховенства права и демократии в европейской культуре. Российский законодатель применяет другую модель баланса личной свободы и общественных интересов, руководствуясь тем, что последствия реально совершенных актов экстремизма и терроризма посредством использования информационного пространства несоразмерны и кратно могут превышать риски нарушения свободы слова.

В этой связи выскажем точку зрения, что свобода информации, рассматриваемая как конституционно значимая ценность, и выбранные для ее защиты способы нормативной регламентации не должны создавать смысловые расхождения между общественными интересами и правами личности. Соблюдение конституционного права на свободу информации реализуется органично в условиях урегулированного надлежащим образом порядка оборота информации, защиты публичных интересов, поскольку свобода не может быть отделена от процедур ее реализации.

Право на неприкосновенность и тайну частной и семейной жизни, тайну связи в цифровом пространстве

Наряду с Законом об информации, конституционное право на неприкосновенность частной и семейной жизни, тайну сообщений гарантируется Федеральным законом «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 (далее – Закон о персональных данных).

Указанным Законом к персональным данным отнесены любые сведения о гражда-

нине, что сформулировано чрезмерно широко. Однако в данном случае лучше более надежный правовой заслон поставить для манипуляций с персональными данными, к которым обычно относят идентификационные сведения: паспортные данные, уникальные номера налогового учета, социального и медицинского страхования, состав семьи и некоторые другие сведения.

Общий принцип применения Закона – получение согласия субъекта персональных данных на их обработку. Исключение (без согласия) составляют строго оговоренные Законом случаи: участие в рассмотрении судебных дел и исполнении судебных актов, в трудовых, социальных и пенсионных правоотношениях и т. п.

В практике применения Закона о персональных данных есть также немало затруднений. Одним из самых известных можно назвать, например, понятие тайны сообщений. В доктрине и законодательстве соответствующее понятие не сформулировано. В этой связи в судебной практике сложились два диаметрально противоположных подхода к его трактовке: 1) сами сообщения (количество, продолжительность соединений и т. д.); 2) содержание сообщений (о чем конкретно общался подозреваемый или обвиняемый с родственниками, соучастниками и пр.). От решения данного вопроса зависят пределы ограничений конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Эта проблема имеет ключевое значение на современном этапе развития информационных технологий, а еще более возрастет ее значимость в период становления цифровых технологий, использующих новые способы кодирования / декодирования информации. Это относится, разумеется, и к криминалистическим методикам расследования преступлений в новом цифровом обществе.

Оказание публичных услуг в период цифровизации

Информационные правоотношения широко развиваются в публичном праве между государственными, муниципальными органами, подведомственными им организациями, с одной стороны, а также юридическими и физическими лицами-заявителями, с другой. Данная сфера деятельности публичной влас-

ти регламентируется Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ от 27.07.2010 (далее – Закон о государственных и муниципальных услугах). Обращение гражданина в устной или письменной форме к органу власти постепенно переходит в цифровое измерение, что связано со многими причинами, например, снижения коррупционной нагрузки на граждан и бизнес [8, с. 77–82]. Для предоставления государственных и муниципальных услуг создается и ведется Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ).

Основными проблемами реализации Закона о государственных и муниципальных услугах всегда были и остаются вопросы об их перечнях и способах оказания, ибо:

1) не все публичные услуги по правовой природе могут оказываться в электронной форме (утверждаются и периодически обновляются реестры государственных и муниципальных услуг);

2) в текущей стадии развития информационных технологий оговорено оказание государственных и муниципальных услуг через специализированные многофункциональные центры по их предоставлению (МФЦ) либо непосредственно при обращении к государственному, муниципальному органу.

Соответственно можно отметить тенденцию постоянного расширения объема публичных услуг, оказываемых в электронной форме органами власти по принципу «одного окна». Нормативными документами утверждаются и регулярно пересматриваются целевые показатели (в процентах от общего объема услуг) перехода соответствующего ведомства на «электронные» услуги.

Совершенствуются процедуры оказания публичных услуг. По достаточному количеству услуг переведен на электронный формат и процесс, и результат их оказания (например, справка об отсутствии судимости). Процесс оказания определенных услуг осуществляется в электронной форме через ЕПГУ. Результат их оказания (юридически значимый документ) выдается при личном обращении в уполномоченный административный орган или МФЦ: водительские права, паспорт гражданина РФ и др.

Некоторые публичные услуги требуют повышенных правовых гарантий безопасности граждан и организаций, минимизации системных рисков, в частности, цифровой оборот недвижимости [1, с. 3–5]. Остро ощущается необходимость системной корреляции цифровых объектов и цифровых прав, уточнения статуса цифровой валюты в современный «санкционный» период и т. п. [3, с. 155, 156].

Полный цифровой вариант оказания этих услуг будет возможен после разработки эффективного правового регулирования, безопасного программного обеспечения и выпуска в обращение цифровых водительских прав, цифровых удостоверений личности, иных документов, содержащих биометрические данные и т. п.

Правовые проблемы развития робототехники и искусственного интеллекта

О необходимости правового регулирования внедрения в жизнь человека и общества робототехники и систем искусственного интеллекта в настоящее время остро дискутируют ученые разных отраслей знания на научных площадках.

Особенность развития этих цифровых технологий состоит в их рисковом характере, почти полной непредсказуемости последствий и неопределенности их влияния на судьбу человека и эволюцию современного информационного общества [5, с. 16]. Основная дилемма, стоящая перед законодателями и иными заинтересованными лицами, заключена в требованиях совместить научно-технический прогресс с его «тонким» правовым обеспечением, что целесообразно путем введения не только этико-правовой регуляции, но и проведения предварительной гуманитарной экспертизы этих законопроектов в гражданском обществе (внедрение механических устройств в человеческое тело – хрестоматийный пример).

Указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» № 490 от 10.10.2019 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее – Стратегия).

Однако вряд ли можно согласиться с утверждениями разработчиков Стратегии о процедурах упрощенного тестирования и внедрения в юридическую практику технологий искусственного интеллекта. К тому же какие решения, принятые искусственным интеллектом, могут ущемлять права и законные интересы граждан (оценочное суждение) не ясно, а также какие из них способны повлиять на функционирование систем безопасности человека, общества и государства не определено (п. 49 Стратегии).

На наш взгляд, использование экспериментальных правовых режимов обращения технологий и решений на базе искусственного интеллекта заключено не в упрощении и скорости их внедрения в практику, а в осторожной экспертной оценке, исходя из гуманистических критериев, установленных Конституцией РФ. Этика взаимоотношений человека и искусственного интеллекта не должна принципиально отличаться от гуманистической этики, направленной на сохранение жизни и естественной природы человека. Именно последняя и должна определять содержательный смысл нового цифрового правового регулирования.

Распоряжением Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020 утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (далее – Концепция).

Концепция провозглашает человеко-ориентированную и риск-ориентированную модели взаимоотношения человека и роботизированной техники при введении экспериментальных правовых режимов. Более продуктивным выглядит механизм экспертного участия в обсуждении ключевых вопросов повестки Концепции: комплексная оценка социально-экономических, научно-технологических и гуманитарных рисков наступления последствий воздействия техники на человека, бизнес и общество, государство; сочетание обоснованных научных исследований с широким обсуждением в экспертных кругах гражданского общества. Очевидно, что разработку робототехники, умышленно причиняющей вред жизни и здоровью человека, надо не ограничивать, а запрещать (гл. 3 Концепции).

В связи с этим возникает еще одна философско-правовая проблема: зачем человеку робот и искусственный интеллект в правовом регулировании, в частности, в уголовном судопроизводстве? Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (с изм. и доп.) предусматривает лишь понятия «электронный носитель информации», признанный или не признанный в качестве вещественного доказательства (ст. 81.1, 82 и др.), а также «электронное средство контроля за соблюдением обвиняемым или подозреваемым запретов» (ст. 105.1).

Цифровизация уголовного судопроизводства связана с новыми конструкциями «электронного уголовного дела», «электронных процессуальных действий», «электронного расследования», «электронного правосудия» и т. п. Однако концепция «электронного уголовного дела», предполагающая «встраивание» системы искусственного интеллекта в процедуру приема регистрации, направления сообщений о преступлениях по подследственности, не означает утрату полного контроля человека над действиями машины. Принципиально, что дознаватель или следователь должен выступать «модератором» этого процесса, а не участником или статистом.

Тем не менее очевидно, что искусственный интеллект незаменим в процессе расследования финансовых мошенничеств и хищений: для анализа поведения программ-вымогателей, направленных на сбор персональных данных, их перемещение в даркнет и незаконную продажу, использование неавторизованных сервисов для легализации «грязной» криптовалюты и пр. [2, с. 66].

Ключевую роль приобретает обеспечение информационной безопасности при перспективном хранении цифровых сканированных образов электронных носителей информации, изъятых в ходе следственных действий, и копировании с них данных. Ведь предъявить и использовать «цифровое» вещественное доказательство довольно проблематично. Правовое регулирование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве должно приводить к достижению целей и предназначения уголовного процесса: защита прав потерпевших от преступлений и защита прав обвиняемых от необоснованного осуждения. Доказательств

того, что эти задачи будут эффективно решаться искусственным интеллектом, сегодня наукой еще не собрано.

Выводы

Таким образом, защита конституционных прав граждан в период цифровизации российского общества осуществляется в тесной связи и зависимости от соблюдения общественных интересов. При этом общественный интерес во внедрении автоматизированных цифровых технологий состоит в максимальной защите личности от негативных рисков их воздействия.

Правовые основы развития цифровых технологий в РФ должны базироваться не только на существующих информационных технологиях, но и самостоятельно формироваться в рамках модели «гуманистически ориентированной цифровизации», основанной на идеях этической экспертизы и экспериментальных правовых режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев, В. А. Имущественные комплексы и цифровые технологии: направления и границы совершенствования публичных реестров / В. А. Болдырев, А. А. Новоселова // Правовые вопросы недвижимости. – 2022. – № 1. – С. 3–9.

2. Зайцев, А. К. Экономические преступления с использованием цифровых технологий / А. К. Зайцев, В. В. Матвеев // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2022. – № 1 (37). – С. 63–81.

3. Инжиева, Б. Б. Влияние цифровых технологий на правовое регулирование гражданского оборота / Б. Б. Инжиева // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3 (166). – С. 155–158.

4. Кононенко, Д. В. «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений / Д. В. Кононенко // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 58–65. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10

5. Корнев, А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации / А. В. Корнев // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 9 (130). – С. 11–20.

6. Лопатин, В. Н. Цифровые права и цифровые технологии в цифровой экономике / В. Н. Лопатин // Информационное право. – 2021. – № 4. – С. 14–17.

7. Минбалеев, А. В. Проблемы правового регулирования цифровых технологий / А. В. Минбалеев // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2 (8). – С. 41–43.

8. Попова, С. А. Применение цифровых технологий в борьбе с коррупцией / С. А. Попова // Российский правовой журнал. – 2021. – № 3 (8). – С. 75–87.

REFERENCES

1. Boldyrev V.A., Novoselova A.A. Imushhestvennye kompleksi cifrovye tehnologii: napravleniya i granicy sovershenstvovaniya publicnyh reestrov [Property Complexes and Digital Technologies: Directions and Boundaries of Improvement of Public Registers]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti* [Legal Issues of Real Estate], 2022, no. 1, pp. 3-9.

2. Zaitsev A.K., Matveev V.V. Jekonomicheskie prestupleniya s ispol'zovaniem cifrovyyh tehnologij [Economic Crimes Using Digital Technologies]. *Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie* [National Security and Strategic Planning], 2022, no. 37 (1), pp. 63-81.

3. Injjeva B.B. Vlijanie cifrovyyh tehnologij na pravovoe regulirovanie grazhdanskogo oborota [The Impact of Digital Technologies on the Legal Regulation of Civil Turnover]. *EvrAzijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 3 (166), pp. 155-158.

4. Kononenko D.V. «Bol'shie vyzovy» kak faktor transformacii gosudarstvenno-pravovyh otnoshenij [“Big Challenges” as a Factor of Transformation of State-Legal Relations]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 58-65. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10

5. Kornev A.V. Cifrovye tehnologii, pravovye riski i problema ih minimizacii [Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of Their Minimization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol.16, no. 9 (130), pp. 11-20.

6. Lopatin V.N. Cifrovye prava i cifrovye tehnologii v cifrovoj jekonomike [Digital Rights and Digital Technologies in the Digital Economy]. *Informacionnoe pravo* [Information Law], 2021, no. 4, pp. 14-17.

7. Minbaleev A.V. Problemy pravovogo regulirovaniya cifrovyyh tehnologij [Problems of Legal Regulation of Digital Technologies]. *Pravo i cifrovaja jekonomika* [Law and Digital Economy], 2020, no. 2 (8), pp. 41-43.

8. Popova S.A. Primenenie cifrovyyh tehnologij v bor'be s korrupciej [Application of Digital Technologies in the Fight Against Corruption]. *Rossijskij pravovoj zhurnal* [Russian Legal Journal], 2021, no. 8 (3), pp. 75-87.

Information About the Authors

Yulia A. Gavrilova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, prosp. Universitetsky, Volgograd, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilo_{va}_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Dmitry A. Gavrilov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilo_{vd}a@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9876-5583>

Nina A. Kalashnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kalashnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-0390>

Информация об авторах

Юлия Александровна Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, пр. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilo_{va}_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Дмитрий Анатольевич Гаврилов, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, пр. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilo_{vd}a@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9876-5583>

Нина Александровна Калашникова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, пр. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kalashnikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4072-0390>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.16>

UDC 346
LBC 67.408

Submitted: 23.08.2022
Accepted: 20.09.2022

THE CORPORATE NATURE OF JOINT ECONOMIC ORGANIZATIONS OPERATING IN THE USSR

Tatiana K. Krasilnikova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the paper examines the forms of participation of Soviet organizations and enterprises in joint economic associations both outside the USSR and within its territory. The author notes that the determination of the legal status of joint economic organizations in the USSR was based on the stable legislative precedents that developed in the early 20s of the twentieth century. In modern conditions of constantly expanding comprehensive mutual cooperation between countries, it is important to use the experience of creating joint organizations, enterprises, firms of various economic integration, one of the forms of connecting their national resources and the closest direct interaction in the field of material production in the interests of each of the contracting countries. The **purpose** of the work is to conduct a scientific analysis of the corporate nature of joint ventures as one of the forms of integration of economic resources of countries involving the USSR. **Methods:** using the method of system analysis, on the basis of the regulations and the practice of their application, the main legal problems arising during the creation and operation of joint ventures are analyzed. **Results:** in the course of the study, the theoretical and practical problems are identified that are directly related to the legal regulation of the creation and operation of joint economic organizations with other countries within the territory of the USSR. The author identifies the existing gaps in the legislation of the USSR. Thus, nowhere was it stipulated in which areas of the economy joint ventures involving foreign capital could be created. Meanwhile, in all countries of the world, this plan contained certain restrictions. In addition, neither in the special legislation nor in the norms to which it directly or indirectly refers, a full definition of the legal status of the joint venture is given. The indications that joint ventures are legal entities and the principles of their responsibility are only elements of the status, but they are not yet the status itself. **Conclusions:** joint ventures had a traditional model of a trading partnership and a company in their several modifications. For all forms, the recognition of this economic organization as a legal entity of civil law of the USSR, its economic isolation and the inclusion of such an organization in the general system of the economic mechanism of the USSR was common.

Key words: joint economic organizations, corporations, joint-stock companies, interdepartmental international agreements, fiduciary property.

Citation. Krasilnikova T.K. The Corporate Nature of Joint Economic Organizations Operating in the USSR. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 113-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.16>

КОРПОРАТИВНАЯ ПРИРОДА СОВМЕСТНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В СССР

Татьяна Константиновна Красильникова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются формы участия советских организаций и предприятий в совместных хозяйственных объединениях как за пределами СССР, так и на его территории. Автор отмечает, что определение правового статуса совместных хозяйственных организаций в СССР основывалось на устойчивых законодательных прецедентах, сложившихся еще в начале 20-х гг. XX века. В современных условиях постоянно расширяющегося всестороннего взаимного сотрудничества стран важно использовать опыт создания совместных организаций, предприятий, фирм разной экономической интеграции, одной из форм соединения их национальных ресурсов и наиболее тесного непосредственного взаимодействия в сфере материального производства в интересах каждой из договаривающихся стран. **Целью работы** является проведение научного анализа корпоративной природы совместных предприятий как одной из форм интеграции экономических ресурсов стран с участием СССР. **Методы:** с помощью метода системного анализа, на основе нормативных актов и практики их применения рассмотрены основные правовые проблемы, возникающие при создании и деятельности совместных предприятий. **Результаты:** в процессе исследования выявлены теоретические и практические проблемы, которые были непосредственно связаны с правовым регулированием создания и деятельности на территории СССР совместных с другими странами хозяйственных организаций. Автор выявляет имеющиеся пробелы в законодательстве СССР. Так, нигде не было оговорено, в каких сферах экономики могут создаваться совместные предприятия с участием иностранного капитала. Между тем во всех странах мира в этом плане содержались определенные ограничения. Кроме того, ни в специальном законодательстве, ни в нормах, к которым оно прямо или косвенно отсылает, не было дано полного определения правового статуса совместного предприятия. Указания на то, что совместные предприятия являются юридическими лицами, на принципы их ответственности составляют лишь элементы статуса, но еще не сам статус. **Выводы:** совместные предприятия имели традиционную модель торгового товарищества и общества в их нескольких модификациях. Для всех форм общим являлось признание данной хозяйственной организации в качестве юридического лица гражданского права СССР, его хозяйственной обособленности и включение такой организации в общую систему хозяйственного механизма СССР.

Ключевые слова: совместные хозяйственные организации, корпорации, акционерные общества, межведомственные международные договора, фидуциарная собственность.

Цитирование. Красильникова Т. К. Корпоративная природа совместных хозяйственных организаций, действующих в СССР // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 113–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.16>

Введение

Законодательное регулирование порядка создания совместных (смешанных) с иностранными участниками хозяйственных организаций было отнюдь не новеллой в советском праве 70–80 гг. XX века. Свое правовое закрепление эта идея получила еще в законодательстве 20-х гг. в декрете ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР» [2, с. 423]. Иностранные юридические лица приобретали право на осуществление на территории РСФСР определенной деятельности (в том числе, очевидно, и

право на участие в смешанных обществах) только по специальному разрешению Совета народных комиссаров. Эта норма была затем подтверждена Постановлением ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» от 31 октября 1922 г. [7, с. 904].

Правовые формы совместных предприятий, действующих в СССР

Специальными законодательными актами 20-х гг. по вопросам организации и деятельности смешанных предприятий (обществ) на

территории СССР, подтвердившими и законодательно закрепившими уже сложившийся в советской практике разрешительный порядок создания таких предприятий и обществ в СССР, явились принятые 17 августа 1927 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об утверждении Положения об акционерных обществах» и само Положение об этих обществах. Положение 1927 г. исходило из того, что основным правовым актом, определявшим статус акционерных обществ в СССР, был устав общества.

Акционерными обществами с участием иностранного капитала признавались те, в учреждении которых принимали участие иностранные физические и юридические лица или общества. Утверждение уставов таких обществ производилось Советом народных комиссаров СССР (далее – СНК СССР). Смешанные акционерные общества с участием иностранного капитала действовали на общих основаниях, установленных для государственных акционерных обществ СССР, с изъятиями, предусмотренными в законе [5, с. 79].

Положение об акционерных обществах 1927 г. оставалось действующим нормативно-правовым актом в течение 35 лет и было отменено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1962 г. в связи с отменой других законоположений, признанных утратившими силу вследствие издания Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., не содержащих нормы относительно смешанных акционерных обществ.

Как известно, в условиях социалистического строительства в СССР в предвоенный период и последующие годы совместные (смешанные) акционерные предприятия (общества) на территории СССР не получили развития. В то же время Советский Союз и в тот период, и позднее участвовал в таких предприятиях в целом ряде дружественных стран, оказывая им помощь в развитии народного хозяйства, в подготовке кадров и т. д.

По своей экономической сущности совместная или смешанная хозяйственная организация (предприятие) стран – это форма производственной, научно-производственной и другой хозяйственной корпорации, однако, несомненно, гораздо более сложная

форма, чем обычная корпорация такого рода между отечественными предприятиями, т. к. несмотря на юридическую принадлежность к отечественной системе права, смешанная организация (предприятие) была непосредственно связана с международной производственной и иной кооперацией. Совместную хозяйственную организацию характеризовало наличие таких элементов, как общее имущество, совместное управление и, наконец, совместное участие в распределении прибылей и убытков.

Юридическая конструкция совместной хозяйственной организации была достаточно сложной. Это прежде всего организация национального, а не международного права, хотя и была она создана на основе международного договора [4, с. 227]. Однако это не обычная национальная организация, а национальная организация с наличием иностранного элемента, учрежденная межправительственным (межгосударственным) договором, с отдельными изъятиями из статуса национальной организации, устанавливаемыми международным договором, и с подчиненностью непосредственно государствам, создавшим совместную организацию в лице их компетентных национальных органов [8, с. 22].

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке осуществления деятельности на территории СССР совместных хозяйственных организаций СССР и других стран – членов СЭВ» от 26 мая 1983 г., решил основные, довольно продолжительное время являющиеся дискуссионными в советской и зарубежной литературе вопросы, связанные с созданием совместных хозяйственных организаций, с определением их экономической и правовой природы, характера и формы собственности на имущество, принципов управления организациями.

Совместные хозяйственные организации создавались на территории Советского Союза на основе соглашений между советским правительством и правительствами других стран для осуществления хозяйственной деятельности.

Постановлением Совета Министров СССР «О порядке внесения предложений о создании на территории СССР совместных хозяйственных организаций СССР и других

стран – членов СЭВ» вводилось правило, по которому инициатива создания на территории СССР таких организаций могла исходить как от союзных министерств, так и от Советов Министров союзных республик, при согласовании с Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и соответственно с Министерством внешней торговли или Государственным комитетом СССР по внешним экономическим связям. Такого рода предложения вносились в Совет Министров СССР.

Остановимся на вопросе об участниках совместных хозяйственных корпораций. Указ от 26 мая 1983 г. имел в виду только страны – члены Совета экономической взаимопомощи (далее – СЭВ). Данный указ регулировал порядок организации и деятельности совместных хозяйственных корпораций, учрежденных на основании межправительственных соглашений. На основании межведомственных международных договоров, а тем более путем заключения хозяйственных договоров совместные хозяйственные организации создаваться не могли. Это положение прямо вытекало из смысла ст. 1 Указа. В отношении числа участников совместных хозяйственных организаций, Указ не содержал никаких ограничений, поэтому следовало признать, что такого рода организации могли быть созданы в СССР как на двусторонней, так и на многосторонней основе [10, с. 372–373].

Указом не определялись сферы деятельности создаваемых совместных хозяйственных организаций. Очевидно, что они могли быть созданы в любой области народного хозяйства, определяемой по договоренности между правительствами договаривающихся государств. Это подтверждается и постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1983 г., также не ограничивающим сферы осуществления деятельности совместных хозяйственных организаций. Необходимым условием являлось, согласно ст. 4 Указа, наличие хозяйственной деятельности, которой должна заниматься совместная организация.

Указ не определял ни конкретных правовых форм совместных хозяйственных объединений, ни числа руководящих должностей в организации или размеров дивидендов для страны, где создана организация, ни долевого участия (размеров капитала) стран. В рам-

ках деятельности многих стран совместные хозяйственные организации на их территориях уже длительное время успешно функционировали в формах различных международных объединений. С учетом этой практики можно предположить, что такие организации в СССР также могли быть созданы в самых различных правовых формах, а конкретизация долевого участия стран в них должна была быть дана в соответствующих международных договорах об учреждении совместных организаций.

Данная хозяйственная организация признавалась в качестве юридического лица гражданского права СССР, имела хозяйственную обособленность и была включена в общую систему хозяйственного механизма СССР. Вместе с тем отличительной особенностью совместной хозяйственной организации в СССР, несомненно, была ее определенная организационная автономность. Она не могла входить в систему ни одного из хозяйственных министерств СССР, хотя определенные организационные связи с соответствующим отраслевым министерством одинакового профиля у нее были (например, в области материально-технического снабжения, сбыта, экспорта и импорта и т. д.). Ввиду планового характера социалистической экономики как единого народнохозяйственного комплекса результаты деятельности совместной хозяйственной организации не могли не получать отражения и в народнохозяйственных планах.

Совместное предприятие имело свободу выбора вне пределов СССР контрагентов по экспортным и импортным операциям и по связанным с ними расчетным, страховым и иным сделкам [9, с. 140]. Из этого было сделано единственное исключение. Законодатель устанавливал разрешительный порядок получения совместным предприятием кредита в иностранных банках и фирмах [3, с. 29]. Поэтому для заключения таким предприятием сделок с иностранным банком или фирмой (включая и те, которые имели представительство в СССР), опосредствующих получение кредита, было необходимо согласие Внешэкономбанка СССР [6, с. 45–46].

Кроме того, советское предприятие или организация могли учреждать за границей в установленном порядке собственные смешан-

ные фирмы (акционерные общества, товарищества и т. п.) и их доля рассматривалась согласно законодательству многих стран как доля, принадлежащая не советскому государству, а советскому участнику – юридическому лицу на праве собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая ответственность по обязательствам всем своим имуществом.

Право собственности на имущество совместного предприятия

Принципиальной правовой проблемой совместных хозяйственных организаций являлась проблема права собственности на их имущество. Имущество такого рода организаций признавалось общей собственностью стран-участниц и передавалось в оперативное управление совместных организаций.

Общая собственность разделялась между сособственниками (в данном случае – государствами) по принципу долевого участия. Следует отметить, что в некоторых договорных актах общая собственность совместных хозяйственных организаций именовалась совместной собственностью. Это не совсем юридически точное выражение. Применительно к понятиям, введенным Указом от 26 мая 1983 г., в таких случаях имелась в виду общая социалистическая собственность на имущество совместных организаций.

В тесной связи с правом собственности на имущество совместных организаций находился и вопрос об оперативном управлении данным имуществом. Как известно, право оперативного управления, которое было введено Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1962 г., сначала распространялось только на государственную собственность. Другие виды социалистической собственности правом оперативного управления не охватывались.

Многие аспекты статуса имущества совместных хозяйственных организаций весьма обстоятельно были исследованы И.А. Грингольцем [1, с. 24–32]. Вполне обоснованно, например, его мнение о том, что право совместной организации на закрепленное за ней имущество «нельзя свести к праву оперативного управления», что это – новое правовое

явление, как и категория общей собственности государств на имущество совместных хозяйственных организаций и некоторые другие правовые категории, связанные с созданием и деятельностью совместных организаций, на которые он указывал в своих трудах. Для обоснования своих теоретических выводов И.А. Гринголец, как нам представляется, плодотворно использовал понятие фидуциарной собственности, в результате чего пришел к заключению, что право совместной (международной) хозяйственной организации на закрепленное за ней имущество отвечает общим признакам фидуциарной собственности, что это самостоятельный вид последней. Однако вряд ли можно признать более или менее полно отвечающим сущности этой новой правовой категории предложенный И.А. Грингольцем, хотя и условно, термин «право целевой собственности», поскольку он, по нашему мнению, не отражал специфику права совместных организаций (да и не только их) на управление закрепленным за ними имуществом.

Возникшая в других исторических условиях, выросшая на совершенно иной социальной и экономической почве правовая категория фидуциарной собственности могла быть использована только в преобразованном, социально трансформированном виде. Такое использование категорий фидуциарной собственности применительно к проблеме собственности совместных хозяйственных организаций позволяло преодолеть определенное несоответствие между правомочиями собственника и правом совместных хозяйственных организаций по оперативному управлению имуществом, проявляющееся, например, при международной купле-продаже имущества (товаров) с переходом права собственности, когда фактически не собственник отчуждал имущество в собственность покупателя или приобретал имущество в общую собственность государств – участников совместной корпорации, а не в свое оперативное управление. Право оперативного управления имуществом предполагало производную от государственной собственности конкретную совместной хозяйственной организации на закрепленное за ней имущество, дающее ей возможность на условиях, установленных для собственников в отношении третьих лиц, возмож-

ность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом данной совместной хозяйственной организации.

Правительство СССР предоставляло совместным хозяйственным организациям земли, недра, воды и леса как в платное, так и в бесплатное пользование. СССР могло включать капитализированную плату за землю (недра, леса, воды) в качестве вклада в уставный фонд совместного общества, что широко применялось в международной практике других государств.

Выводы

Совместные предприятия необходимо рассматривать в качестве корпорации как коллективного образования, построенного на членстве хозяйственных организаций двух или более стран в целях осуществления совместной хозяйственной деятельности. Участники таких образований являлись субъектами права различных государств. Не умаляя значения попыток создать унифицированное международное регулирование, на основе которого могли быть выработаны лишь некоторые основные принципы, следует подчеркнуть, что без специального внутреннего законодательства совместные предприятия существовать не могли.

Совместное предприятие обладало обособленным имуществом, создаваемым за счет первоначальных вкладов участников и полученных самим совместным предприятием доходов, действовало на началах хозяйственного расчета и являлось юридическим лицом по законодательству страны его местонахождения.

В качестве участников выступали одно или несколько советских предприятий (объединений или других организаций), являющихся юридическими лицами, и одна или несколько иностранных фирм, являющихся юридическими лицами. Законодатель требовал, чтобы доля советской стороны в уставном фонде совместного предприятия должна составлять не менее 51 %.

Такие предприятия имели право самостоятельно осуществлять экспортные и импортные операции. Важнейшее значение имело то положение, которое занимало совмест-

ное предприятие в народном хозяйстве СССР. Так органы государственной власти не устанавливали для них обязательные плановые показатели.

Анализ всей совокупности правовых актов, относящихся к организации и деятельности совместных предприятий в разных странах свидетельствует о том, что такое предприятие, будучи новой формой экономического сотрудничества, в правовом аспекте не представляло собой принципиального новшества, укладываясь в традиционную модель торгового товарищества и общества в их нескольких модификациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грингольц, И. А. Международные хозяйственные организации в странах – членах СЭВ (Теория и практика правового регулирования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1977. – 21 с.
2. Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 36. – Ст. 423.
3. Демченко, С. Ф. Совместные предприятия: правовая защита имущества, прав и интересов / С. Ф. Демченко, С. Э. Острович. – Киев : Лыбидь, 1991. – 67 с.
4. Иншакова, А. О. Международное частное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. О. Иншакова. – М. : Юрайт, 2017. – 396 с.
5. Красильникова, Т. К. Совместное предприятие и международные хозяйственные объединения в системе советского права / Т. К. Красильникова // Образование и право. – 2018. – № 12. – С. 78–83.
6. Миронов, Н. В. Правовой статус совместных хозяйственных организаций социалистических стран – членов СЭВ на территории СССР / Н. В. Миронов // Советское государство и право. – 1984. – № 3. – С. 43–51.
7. Постановлением ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» от 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904.
8. Санников, А. Г. Совместные предприятия в СССР: опыт и проблемы / А. Г. Санников ; под ред. В. Г. Киевского. – М. : ВНИИПИ. – 1990. – 53 с.
9. Смирнова, Е. Е. Совместные предприятия: закономерности возникновения и перспективы развития / Е. Е. Смирнова, Н. В. Хвальнская. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 163 с.

10. Совместные предприятия, международные объединения и организации на территории СССР: Нормативные акты и комментарии / отв. ред. Г. Д. Голубов. – М. : Юрид. лит., 1988. – 638 с.

REFERENCES

1. Gringol'c I.A. *Mezhdunarodnye hozyajstvennye organizacii v stranah – chlenah SEV (Teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya): Avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [International Economic Organizations in the Countries – Members of the CMEA (Theory and Practice of Legal Regulation). Cand. jurid. sci. abs. diss], Moscow, 1977. 21 p.

2. Dekret VCIK ot 22 maya 1922 g. «Ob osnovnyh chastnyh imushchestvennyh pravah, priznavaemyh RSFSR» [On the Basic Private Property Rights Recognized by the RSFSR]. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1922, no. 36, art. 423.

3. Demchenko S.F., Ostrovich S.E. *Sovmestnye predpriyatiya: pravovaya zashchita imushchestva, prav i interesov* [Joint Ventures: Legal Protection of Property, Rights and Interests], Kiev, Lybid', 1991. 67 p.

4. Inshakova A.O. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnyk i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [International Private Law: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree], Moscow, Yurajt Publ., 2017. 396 p.

5. Krasil'nikova T.K. *Sovmestnoe predpriyatie i mezhdunarodnye hozyajstvennye ob'edineniya v sisteme sovetskogo prava* [Joint Venture and

International Economic Associations in the System of Soviet Law]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2018, no. 12, pp. 78-83.

6. Mironov N.V. *Pravovoj status sovместnyh hozyajstvennyh organizacij socialisticheskikh stran – chlenov SEV na territorii SSSR* [Legal Status of Joint Economic Organizations of Socialist Countries – Members of the Council for Mutual Economic Assistance on the Territory of the Ussr]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1984, no. 3, pp. 43-51.

7. *Postanovleniem VCIK «O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» ot 31 oktyabrya 1922 g.* [On the Enactment of the Civil Code of the RSFSR]. *Sobranie zakonov RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1922, no. 71, art. 904.

8. Sannikov A.G. *Sovmestnye predpriyatiya v SSSR: opyt i problemy* [Joint Ventures in the Ussr: Experience and Problems]. Moscow, VNIPI Publ., 1990. 53 p.

9. Smirnova E.E., Hvalynskaya N.V. *Sovmestnye predpriyatiya: zakonmernosti vozniknoveniya i perspektivy razvitiya* [Joint Ventures: Patterns of Origin and Development Prospects]. Moscow, Izd-vo MGU, 1988. 163 p.

10. Golubov G.D., ed. *Sovmestnye predpriyatiya, mezhdunarodnye obyedineniya i organizacii na territorii SSSR: Normativnye akty i kommentarii* [Joint Ventures, International Associations and Organizations on the Territory of the Ussr: Normative Acts and Comments], Moscow, YUrid. lit. Publ., 1988. 638 p.

Information About the Author

Tatiana K. Krasilnikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, kun_krasilnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5869-5859>

Информация об авторе

Татьяна Константиновна Красильникова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, kun_krasilnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5869-5859>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.17>

UDC 347.451.031
LBC 67.404.2

Submitted: 07.09.2022
Accepted: 10.10.2022

ON THE ISSUE OF “CONCLUDING A CONTRACT” IN THE PROJECTION OF THE PERCEPTION OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE PRE-REVOLUTIONARY, SOVIET AND MODERN PERIODS

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the issue of concluding a contract, as a non-momentary process, regulated by the general norms of the civil legislation of the Russian Federation (Article 432 of the Civil Code of the Russian Federation), is still debatable in both scientific and practical terms. Such a phenomenon is caused by the absence in the legislation and the lack of consolidation of the dynamics of the stages of concluding a civil contract as a single process, whose end result is perfection (the effective time of the contract), which generates the emergence of mutually defined rights and obligations of the parties to the contract. The identification of modern trends, the analysis of the development of the science of civil law on the issues of the dynamic process of concluding a contract, the disclosure of the imperfections of modern formulations of the civil legislation is the **purpose** of the study. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization and comparative jurisprudence. **Results:** the study analyzes the pre-revolutionary, Soviet and modern understanding of the civil legislation provisions for the concluding a contract, in particular, determining the time of its conclusion and the emergence of the rights and obligations of the parties. The revealed doctrinal understanding of the time of concluding a contract, set out in the results of the scientific research of civilists of various periods, allowed us to find that the process of concluding a civil contract is a stepwise process. At various stages of its conclusion, the roles of the parties have specificity due to the time of the will of the party entering into the transaction. **Conclusions:** the scientific theses on the conclusion of a civil contract, formulated by pre-revolutionary and Soviet civil law, at the present stage of development of the economic system, introducing more and more means and technologies of information and communication interaction, do not have relevance for current participants in civil turnover. The author has formulated the proposals for the modernization of the civil legislation of the Russian Federation aimed at leveling the issues of the stages of concluding a contract, and reflecting its ultimate goal – the time of entry into force of the contract (perfection).

Key words: civil contract, concluding a contract, stages of contracting, offer, acceptance, perfection.

Citation. Belova O.A. On the Issue of “Concluding a Contract” in the Projection of the Perception of Contractual Relations in the Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Periods. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 120-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.17>

УДК 347.451.031
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 07.09.2022
Дата принятия статьи: 10.10.2022

К ВОПРОСУ О «ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА» В ПРОЕКЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ, СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ПЕРИОДАХ

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: вопрос заключения договора, как процесса не одномоментного, урегулированного общими нормами гражданского законодательства РФ (ст. 432 ГК РФ), до настоящего времени носит дискуссионный характер как в научной, так и практической плоскости. Подобное явление вызвано отсутствием в законодательстве и не закреплённостью динамики стадий заключения гражданско-правового договора как единого процесса, конечным результатом которого является перфекция (момент вступления договора в силу), порождающая возникновение взаимоопределённых прав и обязанностей участников договора. Выявление современных тенденций, анализ развития науки цивилистики по вопросам динамичного процесса заключения договора, раскрытие несовершенства современных формулировок гражданского законодательства составили **цель** настоящего исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** в исследовании проведен анализ дореволюционного, советского и современного понимания положений гражданского законодательства на предмет заключения договора, в частности определения момента его заключения и возникновения прав и обязанностей сторон. Выявленное доктринальное понимание момента заключения договора, изложенное в результатах научных изысканий цивилистов различных периодов, позволило заключить, что заключение гражданско-правового договора – это стадийный процесс, при котором на различных этапах его заключения роли сторон обладают специфичностью, обусловленной моментом волеизъявления стороны вступающей в сделку. **Выводы:** научные тезисы по вопросам заключения гражданско-правового договора, сформулированные дореволюционной и советской цивилистикой, на современном этапе развития экономической системы, внедряющей все больше средств и технологий информационно-коммуникационного взаимодействия, не обладают актуальностью для нынешних участников гражданского оборота. Автором сформулированы предложения по модернизации гражданского законодательства РФ, направленные на нивелирование вопросов стадийности заключения договора, и отражающие конечную цель заключения договора, – момент вступления договора в силу (перфекция).

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, заключение договора, стадии заключения договора, оферта, акцепт, перфекция.

Цитирование. Белова О. А. К вопросу о «заключении договора» в проекции восприятия договорных отношений в дореволюционном, советском и современном периодах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 120–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.17>

Введение

В настоящее время вопрос о том, что следует считать моментом заключения договора в ряде случаев, является достаточно спорным, несмотря на существующие серьезные работы цивилистов и сформированную гармоничную судебную практику по определению процесса вступления лиц в договорные правоотношения. Цель любой науки, особенно юридической заключается непосредственно в том, что любые изменения, противоречия или спорные аспекты должны быть максимально разрешены и унифицированы [5, с. 29–34; 7, с. 6–15]. Именно поэтому данная работа будет посвящена анализу такого важного вопроса, как момент заключения договора.

В практической плоскости момент заключения договора обладает достаточно спорными аспектами, поскольку вопросы продолжают оставаться и их нерешение приводит к тому, что судебные решения не являются од-

нозначными и выносятся в противоречии с главными принципам права о справедливости и законности решения.

Именно поэтому, думается, что в подобной ситуации главным остается обратиться к гражданско-правовому законодательству для определения законодательных рамок относительно определения того, что представляет собой заключение договора. Согласно п. 2 ст. 432 ГК РФ, «договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной» [3]. Следует отметить, что данная формулировка, рожденная законодателем, несмотря на ее общий характер для любого договора, является неполной, поскольку из нее вытекает ряд вопросов. Так, не совсем ясны остаются такие вопросы, как: можно ли направление оферты или получение акцепта рассматривать как юридический состав, является ли направление оферты или получение ее акцепта правовым последствием граждан-

ско-правовой сделки. Последний же вопрос при утвердительном ответе порождает следующий вопрос – когда между сторонами устанавливается режим двусторонней сделки?

Цивилистическое понимание заключения договора в разные периоды развития науки гражданского права

Обращаясь к результатам исследований цивилистической направленности, можно утверждать, что вопрос о заключении договора отнюдь не является новым. Свое развитие и изучение данный вопрос берет еще с дореволюционного периода развития отечественного права.

Интересной представляется точка зрения такого цивилиста, как П.П. Цитовича. По мнению данного автора, в процессе заключения договора можно выделить две стадии, одна из которых – составление договора, а другая – его совершение. Первая стадия представляет собой процесс, при котором стороны будущих договорных отношений приходят к соглашению относительно существенных условий договора. Вся первая стадия состоит из четырех этапов, среди них: предложение заключить договор (оферта), получение предложения, принятие предложения, извещение лица, сделавшего предложение, о его принятии. Думается, что указанные стадии позволяют иметь более точное представление относительно составления договора. Однако «договор составленный еще не есть договор заключенный» [10, с. 29]. Заключение договора – достаточно важная часть, поскольку представляет собой юридически значимое действие, после которого стороны договорных отношений твердо выражают свое согласие относительно условий, содержащихся в договоре, и в случае неисполнения условий санкционных последствий не совершения условий, оговоренных сторонами. Следует отметить, что в качестве признака, который свидетельствует о заключенном договоре, принято понимать оформление договора в письменном виде и его подписание сторонами. Так, рассматривая точку зрения указанного автора, следует отметить, что существуют два этапа заключения договора – его составление, где стороны выражают свою волю, и его заклю-

чение, где стороны соглашаются с содержанием договора. Однако неясным остается момент что является периодом переговоров, под которым следует понимать «готовность, решимость одной и другой стороны заключить договор» [9, с. 3–14].

В рамках сказанного выше, думается, что необходимо обратить внимание на позицию Г.Ф. Шершеневича.

Так, по мнению известного русского юриста, переговоры оцениваются как отдельная стадия процесса заключения договора, так как эта стадия является предшествующей всем остальным, поскольку именно на ней «стороны намечают, хотя бы и письменно, главные и дополнительные пункты предстоящего договора» [11, с. 122–125]. Думается, что с позицией Г.Ф. Шершеневича невозможно не согласиться, поскольку именно стадия переговоров позволяет установить основные условия договора, при этом данная стадия выносится «за скобки» всего процесса переговоров, так как не имеет юридического значения, а значит не содержит в себе обязанности для участников переговоров по заключению договора.

Полагаем, наука гражданского права в советский период развития обладала своей специфичностью, связанной с плановой экономикой, что отражается и на основах гражданского права, в том числе и на заключении договора.

Так, советский юрист И.Б. Новицкий считал, что договор представляет собой двустороннюю сделку, в рамках которой каждая из сторон изъявляет свою волю и соглашается на обговоренные условия [8, с. 215].

Обратим внимание и на точку зрения такого автора, как М.О. Бару, который писал о том, что договор считается заключенным в случае, если сторона, получившая оферту, полностью приняла поступившее предложение ровно на тех условиях, которые в нем указаны [1, с. 129]. Однако думается, что подобная точка зрения не является корректной на современном этапе заключения договора (при этом автор не утверждает, что в советский период указанная точка зрения являлась соответствующей действительности). Основная причина – факт отсутствия стадии переговоров, что является достаточно важным этапом, поскольку

ку заключение договора это волеизъявление обеих сторон и учет воли друг друга.

Следует обратить внимание и на другую точку зрения, в которой отражается современная концепция гражданского законодательства относительно заключения договора. Так, А.Г. Быков утверждает, что договор это «облеченное в установленном порядке в надлежащую форму взаимное волеизъявление (соглашение) двух или более лиц» [2, с. 332]. По мнению данного автора, важным аспектом остается то, что волеизъявление сторон в рамках заключения договора – это две стадии, вытекающие одна из другой: «предложения одной стороны заключить договор и принятия его другой стороной» [2, с. 335].

Научная ценность разработок авторов дореволюционной и советской России заключается в том, что основные тезисы их работ были зафиксированы в гражданском законодательстве с поправкой на экономическую систему современной России [6, с. 42–45].

Современные тенденции по вопросу заключения договора в нормах гражданского законодательства РФ

Анализируя все вышесказанное и норму гражданского законодательства о моменте заключения договора, следует заметить, что в настоящее время положения гражданского законодательства о заключении договора не изменялись законодателем с момента формирования норм Гражданского кодекса (речь идет непосредственно о п. 1 и 2 ст. 432 ГК РФ). Однако современная формулировка норм, раскрывающих процесс заключения договора, является далеко не идеальной, поскольку представляется незаконченной. Именно поэтому возникает вопрос о необходимости ее дополнения и реформирования, поскольку до настоящего времени она ни разу не подлежала ревизии.

Ряд современных цивилистов приходят к мнению, что исключительно в отношении оферты законодатель говорит о необходимости совершения односторонней сделки, для чего в тексте Гражданского кодекса РФ применяется словосочетание «направление оферты».

При этом существенной проблемой в тексте гражданского законодательства о зак-

лючении договора, на наш взгляд, остается то, что акцепт, как важная составляющая, входящая в процесс заключения договора, оставлен законодателем без соответствующего внимания. Данный тезис вытекает из факта о том, что в п. 2 ст. 432 ГК РФ акцепт сформулирован и отражен таким образом, что его выражение является статичным. И это является проблемой, поскольку акцепт представляет собой действие лица, получившего оферту, соответственного его выражение должно быть динамичным. Более того, важность и необходимость отражения акцепта в динамике есть еще и необходимость для цели заключения договора.

Следует отметить, что говоря о выражении акцепта в динамике, автор настоящей статьи придерживается мнения о том, что совершенная сделка в рамках рассматриваемой нормы гражданского права должна включать в себя формулировку об «извещении об акцепте», иначе говоря, извещение о принятии предложения заключить договор соответствующим образом.

Думается, что существенной остается проблема, связанная с тем, что в настоящем гражданском законодательстве отсутствует стадия совершения договора. Так, обращая внимание на п. 2 ст. 432 ГК РФ, следует отметить отсутствие перфекции, то есть момента вступления договора в силу, предполагающей единой воли сторон заключаемого договора. На наш взгляд существенным остается учет того факта, что договор представляет собой двустороннюю сделку, а значит стороны имеют одинаковую возможность изъявлять свою волю, что приводит к мысли о том, что договор считается заключенным с момента, когда стороны приходят к согласию относительно условий договора. И именно поэтому видится некая незаконченность в рассматриваемой норме. Так, если оценивать принятие предложения на факт соответствия требованиям законодательства, то следует говорить о том, что перед нами заключенный и действительный договор.

Выводы

Подытоживая все сказанное выше, следует отметить, что заключение договора пред-

ставляет собой процесс, включающий в себя три последовательные стадии, без которых договор не может считаться заключенным. Первой стадией является направление оферты. В качестве второй следует считать извещение об акцепте. И третьей (итоговой) стадией является совершение договора, или, иными словами, его перфекция. Более того, думается логичным в данном аспекте отметить и то, что первые две сформулированные стадии представляют собой необходимость в процессе совершения односторонних сделок. Это отличает их от третьей стадии, поскольку перфекция договора связана с каждой из сторон и подтверждает единовременное волеизъявление и согласие сторон именно на такие условия договора. Иначе говоря, третья стадия это совершение двусторонней сделки или заключение двустороннего договора, обладающего юридической силой с этого момента для обеих сторон.

На основании изложенного, позволим себе сформулировать изменение в законодательстве, которое следует отобразить в п. 2 ст. 432 ГК РФ. Указанная норма, на наш взгляд, должна быть отображена законодателем в ГК РФ следующим образом: «Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон, извещения другой стороной об акцепте (извещения о принятии предложения) и перфекции договора (вступления договора в силу в результате оформления надлежащим образом)». Подобная формулировка представляется нам более полной, поскольку настоящая версия в ГК РФ содержит в себе предложение заключить договор и принятие предположения, при том, что акцепт не отражен в динамике. Предложенная нами версия содержит в себе все необходимые аспекты, необходимые для того, чтобы указанная норма была полноценной.

Предложенная автором формулировка п. 2 ст. 432 ГК РФ акцентирует внимание на том, что стадии заключения договора есть отдельные самостоятельные юридические акты, каждый из которых влечет соответствующие последствия. Все указанное выше, в свою очередь, не позволяет рассматривать стадии заключения договора как соответствующие элементы юридического состава [4, с. 134]. Автор уверен, что предложенная им

формулировка достаточно органично впишется в существующее гражданское законодательство и позволит разрешить сформулированную проблему заключения договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бару, М. О. Общее учение о договорах (глава XX) / М. О. Бару // Советское гражданское право : учеб. для юрид. школ. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 358 с.
2. Быков, А. Г. Общие положения о договорах (глава XXIII) / А. Г. Быков // Советское гражданское право. Т. 1 : учебник / отв. ред. В. П. Грибанов, С. М. Корнеев. – М. : Юрид. лит., 1979. – 454 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105/. – Загл. с экрана.
4. Гражданское право: юридические факты : учеб. пособие для бакалавров / И. В. Балтутите [и др.] ; отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. – М. : Проспект, 2017. – 176 с.
5. Иншакова, А. О. Задачи национального гражданского права в процессе наноиндустриализации страны / А. О. Иншакова // Актуальные проблемы частноправового регулирования : материалы Всерос. IX науч. форума (г. Самара, 27–28 мая 2011 г.). – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2011. – С. 29–34.
6. Иншакова, А. О. Вестник серии «Юриспруденция»: сохранение традиций как основа движения вперед / А. О. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6, Университетское образование. – 2016. – № 1 (17). – С. 42–45.
7. Иншакова, А. О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 4 – С. 6–15. – DOI: 10.15688/lejvolsu.2018.4.1
8. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 416 с.
9. Соломин, С. К. К вопросу о заключении договора / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина // Вестник арбитражной практики. – 2019. – № 4. – С. 3–14.
10. Цитович, П. П. Обязательства по русскому гражданскому праву : конспект лекций / П. П. Цитович. – Киев : [б. и.], 1894. – 106 с.
11. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – 6-е изд. – СПб. : Изд. Бр. Башмаковых, 1907. – 449 с.

REFERENCES

1. Baru M.O. Obshchee uchenie o dogovorah (glava XX) [General Doctrine of Contracts (Chapter XX)]. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya yurid. shkol* [General Doctrine of Contracts (Chapter 20)]. Moscow, Yurid. izd-vo NKYU SSSR, 1940. 358 p.
2. Bykov A.G. Obshchie polozheniya o dogovorah (glava XXIII) [General Provisions on Contracts (Chapter XXIII)]. *Sovetskoe grazhdanskoe pravo. T. 1: uchebnik* [Soviet Civil Law. Vol. 1. Textbook.]. Moscow, Yurid. lit., 1979. 454 p.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) (As Amended on 25.02.2022) (With Amendments and Additions, Which Entered into Force on 01.09.2022)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105/
4. Baltutite I.V., Dolinskaja V.V., Inshakova A.O., Mikrjukov V. A., Mikrjukova G. A., Soldatova V. I. *Grazhdanskoe pravo: yuridicheskie fakty: ucheb. posobie dlya bakalavrov* [Civil Law: Legal Facts: Textbook for Bachelors]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 176 p.
5. Inshakova A.O. Zadachi nacional'nogo civil'nogo prava v processe nanoindustrializacii strany [Tasks of National Civil Law in the Process of Nano-Industrialization of the Country]. *Aktual'nye problemy chastnopravovogo regulirovaniya: materialy Vseros. IX nauch. foruma (g. Samara, 27–28 maya 2011 g.)* [Actual Problems of Private Law Regulation. Proceedings of the 9th All-Russian Scientific Forum (Samara, May 27–28, 2011)]. Samara, Izd-vo Samar. un-t, 2011, pp. 29-34.
6. Inshakova A.O. Vestnik serii «Yurisprudenciya»: sohranenie tradicij kak osnova dvizheniya vpered [Bulletin of the Series “Jurisprudence”: The Preservation of Traditions as the Basis for Moving Forward]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6, Universitetskoe obrazovanie* [Science Journal of Volgograd State University. University Education], 2016, no. 1 (17), pp. 42-45.
7. Inshakova, A.O. Reaktsiya prava na vyzovy vysokikh tekhnologiy v innovatsionnoy Rossii [Reaction of Law to the Challenges of High Technologies in Innovative Russia]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 6-15. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.4.1
8. Novitskiy I.B. *Obshheye ucheniye ob obyazatel'stve* [General Doctrine of Obligation]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1950. 416 p.
9. Solomin S.K., Solomina N.G. K voprosu o zaklyuchenii dogovora [On the Issue of Concluding an Agreement]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2019, no. 4, pp. 3-14.
10. Tsitovich P.P. *Obyazatel'stva po russkomu grazhdanskomu pravu: Konspekt lektsiy* [Obligations in Russian Civil Law: Lecture Notes.]. Kiev, s. n., 1894. 106 p.
11. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Saint Petersburg, Izd. Br. Bashmakovykh, 1907. 449 p.

Information About the Author

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Информация об авторе

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.18>

UDC 347
LBC 67.404

Submitted: 04.09.2022
Accepted: 05.10.2022

THE PROCEDURE FOR THE SALE OF A DEBTOR'S PROPERTY IN BANKRUPTCY CASES OF INDIVIDUALS: FEATURES OF THE SALE OF PROPERTY BELONGING TO A DEBTOR CITIZEN ON THE RIGHT OF COMMON OWNERSHIP

Nikolay V. Kotelnikov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Andrey N. Sadkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Natalia I. Prudnikova

Arbitration Court of the Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the problems of the legal regulation of relations arising during the sale under the procedures used in the bankruptcy case of a citizen, of property belonging on the right of common ownership, in which the individual debtor has a certain share. The **purpose** of the study is to search for solutions aimed at improving the legal regulation of the mechanism for selling the property of a citizen recognized by the arbitration court as bankrupt, which is subject to the regime of common ownership. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization and comparative jurisprudence. **Results:** based on the accumulated law enforcement experience and civil doctrine, the authors propose recommendations for resolving the most common conflict of laws issues that arise when approving the procedure for selling the property of an individual debtor under the procedures used in the bankruptcy case of the citizen. **Conclusions:** the authors have concluded that the adoption by the arbitration court of a decision on declaring a citizen bankrupt excludes the possibility of foreclosing on the share of such a debtor in common property in accordance with the procedure provided for in Article 255 of the Civil Code of the Russian Federation. When selling the share of a bankrupt individual in the right of common ownership, the remaining co-owners can use their pre-emptive right by acquiring the disposed share at a price determined by the results of the auction, while the co-owners have an advantage over the awardee. The norms of the current legislation make it possible to establish a fair balance between the interests of the spouse of a citizen undergoing bankruptcy procedures and the creditors of such a citizen.

Key words: insolvency, bankruptcy, the right of common ownership, sale of property, foreclosure on a share in common property.

Citation. Kotelnikov N.V., Sadkov A.N., Prudnikova N.I. The Procedure for the Sale of a Debtor's Property in Bankruptcy Cases of Individuals: Features of the Sale of Property Belonging to a Debtor Citizen on the Right of Common Ownership. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 126-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.18>

ПОРЯДОК ПРОДАЖИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ГРАЖДАНИНУ-ДОЛЖНИКУ НА ПРАВЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

Николай Васильевич Котельников

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Николаевич Садков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Ивановна Прудникова

Арбитражный суд Волгоградской области, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается проблематика правового регулирования отношений, возникающих при реализации в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина имущества, принадлежащего на праве общей собственности, в котором физическое лицо – должник имеет определенную долю. **Целью** исследования является поиск решений, направленных на совершенствование правового регулирования механизма реализации имущества гражданина, признанного арбитражным судом банкротом, на которое распространяется режим общей собственности. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** опираясь на накопленный правоприменительный опыт и цивилистическую доктрину, авторами предложены рекомендации для разрешения наиболее распространенных коллизионных вопросов, возникающих при утверждении порядка продажи имущества физического лица – должника в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина. **Выводы:** авторами сделан вывод, что принятие арбитражным судом решения о признании гражданина банкротом исключает возможность обратителю взыскание на долю такого должника в общем имуществе в порядке, предусмотренном ст. 255 ГК РФ. При реализации доли физического лица-банкрота в праве общей собственности остальные сосособственники могут воспользоваться своим преимущественным правом покупки путем приобретения отчуждаемой доли по цене, определяемой по результатам торгов, при этом сосособственники имеют преимущество перед победителем торгов. Нормы действующего законодательства позволяют установить справедливый баланс между интересами супруга гражданина, подвергаемого процедурам банкротства, и кредиторов такого гражданина.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность), право общей собственности, реализация имущества, обращение взыскания на долю в общем имуществе, должник.

Цитирование. Котельников Н. В., Садков А. Н., Прудникова Н. И. Порядок продажи имущества должника в делах о банкротстве физических лиц: особенности реализации имущества, принадлежащего гражданину-должнику на праве общей собственности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 126–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.18>

Введение

Банкротство как один из механизмов рыночной экономики, направленных на освобождение рынка от несостоятельных участников товарно-денежных отношений, характеризуется достаточно динамичным развитием. По свидетельству С.Ю. Казаченко, в настоящее время

русский правовой институт несостоятельности (банкротства) стоит на пороге большой реформы [3, с. 126]. Во многом это обусловлено необходимостью адекватного реагирования на те экономические реалии, в которых наша страна живет после февраля 2022 года.

В соответствии с информацией, размещенной на общедоступных электронных ре-

сурсах, количество граждан (в том числе и индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами в 2021 г., по сравнению с 2020 г. увеличилось на 62 %, причем количество внесудебных процедур банкротства граждан в декабре 2021 г., по сравнению с ноябрем 2021 г. увеличилось в 1,9 раза [1]. Думается, что по итогам 2022 г. в картине, иллюстрирующей банкротство физических лиц, позитивных тонов не добавится.

Среди общей массы физических лиц, подвергаемых процедурам банкротства, достаточно много субъектов, которые являются участниками отношений общей собственности. Несомненно, что банкротство одного из собственников оказывает достаточно серьезное влияние на реализацию имущественных интересов других собственников. Наиболее рельефно данная проблематика проявляется при объявлении банкротом одного из супругов, в случае отсутствия между супругами брачного договора, устанавливающего режим раздельной собственности на имущество, приобретенное ими после заключения брака [7].

Реализация имущества гражданина, признанного арбитражным судом банкротом, является одной из процедур, установленных нормами ст. 213.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и применяемых в деле о банкротстве гражданина. Считая данную процедуру реабилитационной, законодатель видит ее основное предназначение в избавлении гражданина-банкрота от долгов в сочетании со справедливым и соразмерным удовлетворением требований кредиторов.

В соответствии со ст. 213.26 Закона о банкротстве удовлетворение требований кредиторов такого гражданина-должника в рамках вышеобозначенной процедуры должно осуществляться с учетом специального положения о порядке, об условиях и сроках реализации его имущества (далее – Положение о реализации имущества должника). Данное положение разрабатывается финансовым управлением и утверждается в установленном порядке арбитражным судом.

Если в составе имущества гражданина-должника, признанного банкротом, имеется имущество, на которое распространяется ре-

жим общей долевой или совместной собственности, арбитражному суду, при утверждении Положения о реализации имущества должника, необходимо обеспечить соблюдение охраняемых законом интересов не только кредиторов такого субъекта, но и соответствующих интересов его собственников. То есть при разработке и утверждении Положения о реализации имущества должника следует руководствоваться не только нормами закона о банкротстве и Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), но и другими правовыми нормами, прежде всего, нормами гражданского и семейного права, определяющими специфику правового режима общего имущества. Несомненно, что большое значение при этом следует уделять и постановлениям высших судебных инстанций, обеспечивающим единство правоприменительной практики. В качестве наиболее значимых судебных актов, касающихся применения правовых норм к отношениям, возникающим в рамках процедур несостоятельности (банкротства) и связанным с общей собственностью, следует отметить такие, как Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 48) [12], Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [10], Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [11].

В рамках поиска справедливого баланса между обеспечением имущественных интересов кредиторов, должника и собственников имущества должника, входящего в конкурсную массу, зачастую приходится сталкиваться с правовыми коллизиями и другими правовыми проблемами, обусловленными необходимостью применения значительного массива правовых норм, характеризующих-

ся различной отраслевой принадлежностью и закрепленных в разных, достаточно многочисленных, нормативных правовых актах [2, с. 184].

Общие правила обращения взыскания на долю должника в общем имуществе

В нормах, установленных п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве, предусматривается обязательность реализации имущества должника-банкрота, предназначенного для удовлетворения требований кредиторов, только на торгах. Исключения из этого правила могут устанавливаться либо решением собрания кредиторов, либо определением арбитражного суда. При этом возникает вопрос, касающийся соотношения данного требования законодательства с общими правилами, предусмотренными ст. 255 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые регламентируют порядок обращения взыскания на долю должника в общем имуществе.

Налицо сложный юридический состав, который лежит в основании возникновения вышеобозначенных правоотношений. В качестве элементов этого юридического состава следует признать:

- факт отсутствия у должника иного имущества, способного удовлетворить требования кредиторов;
- факт невозможности выделения в натуре доли должника в общем имуществе, либо возражения, выдвигаемые остальными собственниками, против такого выделения;
- факт отказа остальных участников отношений общей собственности от приобретения доли должника в общем имуществе.

Думается, при рассмотрении коллизионных вопросов, связанных с банкротством гражданина, в приоритетном порядке следует руководствоваться нормами специального законодательства о банкротстве, и только в случае отсутствия специальных правил обращаться к общим нормам права. Аналогичную позицию занимает и О.Ю. Скворцов, который при состязательности норм Закона о банкротстве с общими правилами арбитражного процесса, установленными в АПК РФ, отдает приоритет именно нормам Закона о банкротстве [14].

Полагаем, что после принятия арбитражным судом решения о признании физического лица банкротом возникают особые общественные отношения, носящие специфический характер и подлежащие регулированию специальными нормами права. В этом случае применение общих правил, регламентирующих вопросы обращения взыскания на долю должника-банкрота в общем имуществе, установленных в ст. 255 ГК РФ, должно носить субсидиарный характер.

Соблюдение преимущественного права собственника на приобретение доли в праве общей собственности при продаже этой доли с публичных торгов в рамках процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина

Российский законодатель обоснованно считает подлежащими охране интересы собственников, связанные с изменением размера долей в общем имуществе с их желанием воспрепятствовать появлению в сообществе собственников новых лиц. С этой целью в гражданском законодательстве разработаны нормы, определяющие специфику поведения участников отношений общей собственности при возмездном отчуждении тем или иным собственником своей доли в общем имуществе [13, с. 370–371]. В соответствии со ст. 250 ГК РФ в случае продажи одним из собственников своей доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники общей собственности наделяются преимущественным правом на приобретение отчуждаемой доли по установленной продажной цене при соблюдении прочих равных условий такой купли-продажи. Однако законодатель уточняет, что в случаях продажи доли с публичных торгов, а также при продаже «...доли в праве общей собственности на земельный участок собственником части расположенного на таком земельном участке здания или сооружения либо собственником помещения в указанных здании или сооружении» вышеуказанное право преимущественной покупки реализовано быть не может. К сожалению, специальные нормы, гарантирующие

соблюдение баланса интересов собственников общего имущества, на которое обращается взыскание по обязательствам должника-банкрота, и конкурсных кредиторов, отсутствуют.

Однако механизмы, регламентирующие вопросы реализации преимущественных прав на приобретение определенного имущества при осуществлении процедур, установленных законодательством о банкротстве, существуют. В частности, в соответствии с нормами п. 2 и 3 ст. 179 Закона о банкротстве преимущественным правом на приобретение земельного участка должника-банкрота обладают субъекты, осуществляющие деятельность в сфере производства или производства и переработки сельскохозяйственной продукции и владеющие земельными участками, непосредственно прилегающими к земельному участку должника-банкрота. В соответствии с нормами п. 4 ст. 201 Закона о банкротстве публично-правовые образования (в лице уполномоченных органов) обладают правом преимущественного приобретения некоторых видов имущества естественной монополии, которое непосредственно используется для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг). В соответствии с нормами п. 8 ст. 195 Закона о банкротстве публично-правовым образованиям предоставлено право преимущественного приобретения имущества стратегического унитарного предприятия-банкрота или организации-банкрота, которое предназначено «для осуществления деятельности, связанной с выполнением работ по государственному оборонному заказу, обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации».

Механизм реализации преимущественного права в этих ситуациях разрешается в пользу рыночной цены, определенной на торгах, что подчеркнуто в определении Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 04.06.2020 № 306-ЭС19-22343 [5]. В этом определении высший судебный орган, анализируя ситуацию, обусловленную конфликтом имущественных интересов кредиторов и собственников должника, подвергнутого процедурам банкротства, обоснованно установил, что цена продажи имущества

должника-банкрота должна устанавливаться путем проведения открытых торгов, после чего сособственникам должно быть предоставлено преимущественное право покупки имущества, реализуемого с целью удовлетворения интересов кредиторов, по цене, предложенной победителем торгов. Если же сособственники не изъявят желания приобрести реализуемую долю в течение определенного срока, то такое право на приобретение данной доли должно быть предоставлено победителю торгов.

Думается, что предложенный высшей судебной инстанцией РФ механизм реализации доли в общем имуществе сособственника-банкрота следует признать удачным компромиссом, который отражает существо преимущественного права покупки и соответствует целям реализации имущества в процедурах банкротства. Именно это и обуславливает востребованность такого механизма в арбитражной практике [6; 9].

Особенности реализации доли в общем имуществе гражданина-банкрота, состоящего в браке

В соответствии с нормами, содержащимися в п. 3 и 4 ст. 256 ГК РФ, пределы имущественной ответственности одного из супругов по его персональным обязательствам ограничены тем имуществом, которым он единолично обладает на праве собственности, а также его долей в общем имуществе супругов, «которая причиталась бы ему при разделе этого имущества», причем особенности установления доли супруга-должника в общем имуществе супругов при его разделе, а также порядок раздела общего имущества супругов определяются нормами семейного законодательства.

Нормы ст. 45 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) определяют, что выдел доли супруга-должника для погашения его персональных долгов допускается только в том случае, если индивидуального имущества задолжавшего супруга недостаточно для покрытия его обязательств.

Однако, как и в случае с имуществом, находящимся в общей долевой собственности, п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве

распространяет на механизмы реализации имущества супруга-должника в целях удовлетворения требований кредиторов, обусловленных банкротством такого супруга, общие правила, разработанные именно для случаев банкротства. В связи с этим в правоприменительной практике сформировались особые подходы к реализации имущества гражданина-должника, состоящего в браке, при наличии распространения на общее имущество супругов режима совместной собственности.

В п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 48 обращается внимание на то, что:

– во-первых, осуществление механизма реализации имущества гражданина-должника в целях удовлетворения требований конкурсных кредиторов не лишает супруга (бывшего супруга) права на обращение к суду с требованием о разделе общего имущества супругов и выдела доли супруга-банкрота для погашения его долговых обязательств, лежащих в основании применения к нему норм законодательства о банкротстве, до того момента, когда общее имущество супругов будет реализовано с публичных торгов. Это право предусмотрено в п. 3 ст. 38 СК РФ. ВС РФ вышеобозначенное право требовать раздела общего имущества супругов увязывает, прежде всего, с обоснованными предположениями другого участника общей супружеской собственности в том, что при реализации общего имущества супругов в деле о банкротстве в общем порядке не будут в должной мере учтены правомерные интересы второго супруга (бывшего супруга) и (или) интересы находящихся на его иждивении лиц, в том числе несовершеннолетних детей;

– во-вторых, судебные разбирательства по обособленным спорам, в ходе которых ставятся вопросы о реализации общего имущества супругов в связи с банкротством одного из них, не могут обходиться без участия другого супруга, так как весьма серьезно затрагивают его интересы и интересы находящихся на его иждивении лиц;

– в-третьих, для реализации имущества гражданина-банкрота, обладающего общим с другим супругом имуществом, необходимо определить размеры долей супругов в общем имуществе с соблюдением законных интересов супругов и кредиторов супруга, признан-

ного банкротом. При отсутствии совместных долгов супруг должника-банкрота имеет право получить часть средств, вырученных от реализации общего имущества супругов, пропорциональную его доле, а размеры долей в праве общей совместной собственности определяются только при разделе общего имущества.

В рамках общего правила, касающегося раздела совместного имущества супругов, в российском праве сформулирована презумпция равенства долей супругов в общем имуществе. В соответствии с п. 1 ст. 39 СК РФ иной подход может быть установлен в заключенном между супругами брачном договоре или при заключении внесудебного соглашения о разделе имущества. При этом супруг, возражающий против применения принципа равенства долей, вправе настаивать на ином порядке определения долей, обратившись с этим требованием в суд общей юрисдикции. ВС РФ в своем Постановлении № 48 указывает на обязательность участия финансового управляющего супруга-банкрота в рассмотрении данного требования, а также допускает участие в процессе в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора кредиторов, заявивших свои требования в деле о банкротстве.

Таким образом, высший судебный орган признает наличие подлежащих защите интересов на стороне кредиторов супруга, признанного банкротом, в судебном разделе имущества супругов. В целях защиты этих интересов кредиторы и финансовый управляющий вправе обжаловать судебные акты, регламентирующие раздел имущества супругов, один из которых подвержен процедурам банкротства, и определения размера соответствующих долей супругов в общем имуществе. Кроме того, руководствуясь нормами ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, ст. 10 и 168, 170, п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, финансовый управляющий вправе оспаривать внесудебное соглашение супругов о разделе их общего имущества.

Кроме того, осуществляя системное толкование положений п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, ст. 5 и ст. 46 СК РФ, ВС РФ обращает внимание на то, что изменение режима имущества супругов на основании их внесудебного соглашения

о разделе имущества не может применяться к обязательствам, возникшим до такого раздела, а также при определении долей и переоформлении прав на имущество в публичном реестре [12]. В п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве установлено, что в конкурсную массу должника имущество, перешедшее к супругу должника на основании такого соглашения, включается наравне с его «личным» имуществом. В устоявшейся судебной практике соглашение супругов о разделе имущества, определении долей рассматривается в качестве двусторонней сделки, которая связывает стороны соглашения и в соответствии с нормой п. 3 ст. 308 ГК РФ не должна повлечь неблагоприятных последствий для третьих лиц – кредиторов супруга-банкрота [4; 8; 12].

Выводы

Приведенный анализ правоприменительной практики показывает, что несмотря на отсутствие достаточной детальной регламентации судам удалось выработать юридически обоснованные подходы к установлению справедливого баланса интересов должника-банкрота, его кредиторов и сособственников имущества, на которое обращается взыскание в ходе банкротства физического лица. Для решения некоторых проблем, возникающих при удовлетворении требований кредиторов за счет имущества, находящегося в общей собственности должника и других сособственников, судам приходится прибегать к сложному системному толкованию общих норм гражданского и семейного законодательства, а также специальных норм законодательства о несостоятельности (банкротстве). Для придания стабильности регулированию рассматриваемых отношений предлагаем дополнить ст. 213.26 Закона о банкротстве п. 6.1 следующего содержания:

«6.1. Если в порядке, предусмотренном п. 3 настоящей статьи, реализуется доля в праве общей долевой собственности, преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, установленной в ходе торгов, имеют остальные участники долевой собственности. Для обеспечения реализации преимущественного права приобретения доли должника арбитражный управляющий направляет уведом-

ление о продаже доли должника другим участникам общей долевой собственности.

Арбитражный управляющий продает долю должника по цене, определенной на торгах, обладателю права на ее преимущественное приобретение.

В случае, если о намерении воспользоваться преимущественным правом приобретения доли заявили несколько сособственников, реализуемая доля должника продается по цене, определенной на торгах, лицу, обладающему наибольшим размером доли в общем имуществе среди заявивших о намерении воспользоваться преимущественным правом приобретения доли, а при равенстве долей – лицу, заявление которого поступило арбитражному управляющему первым.

Если остальные участники долевой собственности не приобретут продаваемую долю в праве собственности на недвижимое имущество в течение двадцати дней со дня уведомления, арбитражный управляющий продает долю должника победителю торгов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банкротства в России: итоги 2021 года. Статистический релиз федресурса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202021.pdf> (дата обращения: 02.09.2022). – Загл. с экрана.
2. Иншакова, А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 184–187. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26
3. Казаченок, С. Ю. Правовые вопросы погашения требований конкурсных кредиторов в контексте реформирования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» / С. Ю. Казаченок // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 122–128. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2019 № 305-ЭС18-25248 по делу № А40-169307/2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-ef-ot-23052019-n-305-es18-25248-po-delu-n-a40-1693072016/> (дата обращения: 03.09.2022). – Загл. с экрана.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2020 № 306-ЭС19-22343 по делу № А65-40314/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04062020-n-306-es19-22343-po-delu-n-a65-403142018/> (дата обращения: 03.09.2022). – Загл. с экрана.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2022 № 309-ЭС22-2341 по делу № А60-29286/2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28032022-n-309-es22-2341-po-delu-n-a60-292862016/> (дата обращения: 04.09.2022). – Загл. с экрана.

7. Полуэктов, М. «Супружеская доля» при банкротстве физ. лиц / М. Полуэктов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://advokatpoluektov.ru/publish/supruzheskaya-dolya-pri-bankrotstve-fiz-lic/> (дата обращения: 02.09.2022). – Загл. с экрана.

8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.09.2020 № Ф01-12816/2020 по делу № А28-2784/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=95622#8CriqHTooiZYWuxH1> (дата обращения: 04.09.2022). – Загл. с экрана.

9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.09.2021 № Ф06-7831/2021 по делу № А55-23297/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8gEQmBbGW465/> (дата обращения: 04.09.2022). – Загл. с экрана.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (дата обращения: 02.09.2022). – Загл. с экрана.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения: 02.09.2022). – Загл. с экрана.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

[document/cons_doc_LAW_314621/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314621/) (дата обращения: 03.09.2022). – Загл. с экрана.

13. Садков, А. Н. О необходимости совершенствования регулирования отношений, касающихся преимущественного права покупки доли в общей собственности / А. Н. Садков, А. Ю. Кесель // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием (Нижний Новгород – Барнаул, 25–26 марта 2021 г.). – М. : РУСАЙНС, 2021. – С. 370–373.

14. Скворцов, О. Ю. Соотношение законодательства о несостоятельности (банкротстве) и Арбитражного процессуального законодательства / О. Ю. Скворцов // Сейчас.ру. Новости России и мира. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/3758> (дата обращения: 03.09.2022). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. *Bankrotstva v Rossii: itogi 2021 goda. Statisticheskij ruliz fedresursa* [Bankruptcy in Russia: Results of 2021. Statistical Release of the Fedresource]. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202021.pdf> (accessed 2 September 2022).

2. Inshakova A.O. Vekovoj poisk modeli hozyajstvennogo razvitiya Rossii: ekonomiko-pravovoe razvitie konkurentosposobnogo gosudarstva [The Age-Old Search for a Model of Economic Development in Russia: Economic and Legal Development of a Competitive State]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 184-187. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26

3. Kazachenok S.Yu. Pravovye voprosy pogasheniya trebovanij konkryrsnykh kreditorov v kontekste reformirovaniya Federalnogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Legal Issues of Repayment of Claims of Bankruptcy Creditors in the Context of Reforming the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 122-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

4. *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.05.2019 № 305-ЭС18-25248 po delu № А40-169307/2016* [Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 23, 2019 No. 305-ES18-25248 in Case No. А40-169307/2016]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-23052019-n-305-es18-25248-po-delu-n-a40-1693072016/> (accessed 3 September 2022).

5. *Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.06.2020 № 306-ЭС19-22343 po delu № А65-40314/2018* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 4, 2020 No. 306-ES19-22343 in Case No. A65-40314/2018]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04062020-n-306-es19-22343-po-delu-n-a65-403142018/> (accessed 3 September 2022).

6. *Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28.03.2022 № 309-ЭС22-2341 po delu № А60-29286/2016* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 28, 2022 No. 309-ES22-2341 in Case No. A60-29286/2016]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28032022-n-309-es22-2341-po-delu-n-a60-292862016/> (accessed 4 September 2022).

7. Poluektov M. «*Supruzheskaya dolya*» pri bankrotstve fiz. licz [“Matrimonial Share” in the Bankruptcy of Individuals]. URL: <https://advokat-poluektov.ru/publish/supruzheskaya-dolya-pri-bankrotstve-fiz-lic/> (accessed 2 September 2022).

8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 24.09.2020 № Ф01-12816/2020 po delu № А28-2784/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated September 24, 2020 No. F01-12816/2020 in Case No. A28-2784/2019]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=95622#8CriaHTooiZYWuxH1> (accessed 4 September 2022).

9. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 02.09.2021 № Ф06-7831/2021 po delu № А55-23297/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated September 2, 2021 No. F06-7831/2021 in Case No. A55-23297/2019]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8gEQmBbGW465/> (accessed 4 September 2022).

10. *Postanovlenie Plenuma Vephovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.10.2015 № 45 «O nekotoryh voprosah, svyazannyh s vvedeniem v dejstvie protsedur, primenyaemyh v delah o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2015 No. 45 “On Some Issues Related to the Introduction of Procedures Applied in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens”]. URL: <http://www.consultant.ru/document/>

[cons_doc_LAW_187354/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/) (accessed 2 September 2022).

11. *Postanovlenie Plenuma Vephovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2015 g. № 50 «O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii nekotoryh voprosov, vznikayushchih v hode ispolnitelnogo proizvodstva»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 50 dated November 17, 2015 “On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (accessed 2 September 2022).

12. *Postanovlenie Plenuma Vephovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.12.2018 № 48 «O nekotoryh voprosah, svyazannyh s osobennostyami formirovaniya i raspredeleniya konkursnoj massy v delah o bankrotstve grazhdan»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated December 25, 2018 “On Some Issues Related to the Peculiarities of the Formation and Distribution of the Bankruptcy Estate in Bankruptcy Cases of Citizens”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314621/ (accessed 3 September 2022).

13. Sadkov A.N., Kesel A.Yu. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya regulirovaniya otnoshenij, kasayushchihsvya preimushchestvennogo prava pokupki doli v obshchej sobstvennosti [On the Need to Improve the Regulation of Relations Concerning the Pre-Emptive Right to Purchase a Share in Common Ownership]. *Tretij congress shchvilistov pravohranitelnyh organov: material Vseros. nauch.-prakt. konf. s Mezhdunar. uchastiem (Nizhniy Novgorod – Barnaul 25–26 marta 2021 g.)* [The Third Congress of Civil Law Enforcement Officers: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation] (Nizhniy Novgorod – Barnaul 25–26 March, 2021). Moscow, RUSAJNS, 2021, pp. 370-373.

14. Skvortsov O.Yu. Sootnoshenie zakonodatekstva o nesostoyateknosti (bankrotstve) i Arbitrazhnogo protsessualnogo zakonodatel'stva [The Ratio of Insolvency (Bankruptcy) Legislation and Arbitration Procedural Legislation]. *Sejchas.ru. Novosti Rossii i mira* [Now.ru. News from Russia and the World]. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/3758> (accessed 3 September 2022).

Information About the Authors

Nikolay V. Kotelnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

Andrey N. Sadkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Basic Department of the UNC RAS), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sadkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Natalia I. Prudnikova, Judge of the Second Qualifying Class, Arbitration Court of the Volgograd Region, 7-y Gvardeyskoy St, 2, 400005 Volgograd, Russian Federation, info@volgograd.arbitr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7440-4890>

Информация об авторах

Николай Васильевич Котельников, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, kotelnikov2612@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5134-5699>

Андрей Николаевич Садков, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sadkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Наталья Ивановна Прудникова, судья второго квалификационного класса, Арбитражный суд Волгоградской области, ул. 7-й Гвардейской, 2, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, info@volgograd.arbitr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7440-4890>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.19>

UDC 34.096; 342
LBC 67.404.9

Submitted: 13.07.2022
Accepted: 12.08.2022

ON THE NEED FOR LEGAL PROTECTION OF “CYBORG PEOPLE’S” INTERESTS FROM HARM BY LEGAL ENTITIES

Vadim A. Chukreev

Prosecutor’s Office of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the revolutionary breakthrough, new achievements in neuroscience, technology, allowing medical science to return to people lost limbs, organs and their functions, should be recognized as positive. In fact, there is a merger of computers, complex machines with humans. In addition to the advantages, such a symbiosis often creates certain legal and organizational problems in practice, due to what the author **set out** to study the problem of protecting the rights of “cyborg people” from intentional or careless acts of the legal entities, those who manufactured, monitor and support implants during their operation. **Methods:** traditional – a set of methods of systematicity, comparative analysis and the formal legal method. **Results:** the paper substantiates the author’s position, which is based on the analysis of the international and foreign legislation and the opinion of the competent scientific community on the need to develop in the domestic legislation a mechanism of responsibility for legal entities, in case of serious consequences caused by their actions or inaction to persons with high-tech changes in the body. **Conclusions:** it is concluded that Russia needs to join such international instruments as the Declaration of Istanbul on Transplant Tourism and Organ Trafficking, the Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine on the Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin (ETS no. 186) and other instruments, adopt a Federal Law on the Donation of Organs, Parts of Human Organs and their Transplantation, where to pay attention to the protection of the rights of “cyborg people”.

Key words: biomedicine, transplantation, modern technologies, responsibility, implementation, cyborg people.

Citation. Chukreev V.A. On the Need for Legal Protection of “Cyborg People’s” Interests from Harm by Legal Entities. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 136-140. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.19>

УДК 34.096; 342
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 13.07.2022
Дата принятия статьи: 12.08.2022

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ «КИБОРГ-ЛЮДЕЙ» ОТ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Вадим Андреевич Чукреев

Прокуратура Свердловской области, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: новые достижения в нейробиологии, технике, позволяющие медицинской науке возвращать людям утраченные конечности, органы и их функции, следует признать как положительный, революционный прорыв, благодаря которому происходит, по сути, слияние компьютеров, сложных машин с человеком. Помимо плюсов, такой симбиоз на практике нередко создает определенные правовые, организационные проблемы, в связи с чем авторами в работе поставлена **цель** исследования проблемы защиты прав «киборг-людей» от умышленных или неосторожных деяний юридических лиц, тех, которые изготовили, мониторят и осуществляют поддержку имплантов в течение их эксплуатации. **Методы:** традиционные – совокупность методов системности, компаративного анализа и формально-юридического. **Результаты:** в работе обоснована авторская позиция, которая базируется на анализе международного и зарубежного законодательства и мнения компетентной научной среды, о необходимости разработки в отечественном законодательстве механизма ответственности для юридических лиц, в случае причинения их деяниями или бездействием тяжких последствий лицам с высокотехнологичными изменениями в организме. **Выводы:** сделан

вывод о необходимости России присоединиться к таким международным документам, как: Стамбульская декларация о трансплантационном туризме и торговле органами; Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (ETS № 186) и другим документам, а также принять Федеральный закон о донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации, в котором уделить внимание защите прав «киборг-людей».

Ключевые слова: биомедицина, трансплантация, современные технологии, ответственность, имплантация, «киборг-люди».

Цитирование. Чукреев В. А. О необходимости правовой охраны интересов «киборг-людей» от причинения вреда юридическими лицами // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 136–140. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.19>

Введение

Значительным достоянием науки в эпоху цифровой трансформации общества является высокотехнологичная помощь людям в улучшении здоровья, восстановлении функций органов.

Трансплантационным Обществом (TTS) и Международным обществом нефрологии (ISN) в 2008 г. в Стамбуле была принята Декларация о трансплантационном туризме и торговле органами. В ней указано, что трансплантация органов, одно из чудес двадцатого века, продолжает спасать и улучшать жизни сотен тысяч пациентов по всему миру [8].

Ученые сейчас научились пересаживать практически любой орган, а в 2015 г. итальянский нейрохирург Серджио Канаверо заявил о намерении провести трансплантацию головы и запустил проект под названием HEAVEN, по его мнению, такая операция должна помочь в первую очередь людям с онкологическими заболеваниями и дегенерацией мышц [4].

Технологии, суперкомпьютеры позволяют создавать и внедрять в тело человека более совершенные, почти совпадающие с настоящими части тела, в том числе конечности, что позволяет говорить о новой эре слияния человека и машины [3].

Большие надежды возлагаются на электроцевтику, которая разрабатывает нейронные имплантаты – устройства, взаимодействующие с нервной системой человека, либо на его периферии, либо в мозге. Компания Илона Маска вкладывает огромные средства в производство мозговых имплантатов Neuralink. Ряд компаний говорит о возможности вылечить депрессию, болезнь Альцгеймера, восстанавливать подвижность или даже получить сверхчеловеческое познание [5].

Российские компании также являются создателями высокотехнологичных экзоскелетов, протезов рук и ног, современных мобильных инвалидных кресел и т. п.

В 2016 г. в Цюрихе впервые российская команда выступила на бионической Олимпиаде (кибатлоне), где использовались высокотехнологичные устройства. 74 спортсмена из 25 стран показали навыки владения бионическими протезами и кибернетическими устройствами. В 6 состязаниях было по две награды: одна – для спортсмена, другая – для производителя импланта [1]. Один из организаторов кибатлона Р. Ринер подчеркнул, что ключевая задача заключается не в создании киборгов, а в развитии технологий, которые будут работать вместе с людьми [7].

Основное содержание

Эксплуатируемые в различных странах нейроимпланты, вживляемые в мозг человека, пока не так широко распространены, что связано с тем, что многие больные люди не готовы пойти на такой риск, так как возможны побочные эффекты, вплоть до инсульта. Поэтому чаще речь идет о проводных, носимых имплантах [6].

Однако для некоторых пациентов применение таких имплантатов является единственным шансом, например, видеть. Одним из важнейших научных достижений науки следует признать полную реконструкцию функций глаза путем вживления бионических протезов.

Первое устройство для стимуляции сетчатки глаза Argus I, было имплантировано в 2002 г. в США Р. Гринбергом [6].

Однако, наряду с положительными эффектами от имплантов, существуют и проблемы. Так, в настоящее время были описаны случаи

Росса Дорра и Барбары Кэмпбелл из США. Им были имплантированы сетчатки, которые позволили восстановить утраченное зрение. Четыре года Кэмпбелл использовала глазной имплантат, который давал ей грубое бионическое зрение, однако однажды оно мгновенно пропало, когда Барбара была в метро.

Т. Байланд является единственным человеком, получившим имплантат Argus I первого поколения в оба глаза, первый в 2004 г. и второй имплантат Argus II – в левый 11 лет спустя.

Система Argus II обеспечивает своего рода искусственное зрение, люди воспринимают оттенки серого, которые появляются и исчезают, когда они двигают головой. В 2020 г. Байленду сказали, что компания-изготовитель обанкротилась и его имплант больше не поддерживается.

Таким же образом без технологической поддержки оказались пользователи Argus P. Дорр и Й. Перк, но последнему повезло, он поделился проблемой с сообществом Argus II в Европе и получил запчасти от пациента, который больше не использовал устройство, к февралю 2021 г. его система была отремонтирована.

Обсуждение

Несмотря на единичные случаи благополучного разрешения проблем пациентов, сохранилась существенная проблема – более 350 слепых людей по всему миру с имплантатами Second Sight в глазах оказались в ситуации, когда технология, которая изменила их жизнь, стала устаревшим гаджетом. Несуществующая теперь система Argus может вызывать осложнения, а ее удаление может быть дорогостоящим, кроме того, такие пациенты могут одновременно лишиться зрения.

Хотя Argus II был технически впечатляющим, он столкнулся с финансовыми препятствиями. По словам инженера, разработавшего этот имплант Р. Гринберга, Second Sight продавала Argus II примерно за 150 тыс. долл. в Соединенных Штатах – примерно в пять раз больше, чем другие устройства нейромодуляции, но даже при этом компания не получала прибыль.

Один пациент Argus II подсчитал, что общая стоимость устройства, операции и реабилитации составила 497 тыс. долларов. Как правило, не менее 80 % платы за устройство

и большинство других расходов покрывались страховкой.

Следует также учитывать, что подобная высокотехнологичная помощь компаний не безвредна. Так, Second Sight провела исследование Argus II и, наблюдая за 30 пациентами с 2007 по 2019 г., выявила за это время 36 серьезных и 152 несерьезных «неблагоприятных явления».

Компания Spectrum дополнительно проанализировала все 90 отчетов MAUDE для Argus II, некоторые пациенты описали воспаление, инфекцию или боль, которые можно было бы контролировать с помощью лекарств, почти 80 % сообщили о необходимости претерпеть хирургическое вмешательство из-за кровоизлияния, низкого глазного давления или отслоения сетчатки (примерно 15 % случаев) [2].

При этом данные за 2017 г. (опубликованные в 2020 г.) показали, что 83 % из 244 пациентов не испытывали серьезных негативных последствий.

В феврале 2020 г. Second Sight прекратила свое существование, сотрудников уволили, сославшись на пандемию COVID-19. В течение нескольких недель большинство его физических активов, включая производственное оборудование, научные инструменты, ноутбуки и стеллажи, были выставлены на продажу на аукционе.

Second Sight просто бросила своих пациентов, не сообщив ни одному из них о проблемах компании. Один из пользователей Argus Росс Дорр на личной странице в социальной сети написал, что те, у кого есть этот имплантат, образно и буквально находятся в темноте.

Данный случай не был просчитан ни медиками, ни юристами, в связи с чем считаем, что описанный пример возвращает нас к обсуждению необходимости введения в России уголовной ответственности для юридических лиц, в случае причинения таковыми тяжких последствий.

Выводы

На сегодняшний день можно прогнозировать, что сходные проблемы могут появиться у лиц, получивших имплантат как в России, так и за рубежом. Во избежание нарушений прав «киборг-людей» в России, на наш взгляд,

следует разработать соответствующие внутренние нормативные документы, основанные на международных актах. В этой связи для избежания проблем у пользователей имплантов с фирмами-изготовителями или техподдержкой, считаем целесообразным России присоединиться к: Стамбульской декларации о трансплантационном туризме и торговле органами; Страсбургскому Дополнительному протоколу к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (ETS № 186)¹; Директиве № 2010/45/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О стандартах качества и безопасности человеческих органов, предназначенных для трансплантации»²; Рекомендации N Rec (2004) 19 Комитета министров Совета Европы «О критериях, применяемых при выдаче разрешений учреждениям, осуществляющим трансплантацию органов» и другим важным международным документам. Это позволит внести поправки в Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» и принять на их основе Федеральный закон о донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документ вступил в силу 1 мая 2006 года. Россия не участвует.

² Документ вступил в силу 26 августа 2010 г. (официальный сайт законодательства Европейского Союза по состоянию на 12.12.2017: <http://eur-lex.europa.eu>). Россия не участвует.

³ Проект Закона подготовлен Минздравом России. Не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.03.2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исакова, Е. Технологии из РФ вызвали большой интерес на первой бионической Олимпиаде / Е. Исакова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161008/1478797043.html?in=t> (дата обращения: 01.07.2022). – Загл. с экрана.

2. Матыцин, Д. Е. Неоиндустриальный инструментарий оборота бездокументарных ценных бумаг: цифровые технологии реализации и защиты прав инвесторов и эмитентов / Д. Е. Матыцин // Legal

Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 73–83. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10

3. Соковикова, Л. Как происходит кибернизация человечества? / Л. Соковикова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/kak-proisxodit-kibernizaciya-chelovechestva.html> (дата обращения: 01.07.2022). – Загл. с экрана.

4. Спиридонов, В. Реакция этического отторжения: допустима ли трансплантация тела? / В. Спиридонов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160723/1472690218.html?in=t> (дата обращения: 01.07.2022). – Загл. с экрана.

5. Стрикленд, Э. Их бионические глаза теперь устарели и не поддерживаются / Э. Стрикленд, М. Харрис. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://spectrum.ieee.org/bionic-eye-obsolete> (дата обращения: 01.07.2022). – Загл. с экрана.

6. Фитчетт, А. История мозговых имплантов / А. Фитчетт ; пер. А. Алексеевой. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://22century.ru/popular-science-publications/history-brain-implants> (дата обращения: 01.07.2022). – Загл. с экрана.

7. Depot Robots. – Electronic text data. – Mode of access: <https://depot-robots.livejournal.com/tag> (date of access: 01.07.2022). – Title from screen.

8. Organ Transplantation, One of the Medical Miracles of the Twentieth Century, Has Prolonged and Improved the Lives of Hundreds. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.declarationofistanbul.org/images/documents/doi_2008_Russian.pdf (date of access: 01.07.2022). – Title from screen.

REFERENCES

1. Isakova E. *Tekhnologii iz RF vyzvali bolshoj interes na pervoj bionicheskoy Olimpiade* [Technologies from the Russian Federation Caused Great Interest at the First Bionic Olympics]. URL: <https://ria.ru/20161008/1478797043.html?in=t> (accessed 1 July 2022).

2. Matytsin D.E. *Neoindustrialnyj instrumentarij oborota bezdokumentarnyh cennyh bumag: cifrovye tekhnologii realizacii i zashchity prav investorov i emitentov* [The Neoindustrial Tools for the Turnover of Book-Entry Securities: Digital Technologies for Implementing and Protecting the Rights of Investors and Issuers]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 73-83. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.10

3. Sokovikova L. *Kak proisxodit kibernizaciya chelovechestva?* [How Does the Cybernization of Humanity Occur?]. URL: <https://hi-news.ru/technology/kak-proisxodit-kibernizaciya-chelovechestva.html> (accessed 1 July 2022).

4. Spiridonov V. *Reakciya eticheskogo ottorzheniya: dopustima li transplantaciya tela?* [Ethical

Rejection Reaction: Is Body Transplantation Acceptable?]. URL: <https://ria.ru/20160723/1472690218.html?in=t> (accessed 1 July 2022).

5. Strickland E., Harris M. *Ih bionicheskie glaza teper ustareli i ne podderzhivayutsya* [Their Bionic Eyes Are Now Obsolete and Unsupported] URL: <https://spectrum.ieee.org/bionic-eye-obsolete> (accessed 1 July 2022).

6. Fitchett A. *Istorija mozgovyh implantov* [History of Brain Implants]. URL: <https://22century.ru/>

popular-science-publications/history-brain-implants (accessed 1 July 2022).

7. *Depot Robots*. URL: <https://depot-robots.livejournal.com/tag> (accessed 1 July 2022).

8. *Organ Transplantation, One of the Medical Miracles of the Twentieth Century, Has Prolonged and Improved the Lives of Hundreds*. URL: https://www.declarationofistanbul.org/images/documents/doi_2008_English.pdf (accessed 1 July 2022).

Information About the Author

Vadim A. Chukreev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region, Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region, Moskovskaya St, 21, 620014 Yekaterinburg, Russian Federation, chukreevva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1354-5443>

Информация об авторе

Чукреев Вадим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель прокурора Свердловской области, Прокуратура Свердловской области, ул. Московская, 21, 620014 г. Екатеринбург, Российская Федерация, chukreevva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1354-5443>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.20>

UDC 347.73:339.186
LBC 67.402.02

Submitted: 12.09.2022
Accepted: 10.10.2022

**THE RESPONSIBILITY OF THE SUPPLIER (CONTRACTOR)
WITHIN THE FRAMEWORK OF CONTRACTUAL LEGAL RELATIONS:
THE LEGAL REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE**

Mohammad-Bastani R. Yusupov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the contract system in the field of procurement is subject to numerous statutory regulations and, as a result, permanent amendments to the legislation in this area. The implementation by state customers of their functions on behalf of the Russian Federation or a subject of the Russian Federation indicates the social significance and importance of the final result of the purchase. At the same time, the proper performance of contractual obligations can be ensured by establishing appropriate civil protection mechanisms. Despite the legislative regulation of the norms on the responsibility of the supplier (contractor) within the framework of contractual legal relations, there are often different approaches in judicial practice, which makes it necessary to develop proposals and recommendations in order to optimize and improve the effectiveness of the law enforcement process in this area. **Purpose:** the analysis of the norms of law and current judicial practice, including the Supreme Court of the Russian Federation, on the responsibility of the supplier (contractor) in the field of public procurement; the identification of law enforcement problems; the development of proposals and recommendations in order to improve the effectiveness of the law enforcement process. **Methods:** the general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction), as well as the comparative legal method act as the methodological framework for the study. **Results:** a doctrinal analysis of the concept of civil liability is carried out. It is established that, unlike the norms of the civil legislation, the payment of a penalty within the framework of the legislation on the contract system in the field of procurement does not attribute to the methods of ensuring the fulfillment of obligations (contract). The existence of opposite approaches in judicial practice when deciding on the collection of penalties is revealed. The problems of law enforcement in the case of accrual of penalty fees for late fulfillment of obligations are identified. The recommendations and suggestions are given for the correct application of the norms on the responsibility of the supplier (contractor) in the field of public procurement. **Conclusions:** it is concluded that it is necessary to publish explanatory information on the correct application of legal norms on the official websites of the authorized bodies in the information and telecommunications network “Internet” simultaneously with the regulatory legal acts making appropriate changes. The expediency of normative consolidation of the concept of “obligation that has no value terms” is indicated. The necessity of updating by the Supreme Court of the Russian Federation the Review of judicial practice of the application of the RF legislation on the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs is substantiated.

Key words: legislation in the field of procurement, state contract, civil liability, penalty, fine, penalty fee, judicial practice.

Citation. Yusupov Mohammad-Bastani R. The Responsibility of the Supplier (Contractor) Within the Framework of Contractual Legal Relations: The Legal Regulation and Judicial Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 141-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.20>

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОСТАВЩИКА (ПОДРЯДЧИКА, ИСПОЛНИТЕЛЯ)
В РАМКАХ КОНТРАКТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА**

Мохаммад-Бастани Рамзанович Юсупов

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: контрактная система в сфере закупок подвержена многочисленному нормативному правовому регулированию и, как следствие, перманентному внесению изменений в законодательство в данной области. Реализация государственными заказчиками своих функций от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации свидетельствует о социальной значимости и важности конечного результата закупки. При этом надлежащее исполнение контрактных обязательств может быть обеспечено путем установления соответствующих механизмов гражданско-правовой охраны. Несмотря на законодательную регламентацию норм об ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя), в рамках контрактных правоотношений зачастую имеются разные подходы в судебной практике, что вызывает необходимость выработки предложений и рекомендаций с целью оптимизации и повышения эффективности процесса правоприменения в указанной сфере. **Цель исследования:** анализ норм права и актуальной судебной практики, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, по вопросу ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) в сфере государственных закупок; выявление проблем правоприменения; выработка предложений и рекомендаций в целях повышения эффективности процесса правоприменения. **Методы:** в качестве методологической основы данного исследования выступают общенаучные методы (анализа, синтеза, индукции и дедукции), а также сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проведен доктринальный анализ понятия гражданско-правовой ответственности. Установлено, что в отличие от норм гражданского законодательства выплата неустойки в рамках законодательства о контрактной системе в сфере закупок не отнесена к способам обеспечения исполнения обязательств (контракта). Выявлено наличие противоположных подходов в судебной практике при принятии решения о взыскании штрафных санкций. Определены проблемы правоприменения в случае начисления пени за просрочку исполнения обязательств. Даны рекомендации и предложения в целях правильного применения норм об ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) в сфере государственных закупок. **Выводы:** сделан вывод о необходимости опубликования одновременно с издаваемыми нормативными правовыми актами, вносящими соответствующие изменения, разъяснительной информации по правильному применению норм права на официальных сайтах уполномоченных органов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Обозначена целесообразность нормативного закрепления понятия «обязательство, которое не имеет стоимостного выражения». Обоснована необходимость актуализации Верховным Судом Российской Федерации обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: законодательство в сфере закупок, государственный контракт, гражданско-правовая ответственность, неустойка, штраф, пеня, судебная практика.

Цитирование. Юсупов Мохаммад-Бастани Р. Ответственность поставщика (подрядчика, исполнителя) в рамках контрактных правоотношений: правовое регулирование и судебная практика // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 141–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.20>

Введение

Одной из наиболее подверженных многочисленному нормативному правовому регулированию на сегодняшний день, несомненно, является сфера государственных закупок¹. Участие в указанных правоотношениях пуб-

лично-правовых образований в качестве заказчиков обуславливает наличие специальных требований и принципов, закрепленных в законодательстве о контрактной системе в сфере закупок. Кроме того, реализация государственными заказчиками своих функций в обозначенной сфере от имени Российской Федерации или

субъекта Российской Федерации предопределяет высокую социальную значимость и важность конечного результата закупки.

Только за I квартал 2022 г. было заключено 845 352 контракта стоимостным объемом 1 946,8 млрд рублей. В отношении 10 369 контрактов, заключенных в отчетном периоде, в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом, начислена неустойка (штрафы, пени) на общую сумму 192,3 млн рублей, из которых оплачено 27,3 млн рублей. Списано заказчиками неустоек (штрафов, пеней) на сумму 2,2 млн рублей [7, с. 12–13].

В указанных условиях, надлежащее исполнение обязательств контрагентами может быть обеспечено путем установления соответствующих механизмов гражданско-правовой охраны, которые призваны стимулировать стороны контрактных правоотношений к точному и неукоснительному исполнению своих обязанностей в рамках заключенного контракта. Справедливым представляется утверждение Б.И. Пугинского о том, что «обязательность исполнения составляет необходимый атрибут договора, его внутренний смысл» [21, с. 162]. Поэтому в отсутствие нормативно обязывающей силы по исполнению взятых сторонами на себя обязательств нивелируется эффективность деятельности хозяйствующих субъектов и возрастают риски несоблюдения контрактных обязательств.

Теоретико-правовые аспекты гражданско-правовой ответственности

Анализ юридических источников позволяет констатировать отсутствие единого понимания понятия гражданско-правовой ответственности. По мнению отдельных исследователей, ответственность по гражданскому праву носит имущественный характер в связи с тем, что подавляющее большинство отношений, регулируемых данной отраслью права, являются имущественными [5, с. 426]. При этом соответствующие лишения имущественного характера возлагаются на лицо, совершившее неправомерное действие, в соответствии с законом или договором [3, с. 416]. В некоторых случаях дефиниция гражданско-правовой ответственности трактуется авто-

рами как особые меры воздействия, санкции, применяемые к правонарушителю в виде возложения на него дополнительной гражданско-правовой обязанности или лишения принадлежащего ему гражданского права [1, с. 147].

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим в том числе вопросы ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение либо просрочку исполнения обязательств является Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [23]. Приоритет норм ФЗ-44 над нормами права, содержащимися в других Федеральных законах и регулирующих указанные отношения, закреплен в ч. 1 ст. 2 Федерального закона о контрактной системе. При этом в данной статье подчеркивается, что законодательство о контрактной системе в сфере закупок основывается, в том числе, на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации [2].

В отечественной науке гражданского права выплата неустойки наряду с иными, в том числе возмещением убытков, к которым, по обоснованному замечанию Т.В. Дерюгиной, следует апеллировать в случае нарушения договорных обязательств [6, с. 11], относится к мерам ответственности [3, с. 426]; рассматривается в качестве одной из форм гражданско-правовой ответственности [4, с. 434] и способа обеспечения исполнения обязательств [1, с. 254]. Вместе с тем О.С. Иоффе подразделяет способы, на те, которые связаны, и на те, что не связаны с предварительным выделением имущества для возможной принудительной реализации обязанности нарушителя. К первым автор относит залог и задаток. Неустойка, поручительство и гарантия отнесены ко вторым [9, с. 157]. Высказывается также позиция о том, что законная неустойка, сформулированная императивно, является в первую очередь мерой ответственности, а не способом обеспечения обязательств [10, с. 10].

Законодатель, в свою очередь, причисляет взыскание неустойки к способам защиты гражданских прав (ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации), относит к одному из

способов обеспечения исполнения обязательств (ст. 329). Нормы права, касающиеся вопросов взыскания неустойки, также отражены в гл. 25 Гражданского кодекса «Ответственность за нарушение обязательств».

Учитывая приоритет норм Федерального закона о контрактной системе в вопросах регулирования правоотношений в сфере закупок, следует ориентироваться на законодательную конструкцию норм ФЗ-44 в вопросах регламентации института неустойки.

Ч. 4 ст. 34 ФЗ-44 предусматривает обязательное включение в контракт условия об ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя), тем самым, возводя указанное условие в ранг существенных².

В части 6 статьи 34 ФЗ-44 законодатель указывает на необходимость направления соответствующего требования об уплате неустоек (штрафов, пеней) в случае просрочки, а также неисполнения или ненадлежащего исполнения контрагентом своих обязательств, таким образом предусматривая претензионный (досудебный) порядок урегулирования споров с контрагентом.

При этом реализация ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) выражена в двух формах – штраф и пеня.

Начисление штрафов связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) своих обязательств, которые предусмотрены контрактом (ч. 8 ст. 34 Федерального закона о контрактной системе). В свою очередь, размер штрафа является дифференцированным и устанавливается контрактом в порядке, определенном подзаконным нормативным правовым актом.

Таким образом, согласно нормативным предписаниям ФЗ-44, уплата неустойки (штрафа, пени) относится к реализации ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) в случае нарушения обязательств. Необходимо отметить, что неустойка в отличие от норм гражданского законодательства не рассматривается в качестве способа обеспечения исполнения обязательств (контракта). Исполнение контракта может обеспечиваться предоставлением независимой гарантии или внесением денежных средств на указанный заказчиком счет, на

котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику (ч. 4 ст. 96 Федерального закона о контрактной системе).

Специальным нормативным правовым актом, регламентирующим размер штрафных санкций, является постановление Правительства Российской Федерации от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» [20].

Указанный нормативный правовой акт предусматривает различные вариации начисления штрафов, которые носят дифференцированный характер и зависят от суммы контракта. При этом в данной статье автором будут рассмотрены случаи начисления штрафов за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) «основного» обязательства, а также обязательства, предусмотренного контрактом, которое не имеет стоимостного выражения.

Несмотря на то что законодатель апеллирует только к понятию «обязательство, которое не имеет стоимостного выражения», можно отметить, что в п. 3 Правил, утвержденных постановлением Правительства РФ 1042, при установлении размеров штрафа в процентном соотношении от цены контракта, речь идет именно о нарушении «основного» обязательства, то есть обязательства, имеющего стоимостное выражение и являющегося предметом контрактных правоотношений.

Анализ действующего нормативного правового регулирования и позиции Верховного Суда по данному вопросу свидетельствуют о возможности взыскания штрафа за каждый факт неисполнения или ненадлежащего испол-

нения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контрактных обязательств, но при условии, что общий размер начисленных штрафов не будет превышать цену контракта. При этом указанные нарушения должны носить характер самостоятельности и однородности [11]. Исходя из содержания процитированного Обзора, нарушения являются самостоятельными, если они допущены в разные отчетные периоды. Однородность может подтверждаться, к примеру, тождественностью оказываемых услуг (выполняемых работ) в разные отчетные периоды.

Анализ судебной практики по вопросу взыскания неустойки

В ходе исполнения контрактных обязательств возможны ситуации, когда поставщику (подрядчику, исполнителю) были изначально начислены штрафные санкции и направлена досудебная претензия с соответствующим требованием, однако в последующем нарушения условий контракта были устранены стороной. В данном случае последующее устранение выявленных недостатков и подписание заказчиком без возражений и (или) замечаний актов приемки оказанных услуг (выполненных работ), приемки товара является основанием для освобождения от уплаты штрафных санкций [14]. Однако в судебной практике встречаются и противоположные прецеденты, когда высший судебный орган соглашается с выводами нижестоящих судов о том, что последующая замена некачественного товара в соответствии с условиями контракта и положениями Федерального закона о контрактной системе не является основанием для освобождения поставщика от ответственности в виде штрафа [12].

Таким образом, принятие судебного акта в пользу соответствующей стороны по делу может быть обусловлено рядом факторов, среди которых, в первую очередь, следует указать конкретные обстоятельства по делу, условия заключенного контракта, поведение сторон в ходе исполнения контрактных обязательств, включая конклюдентные действия, добросовестность и др.

При этом, как верно указывает А.О. Иншакова, «при разрешении однотипных дел не

допустимы взаимоисключающие подходы, а также кардинально противоположные суждения с использованием оценочных категорий» [18, с. 8].

Понятие обязательства, которое не имеет стоимостного выражения, на законодательном уровне не определено. Такие штрафы могут быть установлены, например, за пересортицу товара, непредставление в срок, предусмотренный условиями контракта, документов и т. п. [15]. Согласно правоприменительной практике, «исходя из буквального толкования Правил № 1042, к стоимостным условиям контракта относятся те, в которых установлены обязательства, исполнение которых можно оценить в стоимостном выражении (в деньгах)». К обязательствам, которые не имеют стоимостного выражения, относится возложение обязанностей совершать какие-либо действия при исполнении контракта либо обеспечить соблюдение каких-либо правил, которые не оцениваются деньгами [18].

Тем самым, указанные обязательства не являются основными и не относятся к предмету контракта, а носят сопутствующий характер. Закрепление в нормативных правовых актах штрафных санкций за нарушение сопутствующих обязательств, как представляется, будет способствовать стимулированию поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для надлежащего исполнения не только основного обязательства по контракту.

В ранее действовавших Правилах определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, утвержденных постановлением [20], отсутствовали нормы, предусматривающие начисление штрафных санкций за каждый факт неисполнения (ненадлежащего) исполнения обязательства, которое не имеет стоимостного выражения, что, несомненно, создавало трудности в рамках правоприменительной практики.

Порядок начисления пени находит свое нормативное закрепление в ч. 7 ст. 34 Федерального Закона о контрактной системе, согласно которой предусмотрено ее начисление за каждый день просрочки исполнения обязательства контрагентом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, исчисленной от цены контракта (отдельного этапа исполнения контракта), и уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, закрепленных контрактом (соответствующим отдельным этапом исполнения контракта) и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Необходимо обратить внимание, что речь идет именно о просрочке основного обязательства по контракту. Так, рассматривая кассационную жалобу, Верховный Суд в своем определении от 13.08.2020 № 305-ЭС20-10760 по делу № А40-257525, согласился с выводами нижестоящих судов и отказал в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, отметив, «...что установление сторонами контракта срока предоставления подрядчиком заказчику документов для последующих расчетов по договору не связано с обязательствами подрядчика по выполнению работ / оказанию услуг, как стороны по договору, поскольку срок установлен для регламентации процедуры расчетов по договору (п. 4.2.18 контракта), а не для цели определения срока выполнения работ / оказания услуг. Поэтому у заказчика отсутствовали правовые основания для привлечения исполнителя к ответственности, в виде пени за просрочку предоставления заказчику расчета себестоимости, как документа, предназначенного исключительно для упорядочивания взаиморасчетов между сторонами и для оплаты выполненных работ» [13].

Наиболее важной и требующей более детального рассмотрения, на наш взгляд, в рамках конструкции нормы ч. 7 ст. 34 ФЗ-44 является формулировка «...в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации...».

По данному вопросу заслуживает внимания и представляется интересной позиция Девятого арбитражного апелляционного суда, выраженная в постановлении от 08.10.2019 по делу № А40-190279/17. Суд отметил, что «из толкования положения ч. 5 ст. 34 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ об установлении пени в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального Банка Российской Федерации, следует понимать «дату уплаты» не как фактическое действие, а как обязанность такой уплаты, зависящая от актуальной меняющейся экономической ставки, с учетом длящегося характера нарушения обязательства в виде неоплаты задолженности.

Данный подход соответствует закрепленному в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 принципу изменения нормативно установленного размера санкции за нарушение денежного обязательства в течение длительного периода.

Таким образом, за просрочку исполнения обязательства, имевшую место в течение длительного времени, в котором изменялась ключевая ставка Банка России, следует начислять неустойку исходя из ставок, имевших место в соответствующие периоды в течение общего периода просрочки исполнения обязательства» [19].

Аналогичной позиции по указанному вопросу придерживается и Арбитражный суд Московского округа, который отмечает, что при расчете неустойки следует руководствоваться ставкой Центрального банка Российской Федерации, действовавшей на день исполнения обязательства (датой поставки товара) [17], а в рамках рассмотрения иного дела подчеркивает о необходимости применения ключевой ставки ЦБ РФ, действовавшей на день прекращения обязательства [16].

При расчете размера пени за просрочку исполнения обязательства, применение ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, действовавшей в соответствующие периоды просрочки исполнения обязательства, как представляется, является обоснованным и обеспечивает соблюдение баланса экономических интересов сторон. Именно на момент окончания исполнения обязательств, в отношении которых имеется просрочка, заказчику

известны конкретный период просрочки, объем обязательств, исполненных в срок, и иные данные, необходимые для надлежащего расчета размера неустойки в виде пени.

Неоднозначной представляется интерпретация, отраженная в п. 38 обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) о том, что при добровольной уплате названной неустойки ее размер по общему правилу подлежит исчислению по ставке, действующей на дату фактического платежа [11].

По смыслу вышеуказанного положения, после направления заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) требования об уплате неустойки в виде пени (и в случае ее уплаты последним) ее размер будет определяться исходя из ставки, действующей на момент добровольного платежа, а не исходя из размеров ставки, имевшей место в соответствующие периоды просрочки исполнения обязательства. Подобное толкование нормы, на наш взгляд, предоставляет должнику возможность дискреции и злоупотребления правом, так как должник может намеренно затягивать оплату пени, определяя наиболее выгодный момент для ее добровольной оплаты, исходя из меняющейся ставки, ожидая ее уменьшения. Аналогичным образом недобросовестный кредитор может не предъявлять требования об уплате пени, ожидая увеличения размера ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации.

Выводы

Частое внесение изменений в законодательство в сфере закупок и необходимость последующего применения норм в практической плоскости участниками контрактной системы в отсутствие выработанной правоприменительной практики и разъясняющих писем государственных органов создает значительные трудности и зачастую приводит к различному пониманию норм права в обозначенной области. Решение указанной проблемы видится в опубликовании одновременно с издаваемыми нормативными правовыми актами, вносящими соответствующие изменения, разъяснительной

информации по правильному применению норм права на официальных сайтах уполномоченных органов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а не после направления соответствующих обращений в их адрес.

В целях исключения различного толкования и разгрузки судебных органов представляется целесообразным внесение изменений в Правила, утвержденные Постановлением Правительства РФ № 1042, для нормативного закрепления понятия «обязательство, которое не имеет стоимостного выражения», путем перечисления конкретных случаев или отражения дефиниции.

Несомненно, актуализация Верховным Судом Российской Федерации Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд позволило бы как участникам контрактной системы, так и правоприменительным органам более эффективно и правильно применять нормы права в указанной области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Законодательство о контрактной системе в сфере закупок регламентирует деятельность не только государственных заказчиков, но и муниципальных заказчиков, а также в определенных случаях распространяется на бюджетные учреждения, государственные, муниципальные унитарные предприятия, осуществляющие закупки. Данная статья затрагивает вопросы нормативного правового регулирования и обобщает судебную практику именно с участием государственных заказчиков.

² В отдельных случаях заключения контракта по определенным основаниям, законодатель допускает возможность не включения условия об ответственности в содержание контракта. См.: ч. 15 ст. 34 ФЗ-44.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры / под ред. Р. В. Шагиной. – М. : Директ-Медиа, 2019. – 445 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гражданское право. В 2 т. Т. 1 : учебник / под ред. Б. М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2021. – 614 с.

4. Гражданское право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / П.А. Алексей [и др.]; под ред. М.М. Расолова, П.В. Алексия, А.Н. Кузбагарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 911 с.

5. Гражданское право России. Часть первая: учебник / под ред. З. И. Цыбуленко. – М. : Юристь, 2000. – 464 с.

6. Дерюгина, Т. В. Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» / Т. В. Дерюгина // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 11. – URL: <https://j.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1757> (дата обращения: 14.08.2022).

7. Ежеквартальный отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», за I квартал 2022 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/06/main/2022_I.pdf (дата обращения: 13.08.2022). – Загл. с экрана.

8. Иншакова, А. О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях: причины и следствия / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.1>

9. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.

10. Крашенинников, М. П. Меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Крашенинников Михаил Павлович. – Саратов, 2012. – 27 с.

11. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2022).

12. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2021 г. № 307-ЭС21-3342 по делу № А26-11639/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dc7ba73c-7407-41d7-9465-01e2c63e3f20/56617632-40f9-4576-97ad-14aaeb48b8b3/A26-11639-2019_20210412_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022). – Загл. с экрана.

13. Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2020 № 305-ЭС20-10760 по делу № А40-257525/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2022 № 304-ЭС21-26643 по делу № А81-9117/2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3678115a-0819-44b7-944b-ee12c1f3f67e/96a71802-af87-4fd2-8476-e5cae37cea04/A81-9117-2020_20220120_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022). – Загл. с экрана.

15. Письма Министерства финансов Российской Федерации от 27.08.2019 № 24-03-08/65506, от 09.01.2020 № 24-03-08/53, от 13.01.2020 г. № 24-03-08/452, от 16.01.2020 г. № 24-03-08/1515. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2020 по делу № А41-58554/2019. Картоoteca арбитражных дел. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9425547b-8fe7-4136-9e2c-cb95af58cac3/4eed7353-4551-484d-9d21-18b3086a0253/A41-58554-2019_20200602_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.08.2022). – Загл. с экрана.

17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2020 по делу № А40-222356/2019. Картоoteca арбитражных дел. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d9d9b682-6798-4f2f-b4bf-9ee236e49935/ee9b0145-2462-4ae8-90bf-c935a74cb76c/A40-222356-2019_20200630_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.08.2022). – Загл. с экрана.

18. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2021 по делу № А06-7583/2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e16942a4-151a-476a-95d5-e365053266a9/16aacc899-2c97-4b19-b243-d1e5bd2e77aa/A06-7583_2020_20210330_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022). – Загл. с экрана.

19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.10.2019 по делу № А40-190279/17. Картоoteca арбитражных дел. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c8719f1b-a03c-45a4-8f18-b0ff76817006/3646b3d2-bef5-491e-bc84-8a4e55387650/A40-190279-2017_20191008_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.08.2022). – Загл. с экрана.

20. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 № 1063. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2022). – Загл. с экрана.

21. Пугинский, Б. И. Теория и практика договорного регулирования / Б. И. Пугинский. – М. : Зерцало-М, 2008. – 224 с.

22. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2022). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Shagieva R.V., ed. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: ucheb. dlya magistratury* [Actual Issues of Civil Law. Study Guide for Master Students]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2019. 445 p.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

3. Gongalo B.M., ed. *Grazhdanskoe pravo. V 2 t. T. 1: uchebnyk* [Civil Law. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2021. 614 p.

4. Rassolova M.M., Aleksiya P.V., Kuzbagarova A.N., eds. *Grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchih'sya po special'nosti «Jurisprudenciya»* [Civil Law. Study Guide for Higher Education Students Studying in the Specialty "Jurisprudence"]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2017. 911 p.

5. *Grazhdanskoe pravo Rossii. CHast' pervaya: uchebnyk* [Russian Civil Law]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 464 p.

6. Deryugina T.V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy tolkovaniya i primeneniya kategorij «ubytki», «vred», «ushherb» [The Theoretical and Practical Problems of Interpreting and Applying of the Categories of "Loss", "Harm", "Damage"]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2018, vol. 17, no. 1. URL: <https://j.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1757> (accessed 14 August 2022).

7. *Ezhekvartal'nyj otchet o rezul'tatah monitoring zakupok tovarov, rabot, uslug, osushchestvlyаемых в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», за I квартал 2022 г.* [Quarterly Report on the Results of Monitoring Purchases of Goods, Works, and Services Carried Out in Accordance With the Federal Law "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs", for the First Quarter of 2022)] URL: <https://minfin.gov.ru/>

common/upload/library/2022/06/main/2022_I.pdf (accessed 13 August 2022).

8. Inshakova A.O. Trudnosti ispol'zovaniya ocenочnyh kategorij v mezhotraslevykh juridicheskikh issledovaniyah: prichiny i sledstviya [Difficulties of Using Evaluative Categories in Intersectoral Legal Studies: Causes and Effects]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], vol. 18, no. 2, 2019, pp. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.1>.

9. Ioffe O.S. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 880 p.

10. Krashenninikov M.P. *Merygrazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za neispolnenie obyazatel'stv: dis. ... kand. jurid. nauk* [Measures of Civil Liability for Non-fulfillment of Obligations. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2012.

11. Obzor sudebnoj praktiki primeneniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 28 iyunya 2017 g.) [Review of Judicial Practice of the Application of the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 28, 2017)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"* (accessed 14 August 2022).

12. *Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 12.04.2021 № 307-ES21-3342 po delu № A26-11639/2019* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 12, 2021 No. 307-ES21-3342 in Case No. A26-11639/2019]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/dc7ba73c-7407-41d7-9465-01e2c63e3f20/56617632-40f9-4576-97ad-14aaeb48b8b3/A26-11639-2019_20210412_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed 14 August 2022).

13. *Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13 avgusta 2020 g. № 305-ES20-10760 po delu № A40-257525/2019* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 13, 2020 No. 305-ES20-10760 in case No. A40-257525/2019]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

14. *Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.01.2022 g. № 304-ES21-26643 po delu № A81-9117/2020. Kartoteka arbitraznyh del* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of January 20, 2022 No. 304-ES21-26643 in Case No. A81-9117/2020. The File of Arbitration Cases]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3678115a-0819-44b7-944b-ee12c1f3f67e/96a71802-af87-4fd2-8476-e5cae37cea04/A81-9117-2020_20220120_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (accessed 14 August 2022).

15. Pis'ma Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii ot 27.08.2019 № 24-03-08/65506, ot 09.01.2020 № 24-03-08/53, ot 13.01.2020 g. № 24-03-08/452, ot 16.01.2020 № 24-03-08/1515 [Letters of the Ministry of Finance of the Russian Federation of August 27, 2019 no. 24-03-08/65506, of January 9, 2020 no. 24-03-08/53, of January 13, 2020 no. 24-03-08/452, of January 16, 2020 no. 24-03-08/1515]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

16. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 02.06.2020 po delu № A41-58554/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 30, 2020 in case no. A40-222356/2019]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9425547b-8fe7-4136-9e2c-cb95af58cac3/4eed7353-4551-484d-9d21-18b3086a0253/A41-58554-2019_20200602_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 15 August 2022).

17. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 30.06.2020 po delu № A40-222356/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of June 30, 2020 in case no. A40-222356/2019]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d9d9b682-6798-4f2f-b4bf-9ee236e49935/ee9b0145-2462-4ae8-90bf-c935a74cb76c/A40-222356-2019_20200630_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 15 August 2022).

18. *Postanovlenie Dvenadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30.03.2021 po delu № A06-7583/2020* [Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal of March 30, 2021 in case no. A06-7583/2020].

URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e16942a4-151a-476a-95d5-e365053266a9/16aec899-2c97-4b19-b243-d1e5bd2e77aa/A06-7583-2020_20210330_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed 14 August 2022).

19. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 08.10.2019 po delu № A40-190279/17* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of October 8, 2019 in case no. A40-190279/17]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c8719f1b-a03c-45a4-8f18-b0ff76817006/3646b3d2-bef5-491e-bc84-8a4e55387650/A40-190279-2017_20191008_Postanovlenie_apellyacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed 15 August 2022).

20. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25.11.2013 № 1063*. [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1063 of November 25, 2013] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 15 August 2022).

21. Puginskij B.I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [Theory and Practice of Contractual Regulation]. Moscow, Zercalo-M Publ., 2008. 234 p.

22. *Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd»* [Federal Law No. 44-FZ of April, 2013 "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs"]. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 15 August 2022).

Information About the Author

Mohammad-Bastani R. Yusupov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Labor law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, seven.55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5729-4271>

Информация об авторе

Мохаммад-Бастани Рамзанович Юсупов, кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, seven.55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5729-4271>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.21>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 27.08.2022
Accepted: 25.09.2022

THE CONCEPT OF TRUST AS THE BASIS OF INTERACTION IN THE FRAMEWORK OF DIGITAL CURRENCIES

Ekaterina S. Tushova

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

Introduction: most of the studies devoted to the phenomenon of digital currencies are related to the assessment of the role and importance of the latter as a competitor to the legitimate means of payment. However, the basis for the legitimization of monetary institutions is trust. Digital currencies formed without the participation of a public regulator would not have been so widely distributed without the necessary level of public consensus on their use. In this regard, the author formulated the **objectives** of the study related to identifying the features, role and significance of trust as a tool for legitimizing digital currencies in the status of a quasi-monetary phenomenon. **Methods:** the research methodology is based on the epistemological mechanism of holistic analytical and synthetic research. Used in the system unity, the analytical stage of studying the object was associated with the formation of knowledge about the components that collectively provide the legitimization of digital currencies, and the synthetic stage was about the relationships that combine these components into an integral object. The dialectical and comparative legal methods were also used as the methodological framework for the study. **Results:** the formulated author's approach is based on the research materials of domestic and foreign authors, a system analysis of the regulatory material and law enforcement practice, the logical conclusions based on the features of the legitimization of cryptocurrencies. The scope of application of the results: the obtained research results can be used as the basis for more in-depth research on the essence, legal nature, and features of the legal regime of digital currencies. **Conclusions:** in the course of the study, the features of the legal and technological component in the legitimization of the digital currency have been considered; the conclusions have been drawn on the issue of their correlation. The concept of trust in the digital environment has been formulated. The similarities and differences between the mechanism of legitimization of monetary units and digital currencies have been revealed. It is concluded that digital currencies show the signs inherent in monetary phenomena, which are characterized by dependence not only on the legitimizing decision of the state, but also on the degree of their recognition by society.

Key words: law, legal principles, legal relations, digital currency, trust in law.

Citation. Tushova E.S. The Concept of Trust as the Basis of Interaction in the Framework of Digital Currencies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 151-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.21>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 27.08.2022
Дата принятия статьи: 25.09.2022

КОНЦЕПЦИЯ ДОВЕРИЯ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Екатерина Сергеевна Тушова

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация

Введение: большинство исследований, посвященных феномену цифровых валют, связаны с оценкой роли и значения последних в качестве конкурента законных платежных средств. Однако основой легитимации денежных институтов выступает доверие. Цифровые валюты, сформировавшиеся без участия публичного регулятора, не получили бы столь широкого распространения без необходимого уровня общественного консенсуса по поводу их использования. В этой связи автором сформулирована цель исследования, связанная с выявлением особенностей, роли и значения доверия как инструмента легитимации цифровых валют в статусе

квазиденежного феномена. **Методы:** в основе методологии исследования лежит гносеологический механизм целостного аналитико-синтетического исследования. Используемый в системном единстве аналитический этап изучения объекта связывался с формированием знания о компонентах, в своей совокупности обеспечивающих легитимацию цифровых валют, а синтетический этап – с формированием знания о тех отношениях, которые объединяют эти компоненты в целостный объект. В качестве методологической основы исследования также были использованы диалектический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** сформулированный авторский подход базируется на материалах исследований отечественных и зарубежных авторов, системном анализе нормативного материала и правоприменительной практики, логических умозаключениях, основывающихся на особенностях легитимации криптовалют. **Область применения результатов:** полученные результаты могут быть положены в основу более глубоких исследований по поводу сущности, правовой природы, особенностей правового режима цифровых валют. **Выводы:** в ходе исследования были рассмотрены особенности правовой и технологической составляющих в легитимации цифровой валюты, сделаны выводы по вопросу их соотношения. Было сформулировано понятие доверия в цифровой среде. Выявлены сходства и отличия механизма легитимации денежных единиц и цифровых валют. Сделан вывод о том, что цифровые валюты прослеживают признаки, присущие денежным феноменам, для которых характерной является зависимость не только от легитимирующего решения государства, но и от степени их признания обществом.

Ключевые слова: право, правовые принципы, правовые отношения, цифровая валюта, доверие в праве.

Цитирование. Туешова Е. С. Концепция доверия как основа взаимодействия в рамках обращения цифровых валют // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 151–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.21>

Введение

Цифровые валюты существуют на основе технологии блокчейн. Базовое свойство блокчейна связано с исключительной устойчивостью сведений к искажениям, а также доступностью для ознакомления неограниченному кругу лиц и отсутствием необходимости в участии контролеров или публичных регуляторов [12]. Биткоин – наиболее известная цифровая валюта, которая, будучи изобретением современного этапа развития «цифровой модели общества», с самого начала своего создания рассматривалась в качестве альтернативы системе суверенных валют. Однако принятие соответствующего механизма в качестве инструмента накопления, обращения, меры стоимости было бы невозможно без консенсуса значительного числа членов общества по этому вопросу [4].

Феномен доверия, несмотря на отсутствие прямых упоминаний о нем на уровне законодательства, играет немалую роль в регулировании процессов взаимодействия между субъектами. В монографии Ю.С. Харитоновой и Л.В. Санниковой рассматриваются некоторые вопросы цифрового доверия и его трансформации в рамках блокчейн-революции [15]. Заявленная проблематика предполагает сравнительный анализ места доверия в классической и цифровой экономике.

В целом доверие, пронизывая гражданско-правовые отношения, обеспечивает презумпцию добросовестности их участников. Руководствуясь данным предположением, стороны вступают в правоотношения, рассчитывая на соблюдение всеми положений закона, неуклонное следование взаимосогласованным договорным нормам и обычаям делового оборота [16, с. 75]. Основой доверия в рамках частноправовых отношений выступают представления о том, что индивиды будут действовать строго в соответствии с достигнутыми договоренностями и на основе законодательной базы, а в случае несоблюдения норм у лица будет возможность прибегнуть к различным способам воздействия на нарушителей в целях формирования у них под угрозой определенных последствий мотивации действовать в соответствии с законом и достигнутыми договоренностями. Однако по мере цифровизации всех сфер общественной жизни, сущность и содержание феномена доверия в качестве внеправового регулятора общественных отношений претерпевает значительные изменения [1, с. 23].

Наряду с межличностным доверием, выступающим основой двусторонних связей, отмечается, что определенную роль в регулировании отношений субъектов играет и так называемое институциональное доверие [1, с. 23]. К.Ю. Суриков относит доверие к

квазиинститутам неформального типа [17, с. 7]. По мнению данного автора, существование и развитие института денег связано с уровнем доверия скорее к их эмитентам, но не определяется доверием к самим деньгам как к экономическому явлению. Примечательно, что специалисты IT-областей отождествляют доверие с информационной безопасностью, то есть достоверность той или иной информации связывается не с оценкой конкретных характеристик субъекта, а с устойчивостью работы и защищенностью самой информационной системы [16, с. 28].

Доверие рассматривается в качестве «фундаментального механизма, координирующего предвидение и интеракции участников этих отношений» [2, с. 152]. В словарных источниках доверие раскрывается как уверенность в чьей-то добросовестности, искренности, правильности чего-либо [11].

Тем самым с точки зрения права доверие традиционно связывается с презюмируемой честностью и добросовестностью участников правоотношений. Располагаясь на стыке морали, нравственности и юриспруденции, добросовестность является самостоятельным условием, обеспечивающим доверие участников оборота, в том числе и прежде всего в сферах, по тем или иным причинам недостаточно эффективно регулируемых правом.

По нашему мнению, доверие представляет собой предположение о добросовестном поведении участников, и в этом смысле в рамках классических «внецифровых» правовых отношений добросовестность можно рассматривать в качестве неотъемлемого условия доверия между субъектами.

Роль и значение доверия в легитимации цифровых валют как квазиденежного феномена

Основой доверия в «доцифровой» экономике выступает информация. Надлежащим образом аккумулируемые сведения о добросовестности субъекта обладают правовым значением, в связи с чем с ней могут быть связаны определенные правовые последствия.

Однако в рамках цифровой экономики, сопровождающейся появлением и развитием новых объектов гражданского оборота, про-

исходят изменения в отношении роли и значения информации в качестве основы доверия между субъектами. Доверие в современной цифровой экономике связано не столько с содержанием информации, сколько с ее достоверностью, обеспечиваемой, прежде всего, соблюдением требований к протоколу [3, с. 251].

Так, функционирование криптовалют с самого начала их создания обеспечивалось системой блокчейн. Подобный распределенный формат хранения информации эффективно защищает сведения от возможной недобросовестности за счет целенаправленных действий множества участников [14].

Однако в последние годы широкое распространение приобрела тенденция «отождествления понятий цифрового доверия и безопасности», что происходит при сугубо технократическом подходе к пониманию цифровой среды доверия [7; 15].

Учитывая вышеизложенное, доверие в цифровой среде может быть определено как основанное на надежности систем распределенного доступа и криптографии, а также на признании государством юридического значения соответствующих действий и фактов предположение о добросовестности поведения контрагентов и посредников с учетом правовой легитимации цифровых технологий. Подобное определение не исключает из цифрового доверия правовую составляющую, подчеркивая их взаимосвязь и взаимное влияние.

Советским профессором Л.А. Лунцем, отмечалось, что «будучи родовыми вещами, деньги определяются в гражданском обороте не по своим физическим свойствам, а исключительно по числовому отношению к определенной абстрактной единице» [5, с. 109].

Любое государство проводит собственную политику в части регулирования сферы денежного обращения, устанавливает статус национальной валюты в качестве законного платежного средства. Между функциями орудия обмена и законного платежного средства имеется настолько тесное соотношение, что они не могут сосуществовать в отрыве друг от друга. Государство выпускает изготовленные из бумаги знаки, объявляя, что этими знаками можно погашать существующие долги; гражданский оборот пользуется этими знаками для заключения новых сделок. Здесь –

законное платежное средство становится орудием обращения [5, с. 31]. Тем самым статусом законного платежного средства деньги наделяются государственной властью, а легитимирует их в качестве всеобщего орудия обмена гражданский оборот, основанный на доверии членов общества к тому или иному платежному средству.

Однако не стоит забывать, что всем современным денежным единицам присущ фидуциарный характер. Доверие легитимирует статус законного платежного средства, установленного государством, обеспечивая его стабильное обращение и естественную коррекцию финансовой политики.

Очень ярко влияние доверия в обществе к деньгам как основы их оборота было проиллюстрировано Е.М. Майбурдом в ходе проведенного им исследования галопирующей инфляции в Германии 1920-х годов. Длительное падение экономики и существенная девальвация национальной валюты привело к полному краху. Однако восстановление началось не с качественных изменений в экономической, политической и прочих сферах, а с восстановления доверия в обществе после эмиссии новой валюты рентенмарк, «успех которой был целиком поставлен на карту всеобщего доверия». Автором отмечается, что «сработал блеф рентенмарки. Ей поверили, и потому она держала постоянную ценность марки. Возможно, решающую роль сыграло то, что рентенмарк была принята фермерами, и в города стало поступать продовольствие» [6, с. 39]. Тем самым общественное доверие является основой, способной обеспечить становление законного платежного средства в качестве орудия обмена или отказать ему в этом праве, сформировав условия для девальвации вплоть до полной утраты значения национальной валюты.

Учитывая вышеизложенное, следует согласиться с утверждением о том, что «сегодня уровень доверия к деньгам является лакмусовой бумажкой экономического здоровья общества» [18]. В независимости от формы выражения, деньги существуют, пока индивиды верят в их способность быть обмененными на любой другой товар.

Продолжая рассуждение о роли доверия в функционировании различных расчетных

единиц, следует отметить, что приобретение криптовалютами статуса расчетной единицы, обладание стоимостными характеристиками, не было навязано со стороны государственной власти.

Так, некоторыми авторами отмечается, что криптовалюты приобрели денежное значение не в силу договора, опосредующего формирование обязательственного права между банком и владельцем денежных средств в отношении безналичной валюты, а «в силу соответствующего протокола на платформе blockchain» [1, с. 21].

Полагаем, данный протокол лишь обеспечивает организационные отношения участников, а криптовалюта становится «символом общественного отношения», способным выполнять функцию средства платежа и количественного учета новых денежных средств. Основой же отношений сторон, обеспечивающей способность некоего цифрового конструкта участвовать в обороте в роли частного платежного средства, является не что иное, как доверие к ним со стороны членов общества, связанное с готовностью использовать криптовалюты в качестве инструмента накопления и расчетов.

Однако не вполне однозначным является и решение вопроса в части возможностей криптовалют выступать в статусе меры стоимости. Чаще всего данный функционал активов критикуют по причине отсутствия у последних какой-либо фундаментальной ценности. Так, Уоррен Баффет отмечает, что криптовалюты, не имеющие какой-либо материальной стоимости, по сути являются надеждой на то, что в будущем кто-то заплатит за них больше, чем вы.

Однако в рамках многих классических теорий отмечается, что фиатные деньги на современном этапе, не будучи обеспеченными чем бы то ни было, уже давно не имеют собственной материальной ценности. В этом смысле нет каких-либо принципиальных отличий между эмитируемыми государством денежными единицами и частными цифровыми валютами.

Как представляется, в условиях отсутствия публично-правовой легитимации цифровой валюты с учетом ее частнопроводного статуса ее расчетные возможности обеспечива-

ются общественным доверием, в основе которого лежит не государственная легитимация, а функционирующая на основе алгоритмов система распределенного доступа [8, с. 39].

Однако государство как регулятор принимает институциональные меры в части реализации публично-правовой политики в отношении криптовалют. Признание цифровых валют в качестве расчетных единиц, платежных средств, закрепление правового статуса за теми или иными юридическими фактами, формирование инструментария защиты – все это компетенция государства. В таких условиях, институт «доверия» раздваивается, поскольку в нем принимают участие два субъекта – частный эмитент и государство [9, с. 49].

Несмотря на соблюдение протокольных правил системы распределенного доступа и отсутствие в действиях нарушений закона, до сегодняшнего дня существует судебная практика, в рамках которой в качестве основания для отказа в удовлетворении требований выступает формальное несоответствие законодательным нормам.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 № Ф05-7100/2021 был сделан вывод, что распечатка транзакции о переводе с неизвестного счета 200 биткоинов не подтверждает факта получения ответчиком криптовалюты. Указанная распечатка не подтверждает факт принадлежности электронного кошелька истцу и не является надлежащим доказательством получения криптовалюты ответчиком [13].

Учитывая, что по смыслу ст. 1102 ГК РФ для возникновения обязательств из неосновательного обогащения необходимы приобретение или сбережение имущества за счет другого лица, отсутствие правового основания для такого сбережения или приобретения, отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ, суд пришел к обоснованному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований и взыскания с ответчика спорной суммы [13].

В таких условиях правовой инструментарий защиты прав обладателей криптовалют явно недостаточен, учитывая, что основой доверия выступает технологическая среда, а сами правоотношения не обеспечиваются

достаточным уровнем правовых гарантий, существуют риски все большего ухода криптоактивов в тень, что угрожает стабильности денежной системы государства.

Сочетание юридико-технологических инструментов доверия к цифровым валютам

Тем самым на сегодняшний день сформирована технологическая среда доверия криптовалютам. В рамках системы блокчейн могут быть выделены следующие типы доверия:

- доверие в рамках отношений, обеспечивающих соблюдение протокола (организационных отношений);
- доверие контрагентам в рамках относительных правоотношений;
- доверие государственному регулятору.

Однако обращение цифровых валют, основой которых выступает исключительно доверие к технологической составляющей, не создает предсказуемую модель правового регулирования. Полагаем, что технологическая составляющая доверия должна дополнять, но не подменять правовые элементы.

В этой связи необходимо как можно скорее ответить на вопросы по поводу юридического значения тех или иных технологических решений в отношении:

- юридического значения фактов, закрепленных на уровне реестров распределенного доступа;
- оценки правовой достоверности сведений, содержащихся в системе распределенного доступа на основе технологии блокчейн;
- правовых последствий сведений о правообладателе цифровой валюты, в том числе в аспекте признания прав добросовестного приобретателя.

Снизить риски приобретателей криптовалют будет возможно на основе:

- дополнительного раскрытия информации перед выпуском криптовалют или их допуска на криптовалютные биржи;
- опционального установления дополнительных обязанностей для эмитентов криптовалют (в случае их наличия);
- опционального установления дополнительных требований к криптовалютам как условиям их допуска на криптовалютные биржи;

– иных мер защиты (в том числе «периода охлаждения» для потребителей).

Кроме того, для создания предсказуемой правовой среды, обеспечивающей функциональность технологических решений, законодателю следует остановиться на одном из предлагаемых решений:

– закрепление возможности добросовестного приобретения криптовалют по аналогии с п. 3 ст. 302 ГК РФ (чтобы защита была и при выбытии помимо воли);

– закрепление за распределенным реестром, на базе которого обращаются криптовалюты, правоустанавливающего значения (запись = право).

В этой связи полагаем, что публично-правовой стороной доверия к криптовалютам должно стать признание достоверности данных базы, созданной с помощью технологии распределенных реестров, а также гарантированность государством правового режима соответствующей информации.

Заключение

По нашему мнению, доверие представляет собой предположение о добросовестном поведении участников, и в этом смысле в рамках классических «внецифровых» правовых отношений добросовестность можно рассматривать в качестве неотъемлемого условия доверия между субъектами.

В новых технологических реалиях взамен доверия, основанного на добросовестности, приходит концепция так называемого «технологического доверия». Отмечается, что доверие в современных условиях связывается не с содержанием информации, но прежде всего с ее достоверностью, обеспечиваемой соблюдением протокольных требований. Используемый распределенный формат хранения информации эффективно защищает сведения от возможной недобросовестности субъекта за счет целенаправленных действий множества лиц.

Формулируется вывод о том, что с экономической точки зрения факт обладания цифровой валютой представляет собой определенный ресурс, имеющий имущественную ценность и способный к конвертации в иные ценности, в том числе имеющие вещную форму, по правилам протокола.

Доверие в цифровой среде определяется как основанное на надежности системы распределенного доступа и криптографии и признании государством юридического значения соответствующих действий и фактов предположение о добросовестности поведения контрагентов и посредников с учетом правовой легитимации цифровых технологий. Подобное определение не исключает из цифрового доверия правовую составляющую, подчеркивая их взаимосвязь и взаимное влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрейченко, Н. В. Институциональное доверие как основа формирования социального капитала современной России / Н. В. Андрейченко, О. В. Несолена, Т. И. Демиденко // Финансовые исследования. – 2017. – № 1 (54). – С. 23–26.
2. Вдовиченко, Л. Н. Международная конференция по доверию в Японии / Л. Н. Вдовиченко // Социологические исследования. – 2018. – № 6. – С. 151–154.
3. Ворникова, Е. Д. Понятие цифровой среды доверия / Е. Д. Ворникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 6. – С. 251–255.
4. Кокотов, А. Н. Доверие. Недоверие. Право / А. Н. Кокотов. – М. : Юрист, 2004. – 192 с.
5. Лунц, Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л. А. Лунц. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2004. – 350 с.
6. Майбурд, Е. М. Уничтожение денег, краткий очерк финансовой катастрофы в Германии 1920-х годов / Е. М. Майбурд // Эко. – 2015. – № 5. – С. 38–68.
7. Матыцин, Д. Е. Утилитарные цифровые права как предмет дистанционно-цифровых сделок в инвестиционных платформах / Д. Е. Матыцин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164). – С. 171–174.
8. Матыцин, Д. Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках / Д. Е. Матыцин // Банковское право. – № 1. – 2022. – С. 39–47.
9. Мелиховский, В. М. Блокчейн и криптовалюта в системе цифровой экономики / В. М. Мелиховский. – Ярославль : НАИС, 2019. – 82 с.
10. О доверии в информационных системах на основе интернет-технологий / А. П. Дураковский [и др.] // Безопасность информационных технологий. – 2015. – № 1. – С. 28–32.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Просвещение, 2014. – 1023 с.

12. Перов, В. Ю. Криптовалюта и этика доверия / В. Ю. Перов // Деньги и процент: экономика и этика : сб. тез. IX ежегод. Междунар. конф. Центра исслед. экон. культуры С.-Петерб. гос. ун-та (Санкт-Петербург, 15–17 июня 2020 г.). – СПб. : Астерион, 2020.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 № Ф05-7100/2021 по делу № А41-4212/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Санникова, Л. В. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова // Гражданское право. – 2018. – № 5. – С. 3–8.

15. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. – М. : 4Print, 2020. – 304 с.

16. Соломин, С. К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы / С. К. Соломин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 2. – С. 75–80.

17. Суриков, К. Ю. Фактор доверия в эволюции денег / К. Ю. Суриков // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2015. – № 4. – С. 7–9.

18. Хусаинова, А. И. Проблема доверия к деньгам: дискуссионный аспект / А. И. Хусаинова // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 4 (41). – С. 250–252.

REFERENCES

1. Andrejchenko N.V., Nesolenaja O.V., Demidenko T.I. Institucionalnoe doverie kak osnova formirovaniya socialnogo kapitala sovremennoj Rossii [Institutional Trust as the Basis for the Formation of Social Capital in Modern Russia]. *Finansovye issledovanija* [Financial Research], 2017, no. 1 (54), pp. 23-26.

2. Vdovichenko L.N. Mezhdunarodnaja konferencija po doveriju v Japonii [International Conference on Trust in Japan]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Research], 2018, no. 6, pp. 151-154.

3. Vornikova E.D. Ponjatie cifrovoj sredy doverija [The Concept of a Digital Environment of Trust]. *Probely v rossijskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2020, no. 6, pp. 251-255.

4. Kokotov A.N. *Doverie. Nedoverie. Pravo* [Trust. Distrust. Right]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 192 p.

5. Lunc L.A. *Dengi i denezhnye objazatelstva v grazhdanskom prave* [Money and Monetary Obligations in Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2004. 350 p.

6. Majburd E.M. Unichtozhenie deneg, kratkij ocherk finansovoj katastrofy v Germanii

1920-h godov [Destruction of Money, a Brief Outline of the Financial Catastrophe in Germany of the 1920-s]. *Eko* [Eco], 2015, no. 5, pp. 38-68.

7. Matycin D.E. Utilitarnye cifrovye prava kak predmet distancionno-cifrovyyh sdelok v investicionnyh platformah [Utilitarian Digital Rights as a Subject of Remote Digital Transactions in Investment Platforms]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2022, no. 1 (164), pp. 171-174.

8. Matycin D.E. Cifrovye finansovye aktivy v distancionnyh investicionnyh sdelkah [Digital Financial Assets in Remote Investment Transactions]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2022, no. 1, pp. 39-47.

9. Melihovskij V.M. *Blokchejn i kriptovaljuta v sisteme cifrovoj ekonomiki* [Blockchain and Cryptocurrency in the Digital Economy System]. Jaroslavl, NAJS Publ., 2019. 82 p.

10. Durakovskij A.P., Kondratyeva T.A., Lavruhin Ju.N., Petrov V.R. O doverii v informacionnyh sistemah na osnove internet-tehnologij [About Trust in Information Systems Based on Internet Technologies]. *Bezopasnost informacionnyh tehnologij* [IT Security (Russia)], 2015, no. 1, pp. 28-32.

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyy slovar russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 2014. 1023 p.

12. Perov V.Ju. Kriptoaljuta i etika doverija [Cryptocurrency and Ethics of Trust]. *Dengi i procent: ekonomika i etika: sb. tez. IX ezhegod. Mezhdunar. konf. Centra issled. jekon. kultury S.-Peterb. gos. un-ta (Sankt-Peterburg, 15–17 ijunja 2020 g.)* [Money and Interest: Economics and Ethics. Collection of Theses. 9th Annual International Conference of the Centre for Research of Economic Culture Under St. Petersburg University (Saint Petersburg, June 15–17, 2020)]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2020.

13. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 13.05.2021 № F05-7100/2021 po delu № А41-4212/2020 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Dated May 13, 2021 No. F05-7100/2021 in Case No. A41-4212/2020]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. Sannikova L.V., Haritonova Ju.S. Pravovye aspekty primenenija tehnologii raspredelennyh reestrov dlja formirovaniya novoj sredy doverija v obshhestve [Legal Aspects of the Use of Distributed Registry Technology for the Formation of a New Environment of Trust in Society]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2018, no. 5, pp. 3-8.

15. Sannikova L.V., Haritonova Ju.S. *Cifrovye aktivy: pravovoj analiz: monografija* [Digital Assets: Legal Analysis. Monograph]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.

16. Solomin S.K. Teorija dobrosovestnosti v rossijskom grazhdanskom prave: stanovlenie, razvitie, perspektivy [The Theory of Good Faith in Russian Civil Law: Formation, Development, Prospects]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo* [Herald of Omsk University. Series Law], 2016, no. 2, pp. 75-80.

17. Surikov K.Ju. Faktor doverija v evoljucii deneg [The Factor of Trust in the Evolution of Money].

Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics], 2015, no. 4, pp. 7-9.

18. Husainova A.I. Problema doverija k dengam: diskussionnyj aspekt [The Problem of Trust in Money is a Debatable Aspect]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Right], 2017, no. 4 (41), pp. 250-252.

Information About the Author

Ekaterina S. Tushova, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law, Ulyanovsk State University, Lva Tolstogo St, 42, 432970 Ulyanovsk, Russian Federation, katyazueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2641-0174>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Тушова, аспирантка кафедры гражданского и предпринимательского права, Ульяновский государственный университет, ул. Льва Толстого, 42, 432970 г. Ульяновск, Российская Федерация, katyazueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2641-0174>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 13.09.2022
Accepted: 10.10.2022

DIGITAL RIGHTS AND DIGITAL CURRENCY IN RUSSIAN LAW: THE ISSUES OF LEGAL NATURE AND RELATIONS¹

Elizaveta V. Zaynutdinova

Novosibirsk State National Research University, Novosibirsk, Russian Federation

Introduction: currently, all countries are facing the challenges of the legal regulation of new digital phenomena that receive various names – digital rights, tokens, digital assets, digital currency, cryptocurrency. The Russian legislator has chosen the concepts of digital rights and digital currency as fundamental in this area. Questions arise about the correlation of such objects of rights, the selection of their qualifying features and the definition of the features of their legal regimes in the Russian Federation. The **purpose** of the study is to identify significant qualifying features of digital rights and digital currency, allowing them to be distinguished from each other in the Russian legal field. In this regard, the following research tasks are solved: 1) the definition of the essence of digital rights and digital currency in Russian law and similar legal phenomena; 2) the identification of qualifying features of digital rights and digital currency in the legislation, doctrine and law enforcement practice; 3) the comparative legal analysis of the legal regimes of digital rights and digital currency; 4) providing recommendations to the legislator and law enforcement officer on a more precise definition of the legal nature of digital rights and digital currency and a more effective legal regulation of their movement in the Russian Federation. **Methods:** in carrying out the study, the formal legal, historical legal and comparative legal methods were used to formulate the features of the legal regimes of digital rights and digital currency in Russian law. **Results:** digital rights and digital currency, despite the presence of a single digital (binary) form, have different legal regimes. Digital rights are second-order rights, being binding and other rights in digital form. In the case of digital rights, there is an obligor on whom the creditor has the right to make a corresponding claim. Accordingly, digital rights are relative rights. In turn, the digital currency is limited in circulation, at the same time, it seems more correct to recognize it as a special right of obligation, while the obligor is the user of the information system in which the digital currency is issued and circulated. Such a digital currency should not be confused with a digital currency issued by the Central Bank acting as an obligor. The authors have come to the **conclusion** that digital rights and digital currency are similar in having a digital form, which determines the civil remedies and liability applied in their movement relations, as well as the use of special contractual structures (smart contract). The differences between digital rights and digital currency lie in the definition of the obligor in the obligation, whose object is a digital right or digital currency.

Key words: digital rights, digital currency, token, cryptocurrency, blockchain, legal regime, digital economy.

Citation. Zaynutdinova E.V. Digital Rights and Digital Currency in Russian Law: The Issues of Legal Nature and Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 159-167. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 13.09.2022
Дата принятия статьи: 10.10.2022

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И СООТНОШЕНИЯ¹

Елизавета Владимировна Зайнутдинова

Новосибирский государственный национальный исследовательский университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация

Введение: в настоящее время все страны сталкиваются с вызовами правового регулирования новых цифровых явлений, получающих различные наименования – цифровые права, токены, цифровые активы,

цифровая валюта, криптовалюта. Российский законодатель избрал понятия цифровых прав и цифровой валюты в качестве основополагающих в рассматриваемой сфере. Возникают вопросы о соотношении такого рода объектов прав, выделении их квалифицирующих признаков и определения особенностей их правовых режимов в Российской Федерации. **Целью** настоящего исследования является определение значимых квалифицирующих признаков цифровых прав и цифровой валюты, позволяющих отграничить их друг от друга в российском правовом поле. В связи с этим решаются следующие **задачи** исследования: 1) определение сущности цифровых прав и цифровой валюты в российском праве и сходных с ними правовых явлений; 2) выявление квалифицирующих признаков цифровых прав и цифровой валюты в законодательстве, доктрине и практике правоприменения; 3) сравнительно-правовой анализ правовых режимов цифровых прав и цифровой валюты; 4) предоставление рекомендаций законодателю и правоприменителю по более точному определению правовой природы цифровых прав и цифровой валюты и более эффективному правовому регулированию их оборота в Российской Федерации. **Методы:** при проведении настоящего исследования использовались формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы для формулирования особенностей правовых режимов цифровых прав и цифровой валюты в российском праве. **Результаты:** цифровые права и цифровая валюта, несмотря на наличие единой цифровой (двоичной) формы, имеют различные правовые режимы. Цифровые права выступают правами второго порядка, являясь обязательственными и иными правами в цифровой форме. В случае цифровых прав имеется обязанное лицо, к которому кредитор вправе предъявить соответствующее требование. Соответственно цифровые права являются правами относительными. В свою очередь, цифровая валюта ограничена в обороте, в то же время представляется более верной позиция признавать ее особым обязательственным правом, при этом обязанным лицом выступает пользователь информационной системы, в которой выпускается и оборачивается цифровая валюта. Такую цифровую валюту не следует путать с цифровой валютой, выпускаемой центральным банком, выступающим обязанным лицом. Приходим к **выводам**, что цифровые права и цифровая валюта сходны тем, что имеют цифровую форму, которая предопределяет особые меры гражданско-правовой защиты и ответственности, применяемые в отношении по их обороту, а также использование особых договорных конструкций (смарт-контракта). Различия цифровых прав и цифровой валюты кроются в определении обязанного лица в обязательстве, объектом которого выступает цифровое право или цифровая валюта.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая валюта, токен, криптовалюта, блокчейн, правовой режим, цифровая экономика.

Цитирование. Зайнутдинова Е. В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 159–167. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22>

Введение

Развитие права информационных технологий, цифрового права является востребованным трендом в настоящее время [26, р. 237–262]. Исследования правовой природы и значимых признаков цифровых прав и цифровой валюты велись учеными еще до появления указанных терминов в законодательстве, несмотря на то что назывались они иначе, а именно токенами и криптовалютой. В научной литературе и законодательстве иногда используется и такое понятие в их отношении, как цифровые финансовые активы. В чем же важнейшие признаки рассматриваемых правовых явлений?

Терминологическая путаница обусловлена тем, что в проектах по изменению законодательства использовались различные термины. Изначально во внесенном законопроекте

№ 419059-7 появился термин «цифровые финансовые активы», под которым понималось имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств, право собственности на которое удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам были отнесены криптовалюта и токены². В дальнейшем от указанных терминов отказались ввиду желания употреблять такие российские аналоги рассматриваемых явлений, как цифровые права³ и цифровая валюта⁴. Использование понятия «цифровые деньги», а в дальнейшем – «цифровая валюта» обусловлено публичными интересами – желанием устранить конкуренцию криптовалют с фиатными валютами и отграничить их оборот.

Мнения в доктрине изменялись сообразно изменениям в законодательстве. В пер-

вых публикациях мы видим использование таких терминов, как токен, криптовалюта, биткоин (как разновидность криптовалюты), цифровые финансовые активы (см.: [5; 12–15; 18; 21–22]).

Если обратимся к правоприменительной практике, то заметим, что криптовалюта стала объектом гражданско-правового оборота до появления легального закрепления. Изначально Арбитражный суд г. Москвы отказался включить в конкурсную массу криптовалюту⁵. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий криптовалюта может быть расценена как иное имущество. Факт, что И.И. Царьков обладает доступом к криптокошельку, был подтвержден протоколом осмотра веб-страниц в сети «Интернет» от 21 февраля 2018 г., удостоверенным нотариально⁶. Правоприменитель указал на то, что криптовалюта выступает иными правами. Очевидно, имеются в виду имущественные права.

После изменений в законодательстве в 2019 г. в доктрине появляются термины: цифровые права, цифровая валюта (см.: [3–4; 9; 11; 17; 20]). Все же исследователи продолжили использовать и такие термины, как криптовалюта и токен (см., например: [2; 6; 8; 16]). В судебных делах можно заметить требования об обязанности передать арбитражному управляющему информацию о наличии у должника криптовалюты, а также иных финансовых активов⁷. В отдельных ситуациях суды истребуют у должника сведения о наличии криптовалюты и иной цифровой валюты, а также средства доступа к ней⁸. Но все же, исходя из норм законодательства, основополагающими понятиями, которые должны быть раскрыты как в доктрине, так и в правоприменительной практике, являются цифровые права и цифровая валюта.

Основное содержание

Цифровые права представляют собой имущественные права, которые, как и ценные бумаги, также являются записями, удостоверяющими это право. С ценными бумагами токены имеют много общих черт (удостовере-

ряют наличие прав, оборотоспособны, существуют в бездокументарной форме), за исключением того, что учет ценных бумаг происходит в реестре, в то же время токены выпускаются эмитентом в соответствующей информационной системе, записи осуществляются в цифровой форме.

Цифровые права удостоверяют имущественные права, в качестве примера можно привести инвестиционные токены. Отличия цифровых прав заключаются в том, что их реализация возможна только в цифровой среде, в определенной информационной системе при наличии подключения к сети «Интернет». Это влечет особенности оборота таких объектов посредством смарт-контракта и применение особых способов защиты в цифровой среде, и роднит цифровые права (токены) с цифровой валютой (криптовалютой).

Ключевым отличием цифровых прав от цифровой валюты является фигура обязанного лица. В случае цифровых прав таковым является эмитент цифровых прав, определяющий условия их выпуска и количество. Не можем согласиться с тем, что цифровыми правами является цифровая валюта (криптовалюта), несмотря на то что в доктрине высказываются подобные мнения [7, с. 15–17; 10, с. 15–17]. Представляется, что и законодатель выразил позицию о том, что это различные понятия, разграничив правовые режимы цифровых прав и цифровой валюты. Кто же выступает обязанным лицом в отношениях по обороту цифровой валюты и есть ли таковое?

Существует две основные теории правовой природы цифровой валюты (криптовалюты): 1) вещная теория; 2) обязательственная теория [10, с. 16–17]. Имеется позиция о том, что цифровая валюта (криптовалюта) выступает абсолютным цифровым правом или цифровым имуществом [23, с. 405–407]. Р.М. Янковский добавляет, что цифровые валюты (криптовалюты) похожи на вещи: их количество известно, они переходят от владельца к владельцу в строго определенном порядке, не содержат прав требования [24, с. 14]. По мнению А.В. Саженова, криптовалюты являются вещами [19].

Представляется, что цифровую валюту (криптовалюту) невозможно индивидуализи-

ровать и идентифицировать в силу отсутствия овеществленности. Нам ближе позиция о том, чтобы признавать криптовалюту особым обязательственным правом. Полагаем верной точку зрения Л.А. Новоселовой о том, что криптовалюты являются особым обязательственным правом, в котором праву каждого владельца криптовалюты корреспондируют обязанности всех остальных участников соответствующей расчетной системы, закрепленные правилами ее функционирования [13, с. 10–11]. Л.Г. Ефимова полагает, что изначально между участниками информационной системы возникает многостороннее правоотношение организационного типа по поводу цифровой валюты (криптовалюты) [6, с. 21–23], при этом участники такой системы признают криптовалюту в качестве имущества и средства платежа. Не можем согласиться с тем, что данное организационное правоотношение составляет правовую сущность цифровой валюты (криптовалюты). Действительно, участники информационной системы договариваются об ее использовании, в то же время ключевым здесь является то, что цифровая валюта (криптовалюта), выступая частным средством платежа, принимается лишь теми лицами, которые дали на то свое согласие.

Имеются два способа приобретения прав на криптовалюту: 1) создание (майнинг); 2) передача по договору. Подобные способы приобретения прав, первоначальные и производные, сближают криптовалюту с вещами, а право на криптовалюту – с вещным правом (правом собственности) [1]. В то же время цифровая валюта (криптовалюта) не имеет вещественной формы, несмотря на определенную универсальность, не может быть использована повсеместно, находится в обороте исключительно в той или иной информационной системе, при этом участники такой системы должны согласиться с такими правилами и признанием криптовалюты в качестве имущества. При наличии их согласия на это они могут выступать обязанными лицами в том или ином правоотношении по обороту цифровой валюты (криптовалюты). Правовая природа цифровой валюты (криптовалюты) ближе к правовой природе особого обязательственного права.

Результаты исследования

Общие черты цифровых прав и цифровой валюты predeterminedены цифровой формой и ими выступают следующие: 1) отсутствие овеществленности, существование в виде записи буквенно-числового кода, читаемого компьютером; 2) осуществление прав на них и распоряжение ими происходят в определенной информационной системе; 3) обладателем цифровых прав и цифровой валюты является лицо, на счете цифрового кошелька которого они учитываются. Указанные особенности применимы как в отношении цифровых прав, так и цифровой валюты, predeterminedены, прежде всего, их цифровой формой. В связи с использованием особой цифровой формы возникает необходимость поиска возможностей распоряжения ими в информационных системах и соответствующих договорных конструкций, а также приемлемых способов защиты гражданских прав в цифровой среде в отношениях по обороту таких новых видов объектов.

Судебная практика показывает, что ввиду того, что такие объекты представляют собой определенную экономическую ценность, взыскание неосновательного обогащения может быть применено, но лишь в тех случаях, когда цифровые права, цифровая валюта были перечислены по ошибке, а не намеренно с целью получения прибыли, иного дохода и пр. Так, в одном из дел суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении требования о взыскании неосновательного обогащения ввиду того, что, хотя и не напрямую через заключение смарт-контракта, истец перечислила денежные средства для приобретения криптовалют биткойн третьим лицом для истца. Суд посчитал, что денежные средства перечислялись для размещения с целью последующего получения выигрыша, и, следовательно, доказательств неосновательного обогащения не имеется. В данном деле подтверждением перевода денежных средств служит «выписка с блокчейна – реестра, содержащего в себе историю операций (транзакций) с криптовалютой, распечатки которого приобщены к делу»⁹. В целом можно сделать вывод о том, что исходя из анализа имеющейся судебной практики¹⁰ нормы о неосновательном обога-

шении к отношениям по обороту цифровых прав и цифровой валюты применяются в ограниченном количестве случаев и суды признают оборот цифровой валюты (криптовалюты) в качестве законного на территории Российской Федерации.

Еще одно дело свидетельствует о невозможности взыскания неосновательного обогащения и процентов за пользование денежными средствами в случае заключения смарт-контракта. Так, истец обратился в суд с требованием обязать ответчиков обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки контракторов (имеются в виду инвесторы, стороны смарт-контракта) пропорционально размеру вклада каждого контрактора и взыскать с ответчиков неосновательное денежное обогащение и проценты за пользование такой суммой. Суд апелляционной инстанции замечает, что истец при этом с требованием об истребовании из чужого незаконного владения флешек с доступом к криптокошельку (передать пароль – то есть с требованием о передаче / предоставлении доступа к цифровому кошельку) не обращается. Суд пришел к выводу, что действующему законодательству Российской Федерации не известен такой способ защиты права, как обязательство обеспечить возврат криптовалюты на цифровые кошельки контракторов пропорционально размеру вклада каждого контрактора, то есть истец лишен права на судебную защиту нарушенных прав¹¹.

Можно резюмировать, что ввиду того, что истцом был неправильно выбран способ защиты (мера защиты гражданских прав), ему было отказано в судебной защите. Истцу необходимо было требовать предоставления доступа к цифровым кошелькам, то есть идентификаторов цифровых кошельков и частных электронных ключей. В то же время истец требовал одновременно и возврата криптовалюты (фактически неосновательного обогащения, что не подходит в данном случае ввиду наличия основания для передачи криптовалюты истцом ответчику), и неосновательного обогащения с процентами на данную сумму (которое не ясно, в чем выражается, по сути, подразумевает ту же переданную криптовалюту).

Особенностью защиты прав в рассматриваемых отношениях являются требования

предоставления доступа к цифровому кошельку обладателя цифровых прав или цифровой валюты (путем передачи идентификатора цифрового кошелька и частного электронного ключа), а также требования воздерживаться от использования цифрового кошелька (частного электронного ключа) лицу, которое имеет доступ к данному кошельку.

Первая указанная выше мера начинает применяться в судебных делах¹². Так, должника обязывают передать данные доступа к биткоин-кошельку (сайт доступа, уникальный номер кошелька, пароль к кошельку) в файле формата «.doc» или «.docx» на электронном носителе, и лично присутствовать у нотариуса при входе в биткоин-кошелек для составления акта-приема передачи имущества (биткоинов) с целью его включения в конкурсную массу должника. При этом доводы должника об утере логина и пароля для доступа к кошельку не принимаются во внимание судом, так как должник должен именно доказать, что такой доступ невозможно восстановить¹³.

Вторая указанная выше мера защиты прав является частным случаем пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Данная мера может быть применена в интересах лиц, претендующих на цифровые права или цифровую валюту, например, инвесторов, кредиторов, правопреемников. Отмечается, что это особенно применимо в делах, связанных с правопреемством [25, р. 29–30], например, когда наследники желают получить доступ к цифровым правам или цифровой валюте наследодателя или же арбитражный управляющий желает получить доступ к цифровым правам или цифровой валюте должника (в данном случае будет использоваться первая мера защиты).

Выводы

Цифровые права (токены) представляют собой обязательственные и иные права (корпоративные, исключительные права), выпускаемые субъектами предпринимательской деятельности, в децентрализованной распределенной информационной системе. В случае цифровой валюты (криптовалюты) отсутствует определенное обязанное лицо, к которому может предъявить требование лицо, облада-

ющее цифровой валютой (криптовалютой), но определение этого лица среди других пользователей информационной системы происходит в момент возникновения определенного относительного правоотношения, что позволяет нам признать криптовалюту обязательственным правом особого рода.

В силу того что цифровые права и цифровая валюта имеют отличные признаки от имеющих объектов гражданских прав, а именно цифровую форму, защищенную криптографическими средствами, существование в виде записей в децентрализованной распределенной информационной системе, которые обуславливают особенности оборота, передачи прав в отношении таких объектов, они могут быть признаны отдельными объектами гражданских прав (цифровыми правами как особой разновидностью прав и особыми обязательственными правами, которые обозначены законодателем как цифровая валюта). Такие объекты гражданских прав используются для заключения смарт-контрактов, права на данные объекты фиксируются в децентрализованной распределенной информационной системе.

В связи с использованием цифровой формы имеются особенности защиты таких прав в цифровой среде. Взыскание неосновательного обогащения применяется в тех случаях, когда цифровые права, цифровая валюта были перечислены по ошибке. В качестве доказательств используются выписки, сделанные сторонами из информационной системы блокчейн. В цифровой среде появляются новые способы защиты гражданских прав и разновидности уже существующих, которые верно следует сформулировать так: требование предоставления доступа к цифровому кошельку обладателя цифровых прав или цифровой валюты (путем передачи идентификатора цифрового кошелька и частного электронного ключа), а также требование воздерживаться от использования цифрового кошелька (частного электронного ключа) лицу, которое имеет доступ к данному кошельку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01031, <https://rscf.ru/project/22-28-01031>.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01031, <https://rscf.ru/project/22-28-01031>.

² Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»: текст законопроекта, подготовленного к рассмотрению Государственной Думой в первом чтении (Комитет Государственной Думы по финансовому рынку). С. 2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2020. 6 авг.

⁵ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁷ См., например: Решение Арбитражного суда Тюменской области от 19 марта 2021 г. по делу № А70-21692/2020; Определение Арбитражного суда Красноярского края от 9 апреля 2021 г. по делу № А33-6827/2019; Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 14 апреля 2021 г. по делу № А12-27524/2020; Определение Арбитражного суда Амурской области от 8 августа 2022 г. по делу № А04-104/2022. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2022 г. по делу № А40-240620/21. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 30 августа 2018 г. по делу № 33-10148/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁰ См., например: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 14 апреля 2021 г. по делу № 33-3185/2021. URL: <https://oblsud-perm.sudrf.ru> (дата обращения: 08.08.2022); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 по делу № 2-2886/2019. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

¹¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 февраля 2020 г. по делу

№ А40-164942/19. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

¹² См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. по делу № А40-12639/2016; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2019 г. по делу № А40-12639/2016; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017; Определение Арбитражного суда Красноярского края от 2 августа 2022 г. по делу № А33-30997/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Определение Арбитражного суда Красноярского края от 2 августа 2022 г. по делу № А33-30997/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты / Е. Н. Абрамова // Конкурентное право. – 2019. – № 3. – С. 18–22.
2. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
3. Гузнов, А. Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская // Правоприменение. – 2021. – № 5. – С. 58–67.
4. Давыдов, Р. Х. Цифровые права как объект гражданского права / Р. Х. Давыдов // Экономика. Право. Общество. – 2020. – № 3. – С. 18–22.
5. Егорова, М. А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М. А. Егорова, Л. Г. Ефимова // Совершенствование законодательства. *Novus Lex*. – 2019. – № 7. – С. 130–140.
6. Ефимова, Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права / Л. Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 2019. – № 4. – С. 17–25.
7. Ефимова, Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства / Л. Г. Ефимова // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7–20.
8. Зайнутдинова, Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Зайнутдинова Елизавета Владимировна. – Новосибирск, 2022. – 238 с.
9. Зайнутдинова, Е. В. Цифровые права и их использование в смарт-контракте / Е. В. Зайнутдинова, В. Н. Лисица // Юридическая наука и практика. – 2022. – № 1. – С. 29–38.
10. Карелина, С. А. Правовой режим криптовалюты и институт несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации / С. А. Карелина, И. В. Фролов // Право и цифровая экономика. – 2019. – № 4. – С. 14–18.
11. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – 44 с.
12. Нигматулина, Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования / Л. Б. Нигматулина, И. А. Цинделиани // Финансовое право. – 2018. – № 7. – С. 16–23.
13. Новоселова, Л. А. О правовой природе биткойна / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 9. – С. 3–16.
14. Новоселова, Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
15. Пещеров, А. И. Легализация криптовалюты в России: проблемы и перспективы / А. И. Пещеров, Л. В. Санникова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 64–74.
16. Рожкова, М. А. Значимые для целей правового регулирования различия между криптовалютой на базе публичного блокчейна, «криптовалютой» частного блокчейна и национальной криптовалютой / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 1. – С. 3–12.
17. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–13.
18. Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–117.
19. Саженов, А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей / А. В. Саженов // Современные информационные технологии и право : монография / отв. ред. Е. Б. Лаутс. – М. : Статут, 2019. – С. 157–180.
20. Ситник, А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11. – С. 103–113.
21. Федоров, Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. – С. 30–74.
22. Харитонов, Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике / Ю. С. Харитонов // Предпринимательское право. – 2019. – № 2. – С. 31–36.
23. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2020. – 640 с.
24. Янковский, Р. М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования / Р. М. Янковский. –

М. : Моск. гос. ун-т, 2017. – 16 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>. – Загл. с экрана.

25. Lehmann, M. Who Owns Bitcoin? Private Law Facing the Blockchain / M. Lehmann // EBI Working Paper Series. – 2019. – № 42. – 36 p.

26. Russian Business Law / M. V. Gromozdina [et al.]; ed. by V. N. Lisitsa. – Novosibirsk : Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, 2019. – 392 p.

REFERENCES

1. Abramova E.N. K voprosu o sootnoshenii elektronnyh deneg i kriptovalyuty [To the Issue of the Correlation of Electronic Money and Cryptocurrency]. *Konkurentnoe pravo* [Competition Law], 2019, no. 3, pp. 18-22.

2. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyj obyekt grazhdanskih prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava [Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law]. *Aktual'nye problem rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 5, pp. 111-119.

3. Guznov A.G., Rozhdestvenskaya T.E. Cifrovaya valyuta: osobennosti regulirovaniya v Rossijskoj Federacii [Digital Currency: Features of Regulation in the Russian Federation]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement], 2021, no. 5, pp. 58-67.

4. Davydov R.H. Cifrovye prava kak obyekt grazhdanskogo prava [Digital Rights as an Object of Civil Law]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economics. Law. Society], 2020, no. 3, pp. 18-22.

5. Egorova M.A., Efimova L.G. Ponyatie kriptovalyut v kontekste sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva [Concept of Cryptocurrencies in the Context of Improving Russian Legislation]. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva. Novus Lex* [Improvement of Legislation. Novus Lex], 2019, no. 7, pp. 130-140.

6. Efimova L.G. Kriptovalyuty kak obyekt grazhdanskogo prava [Cryptocurrencies as an Object of Civil Law]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2019, no. 4, pp. 17-25.

7. Efimova L.G. Cifrovye aktivy i prava na nih v kontekste izmeneniya grazhdanskogo i bankovskogo zakonodatel'stva [Digital Assets and Rights to them in the Context of Changes in Civil and Banking Legislation]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2021, no. 5, pp. 7-20.

8. Zainutdinova E.V. *Smart-kontrakt v grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Smart Contract in Civil Law. Dr. jurid. sci. diss.]. Novosibirsk, 2022. 238 p.

9. Zainutdinova E.V., Lisitsa V.N. Cifrovye prava i ih ispol'zovanie v smart-kontrakte [Digital Rights and Their Use in a Smart Contract]. *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal Science and Practice], 2022, no. 1, pp. 29-38.

10. Karelina S.A., Frolov I.V. Pravovoj rezhim kriptovalyuty i institute nesostoyatel'nosti (bankrotstva): problemy pravovoj reglamentacii [The Legal Regime of Cryptocurrency and the Institution of Insolvency (Bankruptcy): Problems of Legal Regulation]. *Pravo i cifrovaya ekonomika* [Law and Digital Economy], 2019, no. 4, pp. 14-18.

11. Karckhiya A.A. *Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya cifrovyyh tekhnologij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Civil Law Model of Regulation of Digital Technologies. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2019. 44 p.

12. Nigmatulina L.B., Cindeliani I.A. Kriptovalyuta kak obyekt grazhdansko-pravovogo i finansovopravovogo regulirovaniya [Cryptocurrency as an Object of Civil and Financial Regulation]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2018, no. 7, pp. 16-23.

13. Novoselova L.A. O pravovoj prirode bitkojna [On the Legal Nature of Bitcoin]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2017, no. 9, pp. 3-16.

14. Novoselova L.A. «Tokenizaciya» obyektov grazhdanskogo prava [“Tokenization” of Objects of Civil Law]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2017, no. 12, pp. 29-44.

15. Peshcherov A.I., Sannikova L.V. Legalizaciya kriptovalyuty v Rossii: problemy i perspektivy [Legalization of Cryptocurrency in Russia: Problems and Prospects]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* [Property Relations in the Russian Federation], 2018, no. 9, pp. 64-74.

16. Rozhkova M.A. Znachimye dlya celej pravovogo regulirovaniya razlichiya mezhdru kriptovalyutoj na baze publichnogo blokchejna, «kriptovalyutoj» chastnogo blokchejna i nacional'noj kriptovalyutoj [Significant for the Purposes of Legal Regulation, the Differences Between the Cryptocurrency Based on the Public Blockchain, the “Cryptocurrency” of the Private Blockchain and the National Cryptocurrency]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2020, no. 1, pp. 3-12.

17. Rozhkova M.A. Cifrovyeprava: publichno-pravovaya koncepciya i ponyatie v rossijskom grazhdanskom prave [Digital Rights: Public Law Concept and Definition in the Russian Civil Law]. *Hozyajstvo i pravo* [Economy and Law], 2020, no. 10, pp. 3-13.

18. Savel'ev A.I. Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovaniya smart-kontraktov i blokchejntekhnologij po rossijskomu pravu [Some Legal Aspects of the Use of Smart Contracts and Blockchain Technologies Under the Russian Law]. *Zakon* [Law], 2017, no. 5, pp. 94-117.

19. Sazhenov A.V. Kriptovalyuty kak novyj vid bestelesnyh veshchej [Cryptocurrencies as a New Kind of Incorporeal Things]. Lauts E.B., ed. *Sovremennye informacionnye tekhnologii i pravo: monografiya* [Modern Information Technologies and Law: Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 157-180.

20. Sitnik A.A. Cifrovye valyuty: problemypravovogo regulirovaniya [Digital Currencies: Problems of Legal Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 103-113.

21. Fedorov D.V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennyh zakonoproektah s pozicii inostrannogo opyta [Tokens, Cryptocurrency and Smart Contracts in Domestic Bills from the Position of Foreign Experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2018, no. 2, pp. 30-74.

22. Haritonova Yu.S. Kriptovalyuta v pravoprimenitel'noj praktike [Cryptocurrency in Law

Enforcement Practice]. *Predprinimatel'skoe pravo* [Business Law], 2019, no. 2, pp. 31-36.

23. Blazheev V.V., Egorova M.A., eds. *Cifrovoe pravo: uchebnyk* [Digital Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.

24. Yankovskij R.M. *Gosudarstvo i kriptovalyuty: problemy regulirovaniya* [State and Cryptocurrencies: Problems of Regulation]. Moscow, Mosk. gos. un-t, 2017. 16 p. URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf>

25. Lehmann M. Who Owns Bitcoin? Private Law Facing the Blockchain. *EBI Working Paper Series*, 2019, no. 42. 36 p.

26. Gromozdina M.V., Voronkova E.R., Voytovich E.P., Lisitsa I.V., Pachkova P.S., Somova E.V. *Russian Business Law*. Novosibirsk, Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, 2019. 392 p.

Information About the Author

Elizaveta V. Zaynutdinova, Junior Researcher, Laboratory for Analysis and Forecasting of Integration Processes in Modern Eurasia, Novosibirsk State National Research University, Pirogova St, 1, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, zainutdinovaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9522-890X>

Информация об авторе

Елизавета Владимировна Зайнутдинова, младший научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии, Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, ул. Пирогова, 1, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, zainutdinovaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9522-890X>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23>

UDC 314.14+343.137.9
LBC 67.410.2

Submitted: 23.06.2022
Accepted: 05.08.2022

PROCEDURAL STANDARDS OF PROOF IN SPECIAL JUDICIAL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey V. Burmagin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the presence in the Russian criminal procedure of special judicial and criminal proceedings (control, enforcement and rehabilitation) separate from the criminal case makes it necessary to identify, scientifically analyze and adequately reflect in the procedural law their essential, substantive and procedural features, primarily concerning the process of finding of fact and conclusion of law and evidence in such cases. The **purpose** of the paper is to identify the specifics of the application in special court proceedings of the standards of procedural evidence common to adversarial proceedings. **Methods:** in the course of the research, the dialectical, logical, comparative legal and formal legal methods of scientific cognition, the methods of analysis and generalization were used, as well as the method of sociological survey in the form of a questionnaire. **Results:** the importance of standards in legal proceedings is determined; the “standards of proof” relating to the process of proof itself are singled out from them, their specific content is revealed, which manifests itself in the implementation of evidence in cases considered in special court proceedings. In the paper, in relation to these proceedings, the features of the fact at issue are analyzed, the means of procedural proof used in finding of fact and conclusion of law are established; their specific limitations are noted. At the same time, the widespread use of such means of proof, not provided for by the system of evidence established in the law, as explanations received by the court through questioning at a court session of persons on the circumstances to be established in the case, is stated. The author analyzes the peculiar distribution of the burden of proof in judicial control proceedings on complaints against the actions and decisions of criminal prosecution bodies, judicial enforcement and rehabilitation proceedings, shows the role of the court in “favoring” individuals defending their rights and interests in disputes with the public authorities, and assisting them in presenting the required evidence to the court. Finally, the **conclusion** is made: the features of the implementation of standards of evidentiary activity, characteristic of special judicial proceedings, should be reflected in the norms of the law, and the means of proof used should be unified and consistent with the existing system of criminal evidence.

Key words: criminal procedure, judicial proceedings, finding of fact and conclusion of law, standards of proof, fact at issue, means of proof, burden of proof.

Citation. Burmagin S.V. Procedural Standards of Proof in Special Judicial and Criminal Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 168-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23>

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОСОБЫХ СУДЕБНО-УГОЛОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Сергей Викторович Бурмагин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: наличие в российском уголовном процессе обособленных от уголовного дела особых судебно-уголовных производств (контрольных, исполнительных и реабилитационных) вызывает необходимость выявления, научного анализа и адекватного отражения в процессуальном законе их сущностных, содержательных и процедурных особенностей, прежде всего, касающихся процесса судебного познания и доказывания по такого рода делам. **Целью** настоящей статьи является выявление специфики применения в особых судебных производствах, общих для состязательного судопроизводства стандартов процессуального доказывания. **Методы:** в ходе проведенного исследования применялись диалектический, логический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы научного познания, методы анализа и обобщения, использован так же метод социологического опроса в форме анкетирования. **Результаты:** определено значение стандартов в судопроизводстве, из них выделены «стандарты доказывания», которые касаются самого процесса доказывания, раскрыто их специфическое содержание, проявляющееся при осуществлении доказывания по делам, рассматриваемым в особых судебных производствах. В статье применительно к этим производствам проанализированы особенности предмета доказывания, установлены используемые в судебном познании средства процессуального доказывания, отмечена их видовая ограниченность, одновременно констатировано широкое применение такого, не предусмотренного установленной в законе системой доказательств, средства доказывания, как объяснения, получаемые судом посредством опроса в судебном заседании лиц по обстоятельствам, подлежащим установлению по делу. Автором проанализировано своеобразное распределение бремени доказывания в судебно-контрольных производствах по жалобам на действия и решения органов уголовного преследования, судебно-исполнительных и реабилитационных производствах, показана роль суда в «благоприятствовании» частным лицам, защищающим в спорах с публичной властью свои права и интересы, и оказании им содействия в представлении суду требуемых доказательств. В заключении сделан **вывод:** особенности реализации стандартов доказательственной деятельности, характерные для особых судебных производств, должны найти отражение в нормах закона, а применяемые средства доказывания – унифицированы и согласованы с существующей системой уголовных доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное производство, судебное познание, стандарты доказывания, предмет доказывания, средства доказывания, бремя доказывания.

Цитирование. Бурмагин С. В. Процессуальные стандарты доказывания в особых судебно-уголовных производствах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 168–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23>

Введение

В российском уголовном процессе производство по уголовному делу является основным, но не единственным регламентированным УПК РФ. Наравне с ним в уголовном процессе присутствуют иные («неосновные»), обособленные от уголовного дела уголовно-процессуальные (судебные) производства, чаще именуемые в литературе особыми [3, с. 5; 4, с. 42; 8, с. 7–8; 10, с. 140; 11, с. 140–141; 12, с. 42–43; 17, с. 147]. К ним относятся: а) судебно-контрольные (осуществляются в ходе досудебного производства в соответствии с

полномочиями, предусмотренными ч. 2 и ч. 3 ст. 29 УПК РФ); б) судебно-исполнительные (предназначены для рассмотрения в порядке ст. 399 УПК РФ вопросов, связанных с исполнением приговора и иных решений уголовного суда); в) судебно-реабилитационные (ведутся по заявлениям-требованиям о восстановлении прав реабилитированных лиц и возмещении вреда, причиненного в процессе уголовного судопроизводства незаконными действиями органов уголовной юстиции (гл. 18 УПК РФ)) [2, с. 190–192].

Рассмотрение судебных дел в рамках перечисленных уголовных производств так же,

как и рассмотрение уголовного дела, сопровождается установлением фактической основы дела. При этом процессуальное познание фактов в ходе разбирательства любого судебного дела возможно лишь посредством доказательственной деятельности, выполняемой в соответствии с нормативно определенными правилами доказывания и применением установленных законом средств доказывания.

Своеобразие предмета и целевого назначения особых судебных производств детерминирует существенные особенности познавательно-доказательственной деятельности, которые требуют теоретического обоснования и учета в правотворческой и правоприменительной деятельности. Между тем отечественная теория уголовно-процессуального доказывания посвящена преимущественно доказыванию по уголовному делу так же, как и законодатель традиционно устанавливает доказательства и подробно регламентирует процесс доказывания (разд. III УПК РФ) только для производства по уголовному делу и, вопреки насущной потребности, практически не регулирует вопросы судебного познания и доказывания применительно к иным («неосновным») судебным производствам, а это порождает неопределенность в правовой регламентации доказательственной деятельности суда и сторон, создает правоприменителю трудности при рассмотрении иных дел (материалов) в порядке уголовного судопроизводства.

Стандарты доказывания, используемые в особых судебных производствах

В процессуальной теории категория «доказывание» предстает в двух взаимосвязанных аспектах, как: а) деятельность по установлению и исследованию обстоятельств дела («доказывание – познание»); б) логическое обоснование выдвинутого или достигнутого в результате познания тезиса-утверждения («доказывание – обоснование») [5, с. 217–219; 7, с. 98; 15, с. 298–299; 18 с. 16–17]. Солидаризируясь с преобладающим в науке мнением о единстве судебного познания и судебного доказывания, в своих рассуждениях далее будем исходить из позиции, что в рамках любого судебного производства ука-

занные аспекты доказательственной деятельности не отделимы друг от друга, познавательная и аргументационная составляющие тесно взаимосвязаны и присутствуют в деятельности как сторон, так и суда. При этом и познание, и обоснование протекают в регламентированной законом форме процессуального доказывания, подчиняются определенным процессуальным правилам.

В то же время отметим, что реализуемая на практике познавательно-доказательственная деятельность в уголовном судопроизводстве не только регулируется нормативно-правовыми предписаниями, но и следует неким стандартам, имеющим правовую основу, но выработанным не законодателем, а доктриной и правоприменительной (судебной) практикой.

Разнообразные юридические стандарты («стандарты правосудия», «стандарты доказывания», «стандарты в области прав человека» и т. д.), как явления правовой действительности, привнесены в российское правосудие из западноевропейских правовых систем, и в настоящее время понятие стандартов, вопросы их происхождения, содержания и значения не имеют в отечественной науке четкого и однозначного толкования, а носят весьма дискуссионный характер. Тем не менее возьмем на себя смелость определить, что стандарты в судопроизводстве представляют собой сформировавшиеся и устоявшиеся в юридическом процессе правила, эталоны процессуального поведения, которыми участники судопроизводства руководствуются в своей практической деятельности. Полагаем, что стандарты доказательственной деятельности уместно и целесообразно разделять на «стандарты доказывания» и «стандарты доказанности». Первые касаются процесса доказывания (познания), вторые отражают его результаты [1]. К стандартам доказывания можно отнести, в частности, такие процессуальные правила познавательной и аргументационной деятельности, как «предмет доказывания», «пределы доказывания», «допустимые средства доказывания», «распределение бремени доказывания». Эти общие для уголовного судопроизводства стандарты присутствуют (используются) и в осо-

бых судебных производствах, но имеют в них специфическое содержание.

Специфика предмета и пределов доказывания (познания)

Предмет доказывания, как принято считать, отвечает на вопросы: что требуется установить с помощью доказательств по делу для правильного его разрешения и что (какие обстоятельства) разрешено доказывать при производстве по делу [5, с. 49–50; 6, с. 433, 437]. Для уголовных дел общий предмет доказывания определен нормативно (ст. 73 УПК РФ), тогда как для других типов судебных производств перечень подлежащих доказыванию обстоятельств закон не регламентирует. Тем не менее круг устанавливаемых обстоятельств по каждому делу вытекает из предмета судебного рассмотрения и предопределяется характером и содержанием устанавливаемого судом конкретного правоотношения.

В обобщенном виде предмет познания (или доказывания) по делам судебного контроля охватывает совокупность фактических обстоятельств, позволяющих исчерпывающим образом судить о законности (или незаконности) и обоснованности (или необоснованности) произведенных или испрашиваемых у суда следователем, дознавателем процессуально-следственных действий или мер процессуального принуждения, а также принятых ими или иными субъектами уголовного преследования процессуальных решений, ограничивающих конституционные права и свободы человека.

По делам реабилитации и (или) компенсации вреда установлению путем доказывания подлежат: 1) сущность нарушенного права (в чем оно состоит), характер нарушения (в чем оно выразилось) и вид, объем и размер подлежащего возмещению вреда; 2) причинно-следственная связь между процессуальной деятельностью (или отдельными действиями и решениями), незаконность которых установлена в процессе предшествующего судебного производства, и нарушением конкретного права и (или) конкретным вредом, восстановлению и (или) возмещению которого соответственно требует заявитель. Пределы судебного разбирательства в реабилитационных производствах определяются диапазоном противозакон-

ной (необоснованной) процессуальной деятельности и ее негативных последствий для прав человека или юридического лица, послуживших основанием для восстановления прав и (или) возмещения вреда, и также ограничены, в силу принципов состязательности и диспозитивности, конкретными требованиями реабилитированного или иного лица, приобретшего право на возмещение имущественного вреда.

В судебно-исполнительных производствах предмет познания и доказывания является еще более обширным и многообразным ввиду множественности и разнородности правовых вопросов, разрешаемых в порядке гл. 47 УПК РФ. В самом общем виде его можно представить как совокупность обстоятельств, служащих основанием для изменения правового режима ограничения прав и свобод осужденного или лица, подвергнутого иным мерам уголовно-правового характера, либо для иной корректировки исполнения приговора или иного итогового решения суда. В силу действия принципа состязательности судопроизводства, пределы судебного познания по большинству судебно-исполнительных дел также ограничены существом вопроса, поставленного на разрешение суда, и правовыми требованиями инициативной стороны.

Своеобразие средств процессуального доказывания

УПК РФ, к сожалению, не содержит прямого ответа на вопрос, какими способами и с помощью каких процессуальных средств следует устанавливать обстоятельства, необходимые для правильного разрешения спорных правовых вопросов, лежащих в основе дел судебного контроля, судебно-исполнительных, реабилитационных и компенсационных дел. Закон не устанавливает для указанных производств никаких особых средств доказывания помимо тех видов доказательств, которые определены для уголовных дел, а между тем использование перечисленных в ст. 74 УПК РФ видов доказательств в иных судебных производствах весьма ограничено и специфично в сравнении с доказыванием, производимым по уголовному делу.

Согласно данным опроса, в котором приняли участие 918 практических работников

(судей, прокуроров, адвокатов), 97 % из них (в том числе 98 % судей) указали, что для установления (проверки) фактических обстоятельств по делам судебного контроля и по делам, рассматриваемым в порядке ст. 399 УПК РФ, суды используют письменные материалы, приложенные к процессуальному обращению, а 78 % респондентов (92 % судей) сообщили, что для указанных целей судами используются также дополнительные документы, представленные суду непосредственно в ходе заседания.

Как показывает судебная практика, по судебным-контрольным делам суду обязательно предоставляются материалы уголовного дела, подтверждающие законность и обоснованность проверяемого судом действия или решения. Эти материалы, как правило, представляют собой копии уголовно-процессуальных документов: протоколов следственных и иных процессуальных действий, процессуальных решений и иных собранных органами расследования документов. Различные документы, имеющие юридическое значение для принятия решения по судебному-контрольному делу, могут быть также представлены сторонами или запрошены судом непосредственно в ходе судебного разбирательства. Таким образом, из всего присутствующего в уголовном процессе арсенала доказательств в судебном-контрольных производствах обычно используются такие их виды, как протоколы следственных действий и документы.

В судебном-исполнительных и судебном-реабилитационных производствах суд не использует доказательства, полученные при производстве по уголовному делу, так как эти виды судебных дел не направлены на выяснение или проверку обстоятельств, установленных в основном производстве и положенных судом в основу приговора или иного судебного решения. Из материалов уголовного дела для целей исполнительных и реабилитационных судебных производств в качестве документов в качестве доказательств обычно требуются только вступившие в законную силу приговоры или иные итоговые решения суда первой инстанции, а также решения вышестоящих судебных инстанций (при их наличии) по результатам проверки этих решений.

Для установления обстоятельств, служащих основанием для принятия решений по вопросам исполнения судебных решений (ст. 397–398, 400 и др. УПК РФ), судом используются в основном документы, представленные сторонами и предварительно полученные ими непроцессуальным путем. В отличие от основного производства (по уголовному делу) и судебном-контрольных производств здесь отсутствуют доказательства, собранные и сформированные до обращения в суд уполномоченным на то лицом, например следователем. Все доказательства в судебном-исполнительных производствах формируются в ходе судебного заседания посредством познавательной-доказательственной деятельности суда и сторон, в результате которой «происходит преобразование сведений (информации), отраженных в представленных суду материалах, в соответствующую процессуальную форму» [4, с. 31].

В ходе контрольных и исполнительных судебных производств суд иногда прибегает к опросу (заслушиванию) в судебном заседании лиц, которым известны интересующие суд обстоятельства. В качестве таких («сведущих») лиц могут быть опрошены подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, потерпевший, свидетели и даже следователь, дознаватель и другие должностные лица. Объяснения этих лиц, строго говоря, не являются доказательствами, если они получены судом без соблюдения процедуры допроса (ст. 274–280 УПК РФ), но ввиду отсутствия в законе четкой регламентации познавательной-доказательственной деятельности по указанным категориям судебных-уголовных производств суды придают содержащимся в таких объяснениях сведениям доказательственное значение, что подтверждается результатами опроса практических работников – 76 % опрошенных (в том числе 91 % судей) указали об использовании судами объяснений для установления фактических обстоятельств дела при осуществлении «неосновных» (особых) производств.

Действие стандарта «распределение бремени доказывания»

Принцип состязательного построения судебного процесса предопределяет, что бре-

мя доказывания фактов, на которых основаны заявленные перед судом требования, возлагается на сторону, обратившуюся в суд с этими требованиями. Аналогичное положение наблюдается в судебном производстве по уголовному делу, в котором обязанность доказывать выдвинутое обвинение возложена на обвинителя. К этому побуждает и действующий в уголовном процессе принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Однако от этого (общего по своему действию) стандарта в некоторых видах судебных производств имеются существенные отступления.

Так, при обжаловании процессуальных действий и решений органов уголовного преследования в порядке статей 125 и 125.1 УПК РФ бремя доказывания распределяется иначе. Заявитель – физическое или юридическое лицо, обратившееся в суд с жалобой – доказывает только факт того, что оспариваемый процессуальный акт непосредственно затрагивает его конкретное субъективное право, а законность и обоснованность процессуального действия или решения обязана доказывать противная сторона – орган уголовного преследования, чьи действия подвергнуты судебной проверке.

Данное особенное правило согласуется с более общим порядком судебного рассмотрения жалоб на действия должностных лиц и органов власти, установленным в российском судопроизводстве в обеспечение конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Согласно ст. 62 КАС РФ, при рассмотрении судом жалоб на решения, действия (бездействие) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, обратившееся за судебной защитой лицо обязано доказать факт или угрозу нарушения прав, свобод и законных интересов, но освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий или решений. При этом процессуальная обязанность доказать законность оспоренных действий или решений возложена на соответствующие субъекты, чьи действия и решения обжалуются заинтересованным лицом.

Судебное обжалование в порядке ст. 125, 125.1, 463 УПК РФ действий и решений органов предварительного расследования и про-

курора по существу представляет собой особый вариант разрешения споров о защите прав и свобод, возникающих из публичных правоотношений, каковыми и являются правоотношения уголовно-процессуальные. Предоставляемые заявителю преимущества и определенное благоприятствование в состязательном доказывании по делам последующего диспозитивного судебного контроля объясняются спецификой предмета проверки и оправданы очевидным фактическим неравенством частного лица и властного субъекта, осуществляющего производство по уголовному делу, и вытекающей из этого необходимостью сглаживания такого неравенства в целях обеспечения справедливого состязания и эффективного восстановления нарушенных прав.

В производстве по жалобе, рассматриваемой в порядке ст. 125 УПК РФ, благоприятствование заявителю со стороны суда выражается также и в менее жестких требованиях к форме и содержанию жалобы. Формально они не установлены и на практике ограничиваются общими правилами составления судебных жалоб (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1). В сравнении с ходатайствами следователя, дознавателя, прокурора, направляемыми в суд в рамках иных судебно-контрольных производств, и в отсутствии обязанности заявителя сопровождать жалобу подтверждающими ее доводы документами. На практике в соответствии с п. 12 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ необходимые для проверки законности и обоснованности оспоренного процессуального акта документы («отказные» материалы, копии соответствующих процессуальных решений и материалов уголовного дела) суды обычно своим решением (распоряжением) истребуют у соответствующего должностного лица в порядке подготовки к судебному заседанию [14; 16].

В судебно-исполнительных производствах в тех случаях, когда они инициированы исполнительным органом, обязанность доказывать правомерность и обоснованность заявленных требований возлагается (должно возлагаться) на обратившийся в суд государственный орган или учреждение, исполняющее судебное решение. Подтверждение этому находим в разъяснении Верховного Суда РФ,

рекомендовавшего судам проверять, приложены ли к поступившему представлению копии соответствующих судебных решений и документы, необходимые для разрешения поставленного вопроса по существу, и указавшего на необходимость возвращать эти материалы для соответствующего оформления, если в них не содержится достаточных данных для рассмотрения представления и их невозможно исполнить в судебном заседании (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21).

Применительно к ситуациям, когда обращение в суд по вопросам, рассматриваемым в порядке судебного-исполнительного производства, исходит от осужденного или лица, которому назначены иные меры уголовно-правового характера, складывается двойственное положение. С одной стороны, заявитель должен обосновать свое ходатайство и как минимум приложить к нему копии соответствующих судебных решений, в противном случае суд не сможет определиться с предметом и пределами предстоящего разбирательства и установить подсудность поступившего заявления, что повлечет возврат заявления для переоформления¹. С другой стороны, в данных производствах нельзя не учитывать то обстоятельство, что и осужденный, и лицо, к которому применены иные меры уголовно-правового характера, особенно те из них, кто содержится в изоляции от общества, имеют ограниченные возможности по собиранию документов и представлению их в качестве доказательств суду. Поэтому определенной льготой для такой категории заявителей служит выработанное судебной практикой положение, согласно которому суд не вправе отказать в принятии ходатайства осужденного, его законного представителя или адвоката в случае неприложения к заявлению необходимых для рассмотрения дела документов, которые обязаны предоставлять администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, то есть документов, издаваемых и находящихся в распоряжении этих органов и учреждений. Положения того же п. 32 постановления Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 предлагают суду оказывать сторонам судебного-исполнительного дела содействие в сборе сведений, которые

не могут быть получены или истребованы ими самостоятельно. Очевидно, что в такой помощи в большей степени нуждаются частные лица, и на практике содействие суда чаще оказывается им. Сказанное не означает освобождение заявителя от обоснования обращенного к суду требования и доказывания (пусть и при содействии суда) обстоятельств, на которые он ссылается.

Наибольшее своеобразие правила распределения бремени доказывания обретают в судебно-реабилитационных производствах, основанных на признании того, что государство несет обязанность по возмещению гражданину и юридическому лицу вреда, причиненного в результате уголовного преследования или иной незаконной процессуальной деятельности государственных органов в полном объеме (ст. 1070 ГК РФ, ч. 1 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ). Однако для взыскания вреда требуется предварительно этот «полный объем» установить (а значит, и доказать) в судебном заседании. На практике суды придерживаются верной позиции, согласно которой «требования реабилитированного должны быть удовлетворены в случае, если они подтверждены документально, а доказательства отвечают требованию относимости к конкретному делу» [13].

Заявителем по реабилитационным и компенсационным делам всегда является частное лицо, от которого исходит требование возмещения вреда или иного восстановления в правах. По характеру и содержанию рассматриваемого судом вопроса его разрешение тяготеет к процессуальному порядку, свойственному исковому производству, в котором бремя доказывания обстоятельств, на которых основываются правовые требования и возражения на них, в равной степени возлагается на истца и ответчика соответственно. По логике искового производства бремя доказывания объема и размера причиненного вреда по указанным делам должно быть возложено на реабилитированного или иное лицо, обратившееся за возмещением имущественного вреда.

В первые годы действия института уголовной реабилитации многие суды следовали этой логике и придерживались позиции: «бремя доказывания факта причинения ма-

териального вреда и обоснование его размера лежит на заявителе» [13]. Однако в п. 17 постановления от 29.11.2011 г. № 17 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что уголовно-процессуальный закон для реабилитированных установил упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, и суды стали придерживаться этой позиции [9]. При этом, как указал Верховный Суд РФ, в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, суд обязан оказать ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принять меры к их сборанию. Такими мерами, исходя из содержания общих полномочий суда по осуществлению правосудия и специфики реабилитационных производств, могут служить производимые по собственной инициативе суда и обращенные к различным органам и организациям запросы необходимых сведений, требования о предоставлении конкретных документов или их копий, вызов и допрос (опрос) в судебном заседании сведущих лиц, в особо сложных и спорных ситуациях – назначение судебной экспертизы.

Заключение

В условиях недостаточной регламентации в УПК РФ познавательно-доказательственной деятельности в особых судебных производствах судами применяются общие процессуальные правила и стандарты доказывания, приспособленные к специфике этих производств.

Предмет доказывания в особых судебных производствах, ввиду многочисленности и многообразия правовых вопросов, разрешаемых каждым из типов этих производств, невозможно прописать законодательно, однако необходимо более четко определить и обосновать на доктринальном уровне и закрепить в практической деятельности посредством судебного толкования.

Особенности реализации иных стандартов доказывания возможно и целесообразно

отразить в нормах УПК РФ, регламентирующих особые судебные производства, которым они присущи. Применяемые в практике особых судебных производств средства доказывания необходимо унифицировать и согласовать с системой доказательств, установленной для уголовных дел.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Такой вывод вытекает из разъяснений Верховного Суда РФ, содержащихся в абз. 1 и 2 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов, В. В. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству / В. В. Аргунов, М. О. Долова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 76–104. – DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104
2. Бурмагин, С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография / С. В. Бурмагин. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 720 с.
3. Грицай, О. В. Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Грицай Ольга Валентиновна. – Самара, 2007. – 24 с.
4. Качалов, В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук / Качалов Виктор Иванович. – М., 2017. – 492 с.
5. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 272 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017. – 1280 с.
7. Ларин, А. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий ; под ред. В. М. Савицкого. – М. : Бек, 1997. – 324 с.
8. Ложкина, Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ложкина Лариса Владимировна. – Ижевск, 2007. – 26 с.

9. Обобщение судебной практики применения районными (городскими) судами и мировыми судьями Волгоградской области положений главы 18 УПК РФ, регламентирующей право на реабилитацию (2016 г.) // ГАС «Правосудие». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=901 (дата обращения: 15.04.2022). – Загл. с экрана.

10. Пупышева, Л. А. Особое производство, предусмотренное гл. 47 УПК РФ: назначение, предмет и процессуальная форма / Л. А. Пупышева // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. – Т. 2, № 1 (2). – С. 139–147.

11. Резяпов, А. А. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства / А. А. Резяпов, А. М. Каминский // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 139–141.

12. Солодилов, А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России / А. В. Солодилов. – Томск : Изд-во Том. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2000. – 297 с.

13. Справка Ивановского областного суда по итогам обобщения судебной практики по делам о реабилитации (гл. 18 УПК РФ), 2011 г. // ГАС «Правосудие». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48 (дата обращения: 15.04.2022). – Загл. с экрана.

14. Справка по результатам обобщения судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами Архангельской области в 2018 году жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // ГАС «Правосудие». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=134 (дата обращения: 10.04.2022). – Загл. с экрана.

15. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

16. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. М. : Юрайт-Издат, 2008. – 732 с.

17. Татьяна, Л. Г. Судебное санкционирование как особое производство / Л. Г. Татьяна, Э. А. Адильшаев // Вестник Удмуртского университета. Экономика и Право. – 2011. – Вып. 4. – С. 147–152.

18. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. – М. : Норма, 2008. – 240 с.

REFERENCES

1. Argunov V.V., Dolova M.O. O tak nazyvaemykh standartah dokazyvaniya primenitelno k otechestvennomu sudoproizvodstvu [On the SoCalled Standards of Proof in the Context of the Domestic Judicial Procedure]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Herald of Civil Process]. 2019, no. 2, pp. 76-104. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104

2. Burmagin S.V. *Sudebnye proizvodstva i resheniya v sisteme ugovornogo pravosudiya: monografiya* [Judicial Proceedings and Decisions in the Criminal Justice System. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 720 p.

3. Gricaj O.V. *Ispolnenie prigovora v chastii imushchestvennykh vzysskanij: processualnaya sushchnost, osnovaniya i poryadok : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Execution of a Sentence in Terms of Property Penalties: Procedural Essence, Grounds and Order. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Samara, 2007. 24 p.

4. Kachalov V. I. *Proizvodstvo po ispolneniyu itogovykh sudebnykh reshenij v rossijskom ugovornom processe: dis. ... d-ra. jurid. nauk* [Proceedings on the Execution of Final Court Decisions in the Russian Criminal Process. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 492 p.

5. Kokorev L.D., Kuznecov N. P. *Ugovornyj process: dokazatelstva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1995. 272 p.

6. Golovko L.V., ed. *Kurs ugovornogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.

7. Larin A.M., Melnikova E.B., Savickij V.M. *Ugovornyj process Rossii* [Criminal Procedure in Russia]. Moscow, Bek Publ., 1997. 324 p.

8. Lozhkina L.V. *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdennykh, zlostno uklonyayushchihsya ot othyvaniya nakazaniya v vide shtrafa, obyazatelnykh rabot, ispravitelnykh rabot ili ogranicheniya svobody (voprosy teorii i praktiki): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Detention of Convicted Persons Who Maliciously Evade Serving a Sentence in the Form of a Fine, Compulsory Labor, Correctional Labor or Restriction of Freedom (Issues of Theory and Practice). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Izhevsk, 2007. 26 p.

9. Obobshchenie sudebnoj praktiki primeneniya rajonnymi (gorodskimi) sudami i mirovymi sudyami Volgogradskoj oblasti polozhenij glavy 18 UPK RF, reglamentiruyushchej pravo na reabilitaciyu (2016 g.) [Generalization of Judicial Practice of Application by District (City) Courts and Magistrates of the Volgograd Region of the Provisions of Chapter 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Regulating the Right to Rehabilitation (2016)]. *GAS «Pravosudie»* [State Automated System

“Justice”]. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=901 (accessed 15 April 2022)

10. Pupyshcheva L.A. Osoboe proizvodstvo, predusmotrennoe gl. 47 UPK RF: naznachenie, predmet i processualnaya forma [Special Proceedings Under Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure: Purpose, Subject and Procedural Form]. *Sovremennoe ugovolno-processualnoe pravo – uroki istorii i problemy dalnejshogo reformirovaniya* [Modern Criminal Procedure Law – Lessons of History and Problems of Further Reformation], 2020, vol. 2, no. 1 (2), pp. 139-147.

11. Rezyapov A.A., Kaminskij A.M. Proizvodstvo o nalozhenii denezhnogo vzyskaniya v sisteme ugovolnogo sudoproizvodstva [Proceedings on the Imposition of a Monetary Penalty in the System of Criminal Justice]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i Pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2015, vol. 25, no. 5, pp. 139-141.

12. Solodilov A.V. *Sudebnyj kontrol v sisteme ugovolnogo processa Rossii* [Judicial Control in the Russian Criminal Procedure System]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta sistem upr. i radioelektroniki, 2000. 297 p.

13. Spravka Ivanovskogo oblastnogo suda po itogam obobshcheniya sudebnoj praktiki po delam o rehabilitacii (gl. 18 UPK RF), 2011 g. [Reference of the Ivanovo Regional Court on the Results of the Generalization of Judicial Practice in Cases of Rehabilitation (Chapter 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), 2011]. *GAS «Pravosudie»* [Justice State Information System]. URL: http://oblsud.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=48 (accessed 15 April 2022).

14. Spravka po rezultatam obobshcheniya sudebnoj praktiki po rassmotreniyu rajonnymi (gorodskimi) sudami Arhangel'skoj oblasti v 2018 godu zhalob v poryadke statyi 125 UPK RF [Reference on the Results of the Generalization of Judicial Practice on Consideration by District (City) Courts of the Arkhangelsk Region in 2018 of Complaints in Accordance With Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *GAS «Pravosudie»* [Justice State Information System]. URL: http://oblsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=134 (accessed 10 April 2022).

15. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. V 2 t. T. I.* [Course of the Soviet Criminal Process: In 2 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

16. Karpov A.I., ed. *Sudebnoe proizvodstvo v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii: prakt. posobie po primeneniyu Ugovolno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Judicial Proceedings in the Criminal Process of the Russian Federation: A Practical Guide to the Application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurajt-Izdat Publ., 2008. 732 p.

17. Tatyana L.G., Adilshaev E.A. Sudebnoe sankcionirovanie kak osoboe proizvodstvo [Judicial Authorization as Special Proceeding]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i Pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2011, iss. 4, pp. 147-152.

18. Shejfer S.A. *Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and Proving in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.

Information About the Author

Sergey V. Burmagin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Deputy Chairman of the Arkhangelsk Regional Court in Honorable Resignation, Leading Researcher of Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, serburmagin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7790-6295>

Информация об авторе

Сергей Викторович Бурмагин, кандидат юридических наук, доцент, заместитель председателя Архангельского областного суда в почетной отставке, ведущий научный сотрудник кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, serburmagin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7790-6295>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.24>

UDC 343.102
LBC 67.73

Submitted: 12.08.2022
Accepted: 10.09.2022

ON THE REASONS FOR GRANTING THE BODY OF INQUIRY NON-PROCEDURAL POWERS OF A POLICE NATURE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the transformation of the pre-trial proceedings system predicted recently can be planned after a proper assessment of the available organizational and legal resources, a genuine understanding of their role and potential in solving various tasks of combating crime. In this regard, the **purpose** of the paper is to determine the essence of the bodies of inquiry in the general system of the criminal procedure regulation and to identify the reasons for their being given a number of police powers: to carry out the actual attachment of a person, to conduct operational investigative measures, in particular, the search for the accused. **Methods:** the methodological framework for the paper consists of general scientific (dialectical, systemic, structural-functional, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.) research methods. The **results** of the study allow revealing the main reason that has influenced the mixing of procedural and non-procedural (police) powers of the bodies of inquiry – an inadequate assessment by the legislator of the results of the gradual giving of the sort of police law enforcement agencies some judicial and investigative powers. **Conclusions:** investigative or judicial orders on carrying out operational-search and administrative-legal measures should be addressed not to the body of inquiry as a subject of the criminal procedural regulation, but to the police and other sort of police bodies given the required state authority.

Key words: pre-trial proceedings, urgent investigative actions, operational investigative measures, body of inquiry, powers of the bodies of inquiry, powers of the police, attachment.

Citation. Rossinsky S.B. On the Reasons for Granting the Body of Inquiry Non-Procedural Powers of a Police Nature. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 178-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.24>

УДК 343.102
ББК 67.73

Дата поступления статьи: 12.08.2022
Дата принятия статьи: 10.09.2022

О ПРИЧИНАХ НАДЕЛЕНИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПОЛИЦЕЙСКОГО ХАРАКТЕРА

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: прогнозируемые в течение последнего времени преобразования системы досудебного производства можно планировать после надлежащей оценки имеющихся организационно-правовых ресурсов, подлинного понимания их роли и потенциала в решении различных задач борьбы с преступностью. В этой связи **цель** настоящей статьи – это определение сущности органов дознания в общей системе уголовно-процессуального регулирования и выявление причин их наделения рядом полномочий полицейского характера: по осуществлению фактического привода лица, по проведению оперативно-розыскных мероприятий, в частности розыска обвиняемого. **Методы:** методологическую основу статьи составляют общенаучные (диалектический, системный, структурно-функциональный, логический и др.) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.) методы исследования. **Результаты** проведенного исследования позволили выявить основную причину, повлиявшую на смешение процессуальных и непроцессуальных (полицейских) полномочий органов дознания, – ненадлежа-

щую оценку законодателем итогов постепенного наделения правоохранительных органов полицейского типа полномочиями судебно-следственного характера. **Выводы:** следственные или судебные поручения о проведении оперативно-розыскных и административно-правовых мероприятий надлежит адресовать не органу дознания как субъекту уголовно-процессуального регулирования, а полиции и другим органам полицейского типа, наделенным требуемыми государственно-властными полномочиями.

Ключевые слова: досудебное производство, неотложные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, орган дознания, полномочия органов дознания, полномочия полиции, привод.

Цитирование. Россинский С. Б. О причинах наделения органа дознания непроцессуальными полномочиями полицейского характера // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 178–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.24>

Введение

В настоящее время на общем фоне постоянных колебаний национальной системы уголовной юстиции, бесчисленных изменений и дополнений, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство, большую актуальность приобретают вопросы, связанные с целесообразностью дальнейших реформ досудебного производства в целом и осуществляющих его органов в частности. Эти вопросы являются предметом постоянных обсуждений и дискуссий. Высказываются самые различные мнения: от возрождения дореволюционных подходов до полной замены предварительного следствия непроцессуальной деятельностью полиции на подобии немецкой или даже американской модели организации досудебного расследования.

Однако представляется, что любые подобные преобразования можно планировать и тем более проводить лишь после надлежащей доктринальной «ревизии» имеющихся организационно-правовых ресурсов, подлинного понимания их роли и потенциала в решении различных задач борьбы с преступностью. Тогда как в реальности, несмотря на кажущуюся исследовательскую завершенность и множество научных публикаций, никакого подобного понимания по целому ряду вопросов просто не существует.

В частности, множество неясностей связано с сущностью и процессуальным положением органа дознания как одного из базовых субъектов досудебного производства по уголовному делу. На первый взгляд, ответы на эти вопросы более чем очевидны. Скорее всего, любому, хотя бы немного ориентирующему в уголовном процессе человеку хорошо известно, что органами дознания при-

знаются органы исполнительной власти (иногда отдельные должные лица) полицейского либо параполицейского¹ типа, наделенные государственно-властными полномочиями по осуществлению дознания как полноценной формы предварительного расследования, а также по выполнению иных, более частных задач досудебного характера: по возбуждению / отказу в возбуждении уголовных дел, производству неотложных следственных действий и выполнению локальных поручений следователя. Данный смысл напрямую вытекает из целого ряда находящихся в системном единстве положений уголовно-процессуального закона и поддерживается авторами большинства доктринальных источников: научно-практических комментариев к УПК РФ, учебников, учебных пособий и т. д. Вместе с тем при более детальном погружении в тонкости уголовного процесса подобное понимание органов дознания начинает представляться далеко не таким уж и однозначным, лишенным достаточной степени конкретности, и, самое главное, упирающимся в никем не разрешенные вопросы. Так, не совсем ясно, с какой целью УПК РФ возлагает на органы дознания ряд полномочий не столько процессуального, сколько сугубо полицейского характера, например, по осуществлению фактического привода человека в орган предварительного расследования или в суд (ч. 7 ст. 113 УПК РФ), по проведению оперативно-розыскных мероприятий на основании поручения следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ), по розыску подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ)². Желание досконально разобраться в данном вопросе, постараться разрешить возникающие в связи с этим проблемы и побудило к написанию настоящей статьи.

**Основное содержание
(о полицейской природе
органов дознания)**

Начать хотелось бы с констатации ранее выявленного и уже неоднократно описанного в прежних публикациях автора историко-правового факта: ввиду целого ряда обстоятельств и катаклизмов, сопутствующих развитию советской и постсоветской государственности, в России постепенно сформировалась достаточно уникальная, существенно отличающаяся от зарубежных аналогов национальная модель досудебного производства, предполагающая административизацию уголовной юстиции, включая передачу классических юрисдикционных (судебно-следственных) полномочий в ведение исполнительно-распорядительных органов, в первую очередь «силовых» министерств и ведомств полицейского типа, то есть как бы частичную интеграцию функций «полиции» и «юстиции». Подобные тенденции возникли еще в начале 1920-х гг. и были обусловлены сразу несколькими причинами: а) предопределенными известным ленинским лозунгом «Вся власть советам!» преобразованиями всего государственного аппарата, невольно затронувшими и саму систему органов уголовной юстиции, и порядок реализации ими соответствующих полномочий; б) стремлением максимально обособить «отвечающие интересам трудящихся» советские юридические процедуры от соответствующих механизмов, свойственных для правовых систем «загнивающих» империалистических государств; в) постреволюционным кадровым голодом, отсутствием в распоряжении советского правительства достаточного числа опытных правоведов «старой закалки», способных справиться с резко возросшим в условиях распада империи, революции и гражданской войны объемом уголовных и квазиуголовных (трибунальных) дел [5, с. 27–36].

И в этой связи нет ничего удивительного в возникновении идей о наделении органов дознания подлинной юрисдикционной правосубъектностью, о сближении выполняемых ими функций с функциями органов предварительного следствия³. По крайней мере, подобные позиции неоднократно высказывались советскими учеными [1, с. 148–149;

2, с. 13–14]⁴. Нет ничего странного и в дальнейшем перерастании подобных идей в устойчивые тенденции, выраженные во все большей и большей процессуализации органов дознания. Ведь если ранее дознание ассоциировалось с раскрытием преступлений, с розыском обвиняемых, с обнаружением и обеспечением сохранности потенциальных доказательств и тому подобными первоначальными действиями полиции оперативно-розыскного и административно-правового характера [3, с. 3]⁵, то к настоящему времени оно постепенно превратилось в автономную, как бы альтернативную форму предварительного расследования, предполагающую дифференциацию на ординарное дознание (ст. 32 УПК РФ) и сокращенное дознание (ст. 32.1 УПК РФ), а сам дознаватель превратился в некоего квазиследователя.

Однако деятельность современных органов дознания не ограничивается лишь осуществлением этих самых ординарных и сокращенных дознаний. Орган дознания – субъект уголовного судопроизводства, а дознание – форма его поведения, поэтому их соотношение аналогично соотношению охотника с охотой, рыбака с рыбалкой и т. п. Как уже отмечалось, помимо собственно дознания указанные органы наделяются еще целым рядом уголовно-процессуальных полномочий. Иными словами, несмотря на постепенную процессуализацию органов дознания, на выполнение функции «юстиции», они все еще сохраняют свою исконную полицейскую природу, предполагающую безотлагательное реагирование на поступивший «сигнал» и принятие незамедлительных мер в целях выявления и раскрытия преступления, превентивного задержания потенциального подозреваемого, предварительного выяснения обстоятельств случившегося, сохранения predisposed к утрате или повреждению следов преступления и т. д.

Более того, представляется, что полицейская природа в той или иной степени присуща всем формам уголовно-процессуальной деятельности органов дознания. Даже предусмотренные гл. 32 УПК РФ особенности ординарного дознания, несмотря на превалирование элементов юрисдикционного (судебно-следственного) характера, тоже напоминают о полицейском происхождении этого порядка

расследования – в отличие от предварительного следствия, обремененного процедурой предъявления обвинения, позволяющей выяснить позицию обвиняемого, с учетом которой полнее, всестороннее и объективнее исследовать обстоятельства уголовного дела, дознание по смыслу закона сводится к более «поверхностному» установлению таких обстоятельств и скорейшей передаче материалов прокурору как субъекту, инициирующему предстоящее судебное разбирательство. А предусмотренное гл. 32.1 УПК РФ сокращенное дознание и вовсе состоит в формировании обвинительного тезиса (будущей позиции государственного обвинения) не столько в «следственном», сколько в «полицейском» режиме, не требующем жесткого обоснования установленных обстоятельств результатами следственных действий и судебных экспертиз.

Однако сильнее всего полицейская природа все-таки проявляется в части производства органами дознания неотложных следственных действий и выполнения отдельных поручений следователя (подобные механизмы наиболее четко напоминают функции до-революционной полиции, сводившиеся к осуществлению первоначального этапа досудебного производства, а также к оказанию текущего содействия судебным следователям). По смыслу УПК РФ именно данные полномочия отнесены не к ведению дознавателя как должностного лица, а к ведению органа дознания как «командного» (коллективного) участника уголовно-процессуальной деятельности, предполагающего совместное нахождение в постоянной взаимосвязи координирующего руководителя и непосредственных исполнителей соответствующих познавательных-удостоверительных или обеспечительных приемов. Собственно говоря, такой принцип и заложен в основу любого правоохранительного органа полицейского типа: совместное решение поставленной задачи под руководством начальника (шерифа, комиссара полиции и т. п.), поручающего подчиненным сотрудникам выполнение отдельных действий с незамедлительными докладами об их ходе и результатах.

Представляется, что именно процессуализация еще частично сохраняющей полицейскую природу деятельности органов дознания и стала основной причиной возникновения не

вполне понятных и конкретных положений закона, предопределяющих эклектику уголовно-процессуальных полномочий с непроцессуальными полномочиями оперативно-розыскного и административно-правового характера. По всей вероятности, подобные правотворческие изъятия обусловлены недостаточно глубоким пониманием самим законодателем (читай, разработчиками проекта УПК РФ) собственных замыслов – скорее всего авторы соответствующих статей Кодекса достаточно бездумно, без должной адаптации к общей концепции досудебного производства (если, конечно, такая вообще существовала!) переписали содержание схожих по предмету регулирования статьей УПК РСФСР 1960 г.; последние, в свою очередь, были позаимствованы из УПК РСФСР 1923 г. и т. д. вплоть до Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., придававшего деятельности органов дознания, совершенно иной, сугубо непроцессуальный смысл. Другими словами, долгие годы постепенной процессуализации деятельности органов дознания весьма негативно отразились на четкости и однозначности законодательных преставлений об их правовом положении, функциях и полномочиях.

Иначе, чем еще можно объяснить вытекающее из содержания УПК РФ явно двойственное понимание органов дознания: 1) в процессуальном смысле – как субъектов уголовного судопроизводства и 2) в каком-то ином, по всей вероятности, полицейском смысле – как органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной и (или) административной деятельности полицейского типа? Как еще можно объяснить положения закона, предписывающие органам дознания (не полиции, не иным органам полицейского типа, а именно органам дознания, то есть субъектам, уголовно-процессуальных правоотношений!) осуществлять явно выбивающиеся из сферы процессуального регулирования вышеупомянутые оперативно-розыскные и административно-правовые мероприятия? Содержание ч. 7 ст. 113 УПК РФ дает все основания предполагать, что законодатель вообще окончательно запутался в этих вопросах, поскольку предписал осуществлять «следственный» привод каким-то неопределенным органам дознания, а «су-

дебный» – сотрудникам органов принудительного исполнения РФ.

Выводы

Конечно, включение подобных мероприятий в сферу полномочий органов дознания – непростительная ошибка, обусловленная все тем недопониманием данного правового феномена. В конце концов, орган дознания – это не фактически существующий коллектив, включающий определенное количество сотрудников, занимающий служебное помещение, располагающий неким имуществом и т. д. – таковыми как раз являются полиция или иные органы полицейского либо параполицейского типа. Орган дознания – не более чем процессуальный статус, то есть сугубо формальная, юридическая конструкция предполагающая совокупность полномочий, сводящихся к дискреционным дозволениям, предписаниям, запретам подлежащих реализации строго в рамках уголовно-процессуальной деятельности. По крайней мере, в других сферах законодательного регулирования такого статуса не существует. Следовательно, наделить органы дознания выходящими за предмет уголовно-процессуального регулирования оперативно-розыскными, административно-правовыми и прочими непроцессуальными полномочиями – все равно, что предоставить какому-либо невластному субъекту уголовного судопроизводства (не просто как физическому лицу, а именно как субъекту уголовного судопроизводства!) ником образом не связанную с его участием в соответствующих правоотношениях юридическую возможность, например наделить потерпевшего правом посещения друзей, свидетеля – правом поездки на курорт и т. п.

Предписывая органам дознания осуществление фактического привода подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, розыска лица и других оперативно-розыскных мероприятий (ч. 7 ст. 113, ч. 4 ст. 157, ч. 1 ст. 210 УПК РФ), законодатель, вне всяких сомнений, допускает достаточно существенную неточность. Любые подобные следственные или судебные поручения надлежит адресовать не органу дознания как субъекту уголовно-процессуального регулирования, а именно полиции (органам внутренних дел), ФСБ России

и другим органам полицейского либо параполицейского типа, наделенным требуемыми государственно-властными полномочиями. Именно в таком, к слову, совершенно разумном, ключе и урегулированы некоторые иные уголовно-процессуальные отношений, что в очередной раз свидетельствует о нечеткости законодательных представлений о разграничении категорий «органы дознания» и «органы исполнительной власти полицейского (параполицейского) типа». Например, ч. 7 ст. 164 УПК РФ позволяет следователю привлекать к участию в следственном действии оперативных сотрудников – не должностных лиц органов дознания, каковыми они по сути и являются, а именно должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В части поручения контроля и записи переговоров используется более обтекаемая, но все же достаточно разумная формулировка – следователю предписывается поручать указанные операции не органу дознания, а «соответствующему органу» (ч. 4 ст. 186 УПК РФ).

В завершении хотелось бы выразить надежду, что высказанные в настоящей статье позиции в конце концов все-таки будут восприняты законодателем, вследствие чего исчезнут соответствующие трудности и противоречия, все еще возникающие в ходе предварительного расследования уголовных дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под органами и должностными лицами параполицейского типа в настоящей статье понимаются органы принудительного исполнения РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений, гарнизонов и тому подобные субъекты, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, а также капитаны судов и другие предусмотренные ч. 3 ст. 40 УПК РФ официальные руководители общностей людей, находящихся вдали от «большой земли».

² Указанный вопрос является далеко не единственным – современное правовое положение органов дознания вызывает и целый ряд других актуальных вопросов. Однако с учетом ограниченного объема настоящей статьи, остальные вопросы предполагается рассмотреть в иных публикациях автора.

³ Считается, что вопрос о сближении дознания и предварительного следствия официально был поставлен А.Я. Вышинским на прошедшем в 1924 г. V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции [1, с. 148].

⁴ Для справедливости все же нельзя не обратить внимание, что некоторые советские авторы занимали иные, как бы консервативные позиции – писали о дознании не как о полноценной форме предварительного расследования, а как о деятельности полицейского характера [6, с. 68–69; 7, с. 229].

⁵ Сам по себе русскоязычный термин «дознание» филологи обычно толкуют не как часть уголовного процесса, а как предварительное административное расследование [4, с. 171].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса / А. Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. – 222 с.

2. Громов, В. И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / В. И. Громов. – М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926. – 299 с.

3. Квачевский, А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство / А. А. Квачевский. – СПб. : Тип. Ф.С. Сушчинского, 1867. – 368 с.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : А ТЕМП, 2006. – 944 с.

5. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. – М. : Норма, 2021. – 408 с.

6. Стрёмовский, В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В. А. Стрёмовский. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 260 с.

7. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1951. – 511 с.

REFERENCES

1. Vyshinskiv A.Ya. *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta RSFSR, 1927. 222 p.

2. Gromov V.I. *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Teoriya i tekhnika rassledovaniya prestupleniy: rukovodstvo dlya organov doznaniya i narodnyh sledovateley* [Inquiry and Preliminary Investigation. Theory and Technique of Crime Investigation: A Guide for Bodies of Inquiry and People's Investigators]. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta RSFSR, 1926. 299 p.

3. Kvachevskiy A.A. *Ob ugolovnom presledovanii, doznanii i predvari-tel'nom issledovanii prestupleniy po sudebnym ustavam 1864 goda. Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo* [On the Criminal Prosecution, Inquiry and Preliminary Investigation of Crimes Under the Judicial Charters of 1864. Theoretical and Practical Guidance]. Saint Petersburg, Tip. F.S. Sushchinskogo Publ., 1867. 368 p.

4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80.000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p.

5. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: sushch-nost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial Proceedings in a Criminal Case: Essence and Methods of Collecting Evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.

6. Stremovskiy V.A. *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom processe* [Participants of the Preliminary Investigation in the Soviet Criminal Process]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1966. 260 p.

7. Chel'cov M.A. *Sovetskiy ugolovniy process* [Soviet Criminal Process]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1951. 511 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.25>

UDC 34.343.01
LBC 67.408

Submitted: 30.08.2022
Accepted: 10.10.2022

THE CRIMINAL LEGAL SYSTEM AND THE SYSTEM OF CRIMINAL LAW

Elena V. Shchelkonogova

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: in modern social and legal realities, the question of the need for a systematic understanding of law in general, and criminal law in particular, is acute. The judicial practice shows that law enforcement officers often have difficulties in interpreting and implementing legal norms. In this connection, the author of the paper sets the **purpose** of the study: to consider criminal law as a system-based construct. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the systematic approach, the method of deduction, induction, abstraction, analysis and comparative law. **Results:** the author's position justified in the work is based on the legislation and the opinions of the competent scientific community on the question of whether the totality of sources of criminal law has a sign of consistency. Using the legal analysis of the provisions of the theory of law, the question is raised about the possibility of including in the criminal legal system such elements as the legislation on issues related to criminal law, doctrinal opinions of scientists, rules for the qualification of crimes, criminal law principles, judicial practice and others. A semantic distinction is made between the concepts of the criminal legal system and the system of criminal law. The author's definition of the category of a system-forming feature of criminal law, as well as the concept of a criminal legal system, is given. The conclusion about the non-identity of these concepts is substantiated. **Conclusions:** as a result of the study, it is established that criminal law has signs of consistency. Criminal law as a branch of law contains various elements, including those related to unwritten law. Among them, it is possible to distinguish socio-philosophical categories, such as religious norms, norms of morality and decency, as well as the rules formulated in the criminal-legal sphere by theoretical scientists and law enforcement officers. In particular, they include the rules for the qualification of crimes, the general principles of criminal law, the doctrine of the composition of the crime and others.

Key words: criminal legal system, system of criminal law, system-forming feature, branch of criminal law, legal awareness of citizens.

Citation. Shchelkonogova E.V. The Criminal Legal System and the System of Criminal Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 185-191. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.25>

УДК 34.343.01
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 30.08.2022

Дата принятия статьи: 10.10.2022

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И СИСТЕМА УГОЛОВНОГО ПРАВА

Елена Владимировна Щелконогова

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: в современных общественно-правовых реалиях остро встает вопрос о необходимости системного понимания права в целом и уголовного права в частности. Судебная практика показывает, что нередко у правоприменителей возникают сложности при толковании, реализации правовых норм. В связи с чем автором в статье поставлена **цель** исследования: рассмотрение уголовного права как системного образования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают системный подход, метод дедукции, индукции, абстракции, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на законодательство и мнения компетентной научной среды по вопросу о том, обладает ли совокупность источников уголовного права признаком системности. При помощи правового анализа положений теории права ставится вопрос о возможности включения в уголовно-правовую систему таких элементов, как: законодательство по вопросам, связанным с уголовным правом, доктринальные мнения ученых, правила квалификации преступлений, уголовно-правовые принципы, судебная практика и иных. Проводится смысловое разграничение между понятиями система уголовного права и уголовно-правовая система. Дается авторское определение категории системообразующего признака уголовного права, а также понятие уголовно-правовой системы. Обосновывается вывод о нетождественности указанных понятий. **Выводы:** в результате исследования устанавливается, что уголовное право обладает признаками системности. Уголовное право как отрасль права содержит в себе различные элементы, относящиеся, в том числе к неписаному праву. Среди них можно выделить такие социально-философские категории, как: религиозные нормы, нормы морали и нравственности, а также правила, сформулированные в уголовно-правовой юридической сфере учеными-теоретиками и правоприменителями. В частности, к ним можно отнести правила квалификации преступлений, общие принципы действия уголовного права, учение составе преступления и иные.

Ключевые слова: система уголовного права, уголовно-правовая система, системообразующий признак, отрасль уголовного права, правосознание граждан.

Цитирование. Щелконогова Е. В. Уголовно-правовая система и система уголовного права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 185–191. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.25>

Введение

Любой объект, существующий как в объективной реальности, так и в сознании человека, можно рассматривать как систему. Однако необходимо в первую очередь определиться с самой категорией «система», то есть уяснить, что под ней понимается. С диалектико-материалистической точки зрения категориями называются наиболее общие понятия, в которых отражены существенные стороны, связи и отношения действительности. Следовательно, категории сами по себе в природе не существуют. Они создаются людьми в процессе познания мира. В своей практической деятельности люди накапливают знания о предметах и явлениях, обобщают наблюдения, выделяют общее для многих предметов и явлений и отражают его (общее), закрепляют в понятиях и категориях. «Практика человека, – писал В.И. Ленин, – миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики» [8, с. 198].

Основное содержание

Термин «система» можно отнести к числу универсальных категорий, применимых для характеристики любого объекта научного исследования [4, с. 6]. Гносеологическая ценность и эвристическая роль философской категории системы не оспаривается современными учеными. Исторически же рассматриваемая категория разрабатывалась не одну сотню лет. Относительно ее появления и использования мнения авторов разнятся. Так, например, А.П. Огурцов считает, что первоначально понятие «система» было связано с формами социально-исторического бытия, а В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин утверждают, что «понятие “система” встречается впервые у стоиков, толковавших его в онтологическом смысле, как мировой порядок» [14, с. 18; 1, с. 33]. Этимологически термин «система» имеет греческое происхождение и дословно может быть переведен как сочетание, организм, устройство, организация, союз, строй, руководящий орган [10, с. 155]. Представляет-

ся, что одним из слов, которым можно было бы определить систему, является объединение ее элементов согласно тому или иному системообразующему принципу, поэтому ее обозначение как сочетания, организации, строя видится нам вполне обоснованным и отражающим суть рассматриваемой категории.

Основоположники немецкой классической философии также обращались к рассмотрению и изучению системы. Так, например, исходя из своих рассуждений, И. Кант делал вывод, что система – это «единство многообразных знаний, объединенных одной идеей» [6, с. 680], тем самым подчеркивая так называемую объединяющую роль или функцию системы как категории. Беря за основу разработки философов, представители и основоположники диалектического материализма утверждали, что «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего» [9, с. 392]. Таким образом подчеркивая, что системность есть всеобщий закон окружающего нас мира.

Представляется, что уголовное право можно рассматривать с точки зрения системы, так как оно содержит в себе внутреннюю структуру элементов, объединенных единым смысловым признаком, основанным на установлении преступности и наказуемости деяния.

В контексте исследования вопроса о системе уголовного права важно ее соотнесение с категорией уголовно-правовая система. В уголовно-правовой доктрине большинство исследований посвящено системе уголовного права как отрасли права.

Современные исследования, говоря о системе уголовного права, раскрывают это понятие через совокупность уголовно-правовых норм [14]. Некоторые ученые рассматривают как систему взаимосвязь Общей и Особенной части УК РФ [17]. Однако не освещенным остается вопрос о рассмотрении категории уголовно-правовой системы, определении ее структурных элементов, взаимосвязей между ними и принципов их объединения в систему.

В имеющихся работах авторами, как правило, рассматривается система каких-либо уголовно-правовых институтов, таких как наказание [13, с. 147–150], иные меры уголовно-правового характера [7, с. 42–45], система преступлений определенного вида [3]. Однако рассмотрение данных институтов актуально в контексте системы уголовного права, но не уголовно-правовой системы. В уголовно-правовую систему, как большее по объему понятие, входят иные правовые элементы. Вопрос об их количестве и правомерности включения того или иного элемента в состав уголовно-правовой системы является дискуссионным. Думается, что выявление системообразующего признака и соотнесение этих элементов с данным признаком, является верифицированным основанием для констатации того, что исследуемые элементы могут претендовать на включение в состав уголовно-правовой системы.

Понятия *система уголовного права* и *уголовно-правовая система* не являются тождественными по смыслу. Первая категория рассматривает структуру и элементы самого уголовного права без учета того контекста, системы, в которой оно находится. Вторая категория учитывает иные элементы, находящиеся в правовой системе, которые могут быть признаны структурными элементами уголовно-правовой системы. Понимание уголовно-правовой системы с учетом различных элементов, таких как правосознание, правовые обычаи, иное законодательство и др. позволяет правоприменителю наиболее правильно и справедливо оценивать совершенное деяние, а ученым увидеть системообразующие связи между различными элементами уголовно-правовой системы, рассмотреть ее элементы во взаимосвязи, а не разрозненно.

В философской литературе одним из ключевых терминов, описывающих понятие системы, является цель. Думается, такая позиция авторов не случайна, т. к. наличие цели создает из набора разрозненных элементов единый механизм, служащий достижению конкретного результата. Цель (нем. *Ziel*) определяется как идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс; «до-

ведение возможности до ее полного завершения»; осознанный образ предвосхищаемого результата [5, с. 317–319; 15, с. 33–34; 2, с. 71]. Мы поддерживаем указанную позицию авторов, поскольку именно цель, на наш взгляд, является синонимом системообразующего признака системного объекта, в нашем случае, уголовного права. Иными словами, отвечая на вопрос, зачем создана данная система, с какой целью, мы определяем системообразующий признак, согласно которому построена структура элементов рассматриваемого объекта.

Применительно к уголовному праву нами сформулировано следующее определение системообразующего признака: *системообразующий признак уголовного права – это единое смысловое содержание всех элементов, входящих в состав уголовно-правовой системы, основанное на категориях преступности (непреступности) и наказуемости деяния, находящее свое выражение в каждом из этих элементов, основывающееся на принципах гуманизма и справедливости при квалификации деяния и определении правовых последствий совершения преступления.*

Представляется, что в контексте рассмотрения уголовно-правовой системы как совокупности различных элементов, объединенных единым признаком (целью), будет актуальным обсуждение вопроса о том, какие именно элементы могут быть включены в уголовно-правовую систему с учетом того, что системообразующим признаком является преследование цели установления преступности (непреступности) и наказуемости деяния.

Одним из элементов, который можно было бы включить в уголовно-правовую систему, является *иное законодательство*. Данный элемент можно рассматривать в двух аспектах, один из которых – включение в уголовно-правовую систему законодательных правовых актов из иных отраслей права. Другим аспектом выступает то, что законодательство по вопросам преступности (непреступности) и наказуемости деяний может издаваться различными (в том числе по уровню компетенций) государственными органами. В частности, Дж. Флетчер и А.В. Наумов так характеризуют соотношение материаль-

ных и процессуальных норм, связанных с совершением преступлений: «Нормы уголовного права устанавливают абстрактную вину абстрактного человека. Вина же фактическая, то есть вина конкретного человека в совершении им конкретного преступления, устанавливается с помощью уголовно-процессуальных норм» [20, с. 31].

Уголовное право является уникальной отраслью права, поскольку она, как никакая другая отрасль, *взаимодействует с наибольшим количеством иных отраслей права*. Это связано с тем, что одной из важнейших функций уголовного права является *охранительная*, уголовное право ставит под охрану правоотношения, урегулированные в иных отраслях права (конституционном, международном, трудовом праве, земельном, экологическом и иных).

В то же время правовые акты иных отраслей права входят в уголовно-правовую систему еще и потому, что во многих случаях позволяют решать вопрос о преступности деяния. Особенно данный аспект виден при применении бланкетных норм УК РФ [19]. Такие нормы в большом количестве содержатся, например, в гл. 22 Уголовного кодекса «Преступления в сфере экономической деятельности».

В уголовно-правовую систему входят и правовые акты различные по юридической силе. Это и Федеральные законы, и постановления Пленума Верховного Суда РФ, акты Правительства РФ, министерств, ведомств.

Еще одним элементом уголовно-правовой системы является *теория уголовного права*. Сложно переоценить роль теоретических положений уголовного права или иными словами науки уголовного права в решении вопроса о преступности (непреступности) деяния. Наука уголовного права представляет собой систему идей, взглядов и теоретических положений, касающихся всех проблем уголовного права как правовой отрасли. Наука уголовного права занимается обобщением опыта конструирования уголовно-правовых норм и практики их применения, оценкой их эффективности и решает задачи совершенствования уголовного права, прогнозирования путей его развития. Выполняются ею также и идеологические функции: перед ней стоит задача правового воспитания граждан [18].

Такие основополагающие теоретические положения, как учение о составе преступления, его элементах и признаках, являются базовыми инструментами при квалификации деяний, хотя разработаны и закреплены они в науке уголовного права, а не в УК РФ. В ст. 8 Кодекса указывается категория состава преступления, но ее содержание раскрывается именно в теории уголовного права. В связи с чем наука уголовного права может претендовать на ее включение в уголовно-правовую систему.

Такой элемент правовой системы, как *судебная практика*, также может претендовать на включение в уголовно-правовую систему. Несмотря на то что традиционно российская правовая система относилась учеными к романо-германской правовой семье, в последнее время в научной литературе все чаще звучат мнения о том, что наша правовая система носит так называемый гибридный характер. Родившись из рецепции немецкого законодательства, российская правовая система приобрела свои индивидуальные особенности, в том числе появились тенденции учета судебной практики при рассмотрении уголовных дел, квалификации деяний. Не случайно Конституционный Суд РФ в своем постановлении отметил, что требование единства практики применения норм законодательства всеми судами обуславливается балансом закрепленных Конституцией РФ принципов независимости судей при осуществлении правосудия (ч. 1 ст. 120), верховенства Конституции РФ и федеральных законов в российской правовой системе, а также равенства всех перед законом и судом (ч. 2 ст. 4, ч. 1, 2 ст. 15, ч. 1 ст. 19) [120].

Такая правовая категория, как *уголовно-правовые принципы*, может быть включена в состав уголовно-правовой системы. Речь идет о двух группах принципов, одни из которых закреплены в ст. 3–7 УК РФ. К ним относятся: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом и судом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма. Вторую группу образуют уголовно-правовые принципы, закрепленные в Конституции РФ, но также распространяющие свое действие на регулирование правоотношений в уголовно-правовой сфере: осуществление правосудия только судом, неприкосновенность жилища, тайна переписки, презумпция невиновности, обеспечение обвиняемому

права на защиту. Данные принципы также могут быть включены в уголовно-правовую систему, так как они призваны обеспечить справедливое правосудие, выявить истину при определении преступности (непреступности) деяния.

Отдельно стоит выделить такой элемент уголовно-правовой системы, как *правила квалификации преступлений*, который можно было бы отнести к теории, к науке уголовного права, но хотелось бы рассмотреть его как самостоятельный элемент системы. Квалификация преступления является центральным вопросом уголовного права, поскольку именно процесс квалификации преступления, или, иными словами, решение вопроса о его преступности или непреступности, является той целью, для которой и существует уголовное право. Нормы Общей части, сконструированные отдельные составы в Особенной части, иное законодательство, судебная практика – все это призвано обеспечить правильную и справедливую квалификацию деяния. Вместе с тем, правила квалификации преступлений не прописаны в тексте Уголовного кодекса некой отдельной главой, в виде конкретных пунктов. Отдельные правила просматриваются при разборе тех или иных институтов Общей части УК РФ, таких как множественность преступлений, соучастие, стадии совершения преступлений. К примеру, в ст. 34, 35 УК РФ указываются правила квалификации действий соучастников преступления.

Не менее важным элементом, который может быть включен в состав уголовно-правовой системы является *правосознание граждан*. Согласно теории права, правосознание граждан – это совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям в общественной жизни [17, с. 200].

Данный элемент может быть включен в уголовно-правовую систему, поскольку именно на сознание человека, в конечном счете, направлены правовые предписания законодателя. Именно конкретный индивид является адресатом и исполнителем тех правовых запретов, предписаний, которые содержатся в нормах права. Без толкования, исполнения, соблюдения права оно теряет свою регулятивную и иные функции. Высокий уровень правосознания граждан достигается за счет позитивного отношения к праву, веры в справедливое пра-

восудие, в соблюдение правовых норм различными субъектами правоотношений. Членами современного гражданского общества осознается вся значимость права, как социальной и нравственной ценности общества и государства, а также мирового сообщества.

Заключение

Таким образом, уголовно-правовая система и система уголовного права являются разными по смыслу категориями. Первое понятие – более широкое по своему содержанию. Ключевым элементом, позволяющим исследовать уголовно-правовую систему является системообразующий признак. В связи с изложенным предлагаем следующее определение *уголовно-правовой системы* – это объект, объединяющий в себе на основе принципов справедливой оценки преступности или неправомерности деяния, его наказуемости, такие элементы, как иное законодательство, теория уголовного права, судебная практика, уголовно-правовые принципы, правила квалификации преступлений, правосознание граждан, имеющие внутрисистемные смысловые связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М. : Изд-во полит. лит., 1985. – 262 с.
2. Головин, А. Ю. Словарь практического психолога / А. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1998. – 170 с.
3. Горбатова, М. А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье (понятие, система и уголовно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Горбатова Марина Анатольевна. – Саратов, 2002. – 212 с.
4. Демин, А. В. Система российского права: тенденции и перспективы // Системность в праве : сб. ст. / под. ред. Н. Л. Клык. – Красноярск : Универс, 2002. – 169 с.
5. Доброхотов, А. Л. Цель / А. Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – С. 317–319.
6. Кант, И. Сочинения в 6 т. Т. 3 / И. Кант. – М. : [б. и.], 1964. – 799 с.
7. Карпов, К. Н. Место иных мер уголовно-правового характера в системе уголовно-право-

вого воздействия / К. Н. Карпов // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск : Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2009. – С. 42–45.

8. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29 / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1965. – 225 с.
9. Маркс, К. Сочинения. Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1967. – 245 с.
10. Огурцов, А. П. Этапы интерпретации системности научного знания (античность и Новое время) / А. П. Огурцов // Системные исследования. – М. : Мысль, 1974. – 210 с.
11. Особенная часть Уголовного права РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kubsau.ru/upload/iblock/1f7/1f7bc462ae6fffa9b993f9d1b583a94d.pdf> – Загл. с экрана.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156408/?ysclid=lb8vip8vjs236801077. – Загл. с экрана.
13. Рогова, И. Г. Система наказаний как подсистема мер уголовно-правового воздействия / И. Г. Рогова, Е. А. Мирошниченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 147–150.
14. Садовский, В. Н. Система. Философская энциклопедия. Т. 5 / В. Н. Юдин, Э. Г. Садовский. – М. : Наука, 1970. – 368 с.
15. Сергеев, К. А. Природа и разум: античная парадигма / К. А. Сергеев, Я. А. Слинин. – Л. : ЛГУ, 1991. – С. 33–34.
16. Система и институты российского уголовного права. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pro-ugolovnoe.ru/>. – Загл. с экрана.
17. Смоленский, М. Б. Теория государства и права : учеб. пособие / М. Б. Смоленский. – Ростов н/Д : Феникс, 2021. – 207 с.
18. Уголовное право. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/7237992/page:4/>. – Загл. с экрана.
19. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lb8vkdxcg4g757299451 – Загл. с экрана.
20. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. – М. : Юрист, 1998. – 521 с.

REFERENCES

1. Averyanov A.N. *Sistemnoe poznanie mira: metodologicheskie problemy* [Systemic Knowledge of the World: Methodological Problem]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1985. 262 p.

2. Golovin A.Yu. *Slovar prakticheskogo psihologa* [Dictionary of Practical Psychologist]. Minsk, Harvest Publ., 1998. 170 p.
3. Gorbatoва M.A. *Sostavy prestuplenij, stavyashhix v opasnost zhizni ili zdorovye (ponyatie, sistema i ugovolno-pravovoj analiz) : dis kand. jurid. nauk* [Compositions of Crimes Endangering Life or Health (Concept, System and Criminal Law Analysis). Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2002. 212 p.
4. Demin A.V. *Sistema rossijskogo prava: tendencii i perspektivy* [The System of Russian Law: Trends and Prospects]. *Sistemnost v prave: sb. st.* [Systemicity in Law] Krasnoyarsk, Univers Publ., 2002. 169 p.
5. Dobrohotov A.L. *Cel* [Purpose]. *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2010. 336 p.
6. Kant I. *Sochineniya v 6 t. T. 3* [Works in 6 Vols. Vol. 3]. Moscow, s.n., 1964. 799 p.
7. Karpov K.N. *Mesto inyh mer ugovolnopravovogo haraktera v sisteme ugovolnopravovogo vozdejstviya* [The Place of Other Measures of a Criminal Law Nature in the System of Criminal Law Influence]. *Ugolovnyj zakon: problemy teoreticheskogo modelirovaniya i pravoprimereniya. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Criminal Law: Problems of Theoretical Modeling and Law Enforcement. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Omsk, izd-vo Omsk. jurid in-t, 2009, pp. 42-45.
8. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 29* [Full Composition of Writings. Vol. 29]. Moscow, Politizdat Publ., 1965. 225 p.
9. Marks K., Engels F. *Sochinenija. T. 20* [Works. Vol. 20]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 245 p.
10. Ogurczov A.P. *Etapy interpretacii sistemnosti nauchnogo znaniya (antichnost i Novoe vremya)* [Stages of Interpretation of the Systematic Nature of Scientific Knowledge (Antiquity and Modern Times)]. *Sistemnye issledovaniya* [Systems Research]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 210 p.
11. *Osobennaja chast Ugolovnogo prava RF* [Special Part of the Criminal Law of the Russian Federation]. URL: <https://kubsau.ru/upload/iblock/1f7/1f7bc462ae6fffa9b993f9d1b583a94d.pdf>
12. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.12.2013 № 29-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 23, 2013 No. 29-P]. URL: www.pravo.gov.ru
13. Rogava I.G., Miroshnichenko E.A. *Sistema nakazaniy kak podsistema mer ugovolno-pravovogo vozdejstviya* [The System of Punishments as a Subsystem of Measures of Criminal Law Impact]. *Probely v rossijskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2020, no. 1, pp. 147-150.
14. Sadvskij V.N., Yudin E.G. *Sistema. Filosofskaya enciklopediya. T. 5* [System. Philosophical Encyclopedia. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 368 p.
15. Sergeev K.A., Slinin Ya.A. *Priroda i razum: antichnaya paradigma* [Nature and Reason: An Ancient Paradigm]. Leningrad, LGU Publ., 1991, pp. 33-34.
16. *Sistema i instituty rossijskogo ugovolnogo prava* [The System and Institutions of Russian Criminal Law]. URL: <https://pro-ugolovnoe.ru/>
17. Smolenskij M.B. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [Theory of State and Law. Textbook]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2021. 207 p.
18. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. URL: <https://studfile.net/preview/7237992/page/4/>
19. *Ugolovny kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996], 1996. URL: www.pravo.gov.ru.
20. Fletcher Dzh., Naumov A.V. *Osnovnye koncepcii sovremennogo ugovolnogo prava* [Basic Concepts of Modern Criminal Law]. Moscow, Yurist Publ., 1998. 521 p.

Information About the Author

Elena V. Shchelkonogova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Komsomolskaya St, 21, 620137 Yekaterinburg, Russian Federation, uglaw@yandex.ru, shelkonogova-ele@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

Информация об авторе

Елена Владимировна Щелконогова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, ул. Комсомольская, 21, 620137 г. Екатеринбург, Российская Федерация, uglaw@yandex.ru, shelkonogova-ele@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

www.volsu.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.26>

UDC 340.113(049.32)
LBC 67.022.14я1

Submitted: 21.10.2022
Accepted: 15.11.2022

LEGAL TECHNIQUE: A FRESH LOOK AND NEW METHODOLOGICAL APPROACHES

(Book Review: The Theory and Metatheory of Legal Technique:
From Legal Consciousness to Law and Order [Text] : monograph / ed. by A. V. Averin,
M. L. Davydova. – Vladimir : Vladimirskiy filial RANHiGS, 2022. – 242 p.)

Vasily V. Trofimov

G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

Citation. Trofimov V.V. Legal Technique: A Fresh Look and New Methodological Approaches (Review of the Book: The Theory and Metatheory of Legal Technique: From Legal Consciousness to Law and Order [Text] : monograph / ed. by A. V. Averin, M. L. Davydova. – Vladimir : Vladimirskiy filial RANHiGS, 2022. – 242 p.). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 192-195. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.26>

УДК 340.113(049.32)
ББК 67.022.14я1

Дата поступления статьи: 21.10.2022
Дата принятия статьи: 15.11.2022

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА: СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД И НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

(Рец. на кн.: Теория и метатеория юридической техники:
от правосознания к правопорядку [Текст] : монография / под ред. А. В. Аверина,
М. Л. Давыдовой. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.)

Василий Владиславович Трофимов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Цитирование. Трофимов В. В. Юридическая техника: свежий взгляд и новые методологические подходы (Рец. на кн.: Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку [Текст] : монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.) // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 192–195. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.26>

Юридическая наука постепенно преодолевает узкое представление о юридической технике как совокупности специфических технических средств и приемов построения правовых норм, оформления правовых актов. В настоящее время ее все больше рассматривают в качестве важного средства претворения в жизнь различных правовых решений в правотворчестве, правоприменении, толковании и систематизации [2, с. 22]. На повестке дня стоит еще и другой не менее значимый вопрос: переход от техники юридической деятельности к технике регулирования либо технике социальной инженерии. Для углубленного исследования обозначенных проблемных вопросов требуются новые методологические подходы, рассмотрение предмета исследования под новым углом зрения. На этом фоне заметным событием в юридической науке может стать коллективная монография «Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку» [3]. Данная работа содержит в себе одну из первых научных попыток соединения теоретического и метатеоретического подходов к юридической технике, что существенно повышает ее актуальность. В этой связи надежда авторов на то, что «подготовленная монография вызовет живой отклик в научной среде» имеет серьезные основания. Авторский коллектив представлен в лице преподавателей различных учебных заведений, работников научных организаций и органов государственной власти.

Коллективная монография является весьма оригинальной версией осмысления традиционного понятия юридической техники в контексте сочетания различных уровней научных представлений об этом сложном явлении. Заявленный авторами подход имеет своим основанием сочетание и взаимодействие теории и метатеории. Следует признать, что на современном этапе развития юридической науки применительно к проблеме юридической техники рассматриваемые аспекты пока не получили своего всестороннего освещения, и в связи с этим вполне обоснованно можно считать, что выбранный авторами предмет анализа заслуживает пристального внимания.

Дополнительным основанием, делающим настоящее издание привлекательной научно-исследовательской работой, является исполь-

зование широкого подхода к юридической технике как технике правового регулирования. Важным методологическим ориентиром для авторов послужила идея воплощения юридической техники от правосознания к правопорядку. В целом следует признать правоту позиций коллектива авторов в том, что юридическая техника не может существовать вне правосознания, именно оно является той первичной формой, которая по мере накопления знаний и опыта постепенно выкристаллизовывается в правовых документах, формирующейся на их основе юридической практики и охраняемом государством правопорядке.

В своих методологических установках авторы акцентируют внимание на важности смещения акцентов в восприятии юридической техники от инструментария оформления и принятия актов к инструментарию разумного и сбалансированного регулирования, в котором технико-юридические средства, приемы и правила имеют тесную и прямую связь с волей властного субъекта и достижением того или иного социального результата. Юридическая техника не просто выражает волю, она определенным образом программирует алгоритм действия права. Именно такое целостное видение правового воздействия подразумевает концепция «умного регулирования» [1, с. 23], суть которой заключается в использовании всего арсенала классического и инновационного технико-юридического инструментария таким образом, чтобы достичь максимального регулятивного эффекта минимальными средствами, иными словами, достичь оптимального результата в правовом регулировании определенного предмета.

Крайне важным представляется и рассмотрение метатеоретических вопросов юридической техники. В настоящий момент в юриспруденции отсутствует развернутый комплексный анализ метатеоретического уровня знания о праве, хотя исследования в этом направлении ведутся [5]. Оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней является важной задачей юридической науки. В свете сказанного исследование теории и метатеории юридической техники с применением познавательного потенциала правовых метафеноменов представляется существенный интерес.

В монографии с использованием ранее обозначенных теоретических и методологических позиций исследованы: состав юридической техники, ее роль в сравнительном правоведении, технико-юридические дефекты в правовом регулировании, особенности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Проанализирован отраслевой срез юридической техники: гражданское право, уголовное право, административное право, муниципальное право. Предпринята попытка рассмотрения проблемы взаимосвязи юридической техники и правопорядка в контексте теории «третьей волны» Э. Тоффлера, исследованы проблемные вопросы приобретения профессионального мастерства юристами в условиях цифровизации. Затрагивается широкий круг вопросов, относящихся к сущности и содержанию юридической техники: анализируются философские вопросы юридической техники правосудия, охватывающие восприятие ее как инструмента познания и совершенствования судебной практики; раскрывается специфика дескриптивного и прескриптивного модуса мышления в синергетическом восприятии юридической техники и процессов самоорганизации; анализируется взаимодействие юридической техники и правовой когнитивистики, позволившее обратить внимание на методологические особенности таких инструментов, как диалектика, метафизика, теория систем, синергетика, теория габитусов, постмодернизм; исследуется стиль научного мышления как метатеоретическое основание юридической техники.

В качестве некоторого пожелания можно отметить потенциальную возможность более объемного и предметного рассмотрения вопроса формирования нового юридико-технического инструментария, который становится ответом на современные тенденции и запросы правовой жизни общества. Авторы определенным образом касаются этого аспекта, в том числе в контексте исследования динамики правопорядка с позиции теории «третьей волны» Э. Тоффлера (§ 4.2), замечая, что под влиянием суммы факторов способен меняться и состав юридической техники и, наверное, следует полагать, алгоритмы юридических технологий (связки между ними). Вместе с тем было бы интересно познакомиться

с более детальным и предметным анализом формирования (правообразования [4]) новых конструктивных элементов в составе юридической техники, понять, как это происходит, под влиянием каких правообразующих факторов, что мешает идти этим процессам активнее, преобразуясь в соответствующие правотворческие результаты, и в конечном счете разобраться, что не всегда дает способность представителям юридической профессии оперативно овладевать новым ресурсом и применять его эффективно на практике.

В целом же представляется, что выбранный авторами подход отличается новизной, позволяет по-новому взглянуть на достаточно традиционный предмет научного познания в виде юридической техники и юридической технологии и тем самым обновить наши доктринальные и сугубо профессиональные юридические представления о нем. Рецензируемый научный труд показывает, что это действительно происходит и современное правовое мышление наполняется некоторыми новыми фреймами, смыслами и когнитивными схемами. Книга с этой точки зрения заслуживает пристального внимания не только специалистов в этой юридической области, но и со стороны более широкого круга читателей, интересующихся актуальными аспектами правовых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.
2. Малько, А. В. Юридическая техника и юридическая технология: комплексный характер взаимодействия / А. В. Малько, М. А. Костенко // Государство и право. – 2022. – № 7. – С. 22–29.
3. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. – Владимир : Владимир. фил. РАНХиГС, 2022. – 242 с.
4. Трофимов, В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : монография / В. В. Трофимов ; под ред. Н. А. Придворова. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2009. – 308 с.
5. Шаханов, В. В. Метафеномены в праве как понятийный аппарат границы, объединяющей тео-

рию права и философию права / В. В. Шаханов // Государство и право. – 2020. – № 8. – С. 23–30.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [Smart Regulation as the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29.

2. Malko A.V., Kostenko M.A. Yuridicheskaya tekhnika i yuridicheskaya tekhnologiya: kompleksnyj harakter vzaimodejstviya [Legal Technique and Legal Technology: The Complex Nature of Interaction]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 7, pp. 22-29.

3. Averin A.V., Davydova M.L., eds. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoy tekhniki: otravosoznaniya k pravoporyadku: monografiya* [Theory and Metatheory of Legal Techniques: From Legal Consciousness to Legal Order. Monograph]. Vladimir, Vladimir. fil. RANHiGS, 2022. 242 p.

4. Trofimov V.V. *Pravoobrazovanie v sovremenom obshchestve: teoretiko-metodologicheskij aspekt: monografiya* [Law Formation in Modern Society: Theoretical and Methodological Aspect. Monograph]. Saratov, Saratov. gos. akad. prava, 2009. 308 p.

5. Shahanov V.V. Metafenomeny v prave kak ponyatijnyj apparat granicy, obyedinyayushchej teoriyu prava i filosofiyu prava [Metaphenomena in Law as a Conceptual Apparatus of the Boundary Uniting the Theory of Law and the Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 8, pp. 23-30.

Information About the Author

Vasily V. Trofimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Research Institute of State and Legal Research, Professor, Department of Theory and History of State and Law, G.R. Derzhavin Tambov State University, Internationalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russian Federation, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-736>

Информация об авторе

Василий Владиславович Трофимов, доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-736>

рию права и философию права / В. В. Шаханов // Государство и право. – 2020. – № 8. – С. 23–30.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [Smart Regulation as the Basis for Improving Modern Law-Making]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14-29.

2. Malko A.V., Kostenko M.A. Yuridicheskaya tekhnika i yuridicheskaya tekhnologiya: kompleksnyj harakter vzaimodejstviya [Legal Technique and Legal Technology: The Complex Nature of Interaction]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 7, pp. 22-29.

3. Averin A.V., Davydova M.L., eds. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoy tekhniki: otravosoznaniya k pravoporyadku: monografiya* [Theory and Metatheory of Legal Techniques: From Legal Consciousness to Legal Order. Monograph]. Vladimir, Vladimir. fil. RANHiGS, 2022. 242 p.

4. Trofimov V.V. *Pravoobrazovanie v sovremenom obshchestve: teoretiko-metodologicheskij aspekt: monografiya* [Law Formation in Modern Society: Theoretical and Methodological Aspect. Monograph]. Saratov, Saratov. gos. akad. prava, 2009. 308 p.

5. Shahanov V.V. Metafenomeny v prave kak ponyatijnyj apparat granicy, obyedinyayushchej teoriyu prava i filosofiyu prava [Metaphenomena in Law as a Conceptual Apparatus of the Boundary Uniting the Theory of Law and the Philosophy of Law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 8, pp. 23-30.

Information About the Author

Vasily V. Trofimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Research Institute of State and Legal Research, Professor, Department of Theory and History of State and Law, G.R. Derzhavin Tambov State University, Internationalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russian Federation, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

Информация об авторе

Василий Владиславович Трофимов, доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, ri.sls@tsutmb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 1396.00 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
